

INSPIRIA

ЭДУАРД ВЕРКИН

КНИГА 1

ЧАГИНСК

АРК САРК САРК САРК САРК С

INSPIRIA

Эдуард Веркин. Взрослая проза

Эдуард Веркин
сарк сарк: Чагинск. Книга 1

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Веркин Э. Н.

снарк снарк: Чагинск. Книга 1 / Э. Н. Веркин — «Эксмо»,
2022 — (Эдуард Веркин. Взрослая проза)

ISBN 978-5-04-174117-4

Виктор - молодой писатель, прославившийся одним романом и вынужденный зарабатывать на жизнь заказными книгами для чиновников, - даже представить себе не может, чем обернется его командировка в маленький провинциальный Чагинск. В лесу бесследно пропадают два местных мальчика. Поиски не дают ничего. Да и не особо ищут детей : среди болот, оврагов и мхов живо предание о Шушуне, который забирает себе человеческие подношения. Виктор в компании с дузьями ищет реального преступника, но реален ли Шушун? или он настолько растворен в пространстве, что может быть в каждом из обычных горожан? «Чагинск» - первая книга дилогии. Об исчезновении, поисках и жертвах. «История, невольным свидетелем и участником которой я стал, не отпускает меня и сейчас, по прошествии без малого двадцати лет. Более того, картины того странного и страшного лета стоят у меня перед глазами, и я не могу избавиться от чувства, что они меня преследуют. За мной словно тянется звенящая нить, за которую я неосторожно зацепился на берегу далекого Ингирия, давит, не дает покоя, непостижимым способом преследует сквозь время, и то, что случилось тогда, стоит у меня за спиной сегодня. Нельзя сказать, что те несколько дней капитально разрушили мою жизнь, однако, она определенно свернула со своего собственного пути. Во всех своих неудачах и ошибках я вижу тень того июня, в каждом поражении — след того поражения, то хорошее, что сбыться могло, но не сбылось и не сбудется никогда. То лето было последним моим летом, с тех пор я шагаю сквозь осень, и тропы мои всё короче и короче. Меня пугают новые дни, в шагах дней уходящих я слышу безнадежность, и исправить ничего нельзя, с этим я давно смирился. Однако, я хочу понять. Я хочу понять, кто именно стоял за этим. И здесь дело даже не в справедливости. В год в России пропадают тысячи. Некоторых находят, других находят позже. Остальных не находят никогда. Что происходит с этими

людьми, остается тайной. В июне две тысячи первого года я соприкоснулся с тайной, и тайна меня отравила. Тогда я лишь почувствовал, на краткий миг ощутил, но сегодня я уверен — тогда единственный раз в жизни я столкнулся с настоящим злом. И, похоже, это зло поставило на мне глубокую пробу...»

Новый роман Эдуарда Веркина, известного автора подростковой прозы, а также автора бестселлера «Остров Сахалин» — это опус магнум, целый мир, в котором отразилось наше настоящее и прошлое. Чудовища из детских сказок существуют. И они идут за тобой... «Стивен Кинг в гостях у классиков русской литературы. Эдуард Веркин раскладывает литературную традицию на фишки Lego и собирает из них абсолютно оригинальное произведение. Смешной, страшный и одновременно грустный роман, в котором жизнь пугает едва ли не больше смерти». — Наталья Кочеткова, книжный обозреватель Лента.ру В книге присутствует нецензурная брань!

УДК 821.161.1-31

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-174117-4

© Веркин Э. Н., 2022

© Эксмо, 2022

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	32
Глава 3	55
Глава 4	76
Конец ознакомительного фрагмента.	110

Эдуард Веркин сарк сарк: Чагинск. Книга 1

© Веркин Э.Н., текст, 2022

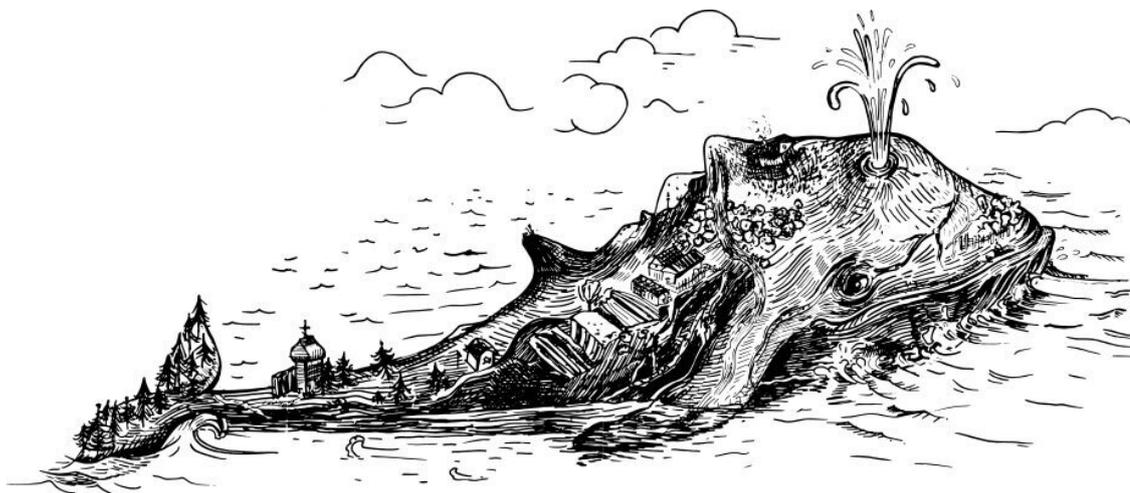
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

Каменцевой Марии Алексеевне

* * *

*Семнадцатого мая две тысячи девятого года президент США
Барак Обама убил муху*

Глава 1

Незримый енк

– Мой дед вырезал «Калевалу» на рисовом зерне, – похвастался Хазин.

Второй роман так и не взлетел.

Когда восемь попыток первой главы были убраны в правый нижний угол рабочего стола в многозначительном сантиметре от корзины, я понял, что это от настоящего. Настоящее время должно смотрелось в «Пчелином хлебе» – особенно в экспозиции и в финале, оно изящно подламывало четвертую стену, сообщало тексту обязательную русскую глубину и напряженную европейскую округлость, шептало на ухо читателю, свойски подмигивало критику, рисовало между строками пространство и воздух, легкость; с зомби такие штуки не прокатывали.

Зомби категорически не желали действовать в настоящем, предпочитали прошедшее, иногда вынужденно смиряясь с будущим. Софья Романовна Спасская, ее бестолковая дочь Нюта, незадачливый, но уютный Нютин жених Савва с наивной признательностью впитывают ладонями тепло нагретых древним солнцем римских улиц, рассуждают об урожае девяносто шестого, ощущают на языке терпкие иглы бароло и одновременно упоительное сиротство в душе, они покорны умелой руке композитора; зомби же благодарны гораздо менее. Собственно, зомби вообще исключительно неблагодарны.

Чагинск, двенадцать тысяч жителей.

– Мой дед вырезал «Калевалу» на рисовом зерне, – повторил Хазин.

Пожалуй, врет, подумал я. Непременно врет. Рисовое зерно слишком мало, а «Калевала» все же объемная. На желуде, вероятно, можно.

– Почему именно «Калевалу»? – спросил я.

– Я же финн, – ответил Хазин.

У Чагинска нет даты основания. Краеведы, ссылаясь на раскопки стоянки «Ингирь-2», однозначно сходятся на уверенном домонголе, хотя в письменных источниках о поселении никакого упоминания найти не удалось, в годы же подъема Княжьего Погоста и Галича Мерьского удел сей был дик, безначален и пуст.

На картах Шуберта отмечено урочище Чаги, это первая половина девятнадцатого века. Тогда здесь располагались пост лесничего, будка смотрителя переправы, ямы дегтеваров и углежогов.

– Он начал работать на просяном зерне, но в процессе ослеп, – сказал Хазин. – Поэтому на рисовом. Оно хранится в музее Сольвычегодска, там отличный зал миниатюристики.

Врет, окончательно убедился я. Хазин неплохо врет, однако в музее Сольвычегодска нет отдела миниатюристики, я знаю.

На атласе Ильина обозначено уже село Чагино, а в записках путешественника Ухтомского, датируемых царствованием Александра Третьего, упоминаются церковь в этом селе, водонапорная башня при вокзале, грузовой двор и концессионная лесопилка.

В тысяча девятьсот восемнадцатом, когда Ярославль, Рыбинск и некоторые ходы Северных железных дорог оказались в очаге антибольшевистского мятежа, в Чагинске формировалась рота революционных путейцев и заседал Исполнительный комитет, в честь него впоследствии назвали новый постоянный мост через Ингирь, а в честь командира революционных железнодорожников Павла Любимова – улицу.

– Жарко, – заметил я.

В годы войны в Чагинске работал крупный оборонный завод и размещался лагерь военнопленных.

Хазин проверил пальцами подмышки, под правую сунул половинку газеты, прижал.

– Юморист Сергей Остапенко во время гастролей в Ростове поссорился с организаторами и в знак протеста справил большую нужду в раковину гостиницы, – прочитал Хазин из второй половины газеты.

– Неплохо, – согласился я.

Статус города присвоен в тысяча девятьсот пятьдесят третьем в связи с увеличением населения и в ознаменование военных заслуг.

– В Саранске местные сатанисты собирались инфильтроваться в областное Управление внутренних дел, – сообщил Хазин.

– Зачем? – не понял я.

– Не написано... Лично я склоняюсь...

Хазин задумался, достал из-под мышки газету, брезгливо скомкал, чуть подергивая носом.

– Думаю, это идиотократия. Я, кстати, знал одну сатанистку.

В семьдесят шестом Чагинск стал третьим по численности городом области.

Хватило страницы блокнота: на первое время информации достаточно, даже больше, чем требуется, я подчеркнул революционных путейцев и мост им. РИКа, обвел змейкой сторожку дегтеваров.

– В сущности, все идиоты, – сказал Хазин, отбросив газету на обочину. – Это факт, с которым не поспоришь, иначе нельзя. Тут действительно была избушка углежогов?

– Дегтеваров, – поправил я. – Или дегтярей. Углежог южнее, здесь дегтяри, здесь береза. Деготь делают из березы. Ты вообще знаешь, что такое деготь, Хазин?

– Деготь помогает... – Хазин понюхал пальцы. – Вроде бы от наружных болезней... А чага от внутренних... Тебе не кажется, что у дотторе Крыкофф кожные болезни? Он чешется все время, оглядывается, отряхивается как...

Хазин сбился, я не удержался и, секунду подумав, добавил:

– Как енот. Енот из контактного зоопарка имени Карла Линнея.

Хазин принял подачу:

– Утконос из бесконтактного зоопарка имени Карла Густава Юнга.

В принципе, неплохо, но не стоит усугублять, жарко, не надо форсировать, лучше попридержаться, и добавил:

– Шелудивых в Валгаллу не имут.

– Да, Крыкову помог бы деготь, – не услышал Хазин.

Он открыл кофр, задумчиво разглядывал и перебирал тяжелые объективы.

– Но местные дегтевары уже давно не те. – Хазин примерил на байонет широкий угол. – Я обошел центральные магазины – и нигде нет ни дегтя, ни вазелина, ни тувель с квадратными каблуками. Ты уверен?

– Да, думаю, здесь все-таки был центр дегтеварения, – сказал я. – Чагинский деготь славился в России и за ее пределами. Его экспортировали во Францию, сорок тысяч ведер ежегодно. Он получил вторую золотую медаль на Парижской выставке в номинации «Лучший креозот, олифа и деготь»...

– Погоди, запишу, – перебил Хазин, старомодно подышал на карандаш. – Лучший деготь в центральных губерниях производился именно в Чагинске... Ручку надо купить...

– Кто, кстати, изобрел деготь?

– В каком смысле? – теперь Хазин перебирал светофильтры.

Смотрел через них на меня: синий, желтый, антиблик.

– Ну кто конкретно принес его людям? – уточнил Хазин. – Прометей – огонь, Фарадей – электричество, а Бенардос – электросварку, братья Люмьер – кинематограф, а деготь? Кто придумал деготь?

С Бенардосом в прошлом году было легче, богатой судьбы человек.

Хазин сложил губы хоботком – чтобы получился сухой выдох, – сдул с холодного синего фильтра пылинку.

– Думаю, у дегтя безымянный изобретатель, – сказал он. – Джон До. Кузьма Кузьбожев. Безымянный изобретатель, но... Чагинский деготь отличался повышенными эксплуатационными качествами. А?

– Возможно, – согласился я.

– Несомненно... Слушай, а возможно, чтобы деготь изобрел наш Чичагин?

– Вряд ли, – сказал я. – Он все-таки адмирал. Ученый, культуртрегер, а деготь – это народная сила... Хотя...

Ломоносов умел и в рифму, и в закон Ломоносова – Лавуазье.

– Он мог его популяризировать, – сказал я. – Он же адмирал был. Наверняка этим дегтем пропитывались борта фрегатов, одержавших ту самую победу над шведами... или лучше над турками?

– ...Адмирал Чичагин – владыка дегтя... – записал в блокнот Хазин.

– Вычеркни, – посоветовал я. – Повелитель дегтя – это смешно, Хазин.

– Какая разница? Эти книги все равно никто не читает. Главное, чтоб под обложкой была фотография Механошина. А адмирал Чичагин, деготь, ерши... Всем на это плевать.

Хазин прав, плевать. И добровольно никто не читает. Дарят библиотекам и почетным гостям вместе с магнитиком, ежедневником и кружкой. А почетные гости забывают в автобусах, в аэропортах и на вокзалах. Такова незавидная участь локфика.

– Витя, в прошлый раз ты написал, что основателем Княж-Погоста был внебрачный сын Андрея Боголюбского, – сказал Хазин. – Никто и не заметил.

– Ну, теоретически...

Я попытался вспомнить историю, но вспомнил только то, что у Андрея Боголюбского имелись проблемы с позвоночником, что он отличался неукротимостью в мечевом бою, что, судя по его архитектурам, тяготел к прекрасному. Росту же был ниже среднего.

– Все-таки лишнего лучше не городить, – заметил я. – Здесь не тот случай.

Незавидная, но великая участь.

Хазин отмахнулся.

– Случай всегда тот, – сказал он. – Всегда. Вить, чего ты дергаешься-то? Материал кое-какой есть, городок вроде симпатичный – считай, полдела сделано.

Полдела да. Текст, правда, не идет, но это в локфике случается.

– Или это... – Хазин ухмыльнулся. – Старые раны болять? Дым отечества?

– Не болять, – ответил я. – И не дым. Поехали лучше.

Хазин повесил камеру на бок, завел двигатель, «шестерка», скрипя, двинулась по Типографской.

– Надо работать по обычной схеме, – рассуждал Хазин. – От славного прошлого к славному будущему. От дегтя к предприятию «Музлесдревк», от старой водокачки к новой водокачке. И не забываем ершей!

Хазин указал на плакат с гербом, украшающий стену типографии. Ерш на плакате выглядел весьма себе рококо. А Хазин пребывал в хорошем настроении.

– Мне кажется, что роль ерша у нас недооценена, – рассуждал он. – Собственно, вспоминается «Сказ о Ерше Ершовиче», ну и еще что-то там... А зря. С ершом можно в принципе работать. Хотя наш народ, конечно, больше любит мышь.

– Наш народ любит мышь? – удивился я.

– В широком смысле да. – Хазин притормозил, сделал несколько снимков холодным фильтром: гостиница, сбербанк, «Хозтовары», «Парикмахерская». – В том же противостоянии мыши и кота народ отождествляет себя, безусловно, с мышью. Мышь – это маленький человек, Акакий Акакиевич. Кот же – стихия насилия, власть, империум, погром. И народ едет в тот же

Мышкин и с вызовом покупает красную глиняную свистульку, потому что народ – стихийный бунтовщик. Читай Пушкина, там про заячий тулуп и мосье Швабрина.

Уолт Дисней, подумал я. Швабрин, кажется, сволочь, после обеда Хазин, случается, утомителен.

– Тогда покровитель Мышкина – Уолт Дисней? – спросил я.

Хазин задумался, проверил вспышку, двинулся дальше.

– Надо, кстати, подкинуть им идею, – рассуждал Хазин, руля. – Пусть мышкинская мэрия бьет челом в «Маус Хаус», как там... «не растекаясь мышью по древу, вычерпнет Дон своими шеломами...».

Я с сомнением хмыкнул.

– Только не говори, что по древу можно растекаться мыслью, – сказал Хазин.

– Но и мышью тоже растекаться нельзя, – возразил я.

– Мышью как раз можно. Знаешь, есть такие лесные древесные мыши, мелкие, но чрезвычайно шустрые, меня такая в детстве укусила... Мышь, короче. Слушай, я понял! В русской культуре нет сказок про мышей!

– И что?

Заныли зубы и голова. Хазин не унимался.

– И вот почему. Мышь – безусловный носитель протестантской парадигмы, – вывел Хазин. – Несколько отстраненный элемент, чуждый. Мышь крадетсЯ вдоль стен и крадет зерно, мышь распространяет инфекции, мышь грызет проводку бомбардировщика «Максим Горький», мышь – безусловное зло. Но нам почему-то многие годы внедряли ее позитивный образ...

– Хазин, – попросил я. – Ты противоречишь сам себе.

Нет, он не унимался:

– Ерш напротив – явный государственный, он выступает прямо и гордо, с открытым забралом! Я думаю, нам надо это подчеркнуть!

– Не надо, Хазин, – попросил я. – Не надо.

– Почему?!

– Ты же не знаешь, кто на самом деле книгу заказывал, да? А может, ее протестанты заказывали?

– Это Механошин-то протестант?! Ты его рожу видел?

Хазин наблюдателен.

– Механошин, может, и не протестант. Но вряд ли книгу заказывал именно он.

– Думаешь, Светлов? – тут же зацепился Хазин.

Я промолчал. Теоретически мог и Светлов.

– Ладно, – согласился Хазин. – Но я бы на твоём месте об этом подумал...

– А как быть с чагой? – спросил я.

– Чага – второй камень, на котором зиждется здание чагинской истории. Здешняя чага – самая лучшая. Чага от чего, кстати?

– От всего, – сказал я.

– Я так и знал.

Хазин попилил ногтем зуб и добавил:

– Тут у них День города скоро.

– И что?

– Может, я свалю, а? Домой смотаюсь на денек. Сам знаешь, я эти карнавалы не очень...

– Надо будет поснимать, – возразил я. – Для книги может пригодиться.

– Поснимай сам, Вить, это не сложно, знай дави на кнопку!

– Не, я один отдуваться не собираюсь.

Хазин принял к обочине и затормозил, скептически сфотографировал нарисованную женщину в окне «Парикмахерской».

– Твой дед вырезал «Калевалу» на рисовом зерне, а ты соскочить хочешь?

– Буквально на три дня! Витя! Устал, честно! Носимся как бобики же...

Я с Хазиным был отчасти согласен, проект разворачивался сумбурно и бестолково, но с Крыковым всегда так. Много пафоса, беготни, нелепых скачек и диких идей, но результат, как правило, вполне.

– Мне несколько непонятно, куда качать? Куда мессир Крыков ведет нашу плоскодонку?

– Хазин, не мельтеши, – посоветовал я. – Собирай материал. За тобой фото, за мной текст, все просто.

Мы сидели в машине на углу Типографской и Любимова под шелудивой акацией, в пестрой тени, в масляном запахе желтых цветов. В восемь лет я нарвал таких кружку с горкой и съел, зачем – не вспомнил, кажется, на спор с Федькой, потом меня тошнило рыжим.

Типографская зарастала, сирень разошлась вдоль заборов, подъезла тропки и подбиралась к асфальту, хлопала проезжающие машины кистями, но не пахла – год акации. Мне нравилось это место. Раньше здесь стоял ларек, в нем принимали стеклотару и продавали лимонад, сейчас пустырь. То есть плешак, засыпанный кочегарным шлаком. Удобно сидеть и смотреть: по Центральной едут в мэрию, по Любимова за РИКовский мост.

– Думаю, надо качать от обороны, – предложил я. – Наш сабж – один из символов обороны страны, а здесь, в Чагинске, работал снарядный завод. Здесь реально ковалось оружие победы. Без сомнения, это неслучайно. Можно сказать...

Я потер виски: с ходу не придумывалось, чертов Хазин инфицировал голову «Калевалой» на рисовом зерне, я пытался отогнать этот образ и мысль: на каком именно – длиннозерном или кубанском?

– Можно... Здесь, кстати, до сих пор военные склады расположены, там, на другой стороне.

– База?

– Да какая база, старье всякое догнивает. Если...

– А если им новый герб предложить?! – вдохновился вдруг Хазин. – Вот так, примерно...

Хазин быстренько набросал в блокноте макет.

Озорная рыбка, похожая на ерша. Над рыбкой выпуклый холм и город на нем. Над холмом боевая перчатка.

– Как?

– Надо еще поработать, – посоветовал я. – С одной стороны перчатка словно пытается сграбастать город, а с другой – будто показывает зрителю дулю.

– С перчатками вообще сложно, – заметил Хазин.

– Работать надо. И почему именно рыба в центре? Где чага, где шестеренка?

– Чагинск – столица русского ерша, – сказал Хазин. – Так говорил... Аксаков?

– Сабанеев, скорее. «Столица ерша», кстати, двусмысленно. А нам надо, чтобы без возможных толкований. И зачем нам ерш, мы ведь договорились – столица чаги. Это исторически верно.

– И про ерша верно, – возразил Хазин. – Здесь водились самые крупные и жирные ерши.

– Но город-то Чагинск?!

– Что-то я запутался, – поморщился Хазин. – Предлагаю на сегодня закругляться.

– Согласен. Надо зайти... Бросить взгляд. Не побоюсь этого слова, простереть.

Я, в принципе, был весьма не против простереть – на утренней летучке Крыков сдержал слово и выплатил аванс.

Мы поехали в десятый, остаток дня сильно сократился.

Через четыре часа я сидел в номере безымянной гостиницы на втором этаже и швырялся в окно закишей черешней, целясь в машину Крыкова. Хазин пытался делать вид, что работает – фотографирует сумерки над Ингирем, мультяшные силуэты железнодорожных кранов над

грузовым двором, редких прохожих и собак. Крыков на крыльце первого этажа брэнчал на гитаре и рассказывал барышням анекдоты. Я старался не думать.

Когда черешня кончилась, я вернулся в номер и попробовал спать. Я почти справился, но за полшага до рэм-фазы дернул ногой, уперся лбом в стену номера, зашпатлеванную рыхлой известкой, чихнул, втянул пыльный воздух и дальше чихал долго, растирая нос и глаза; остановился, задержав дыхание. Начал отсчет. На семидесятом в дверь начали стучать, я открыл. Явился сам Крыков.

– Не плачь, малыш, грозы не будет, – сказал он.

Крыков вошел в номер, уселся на пустую койку.

– Получается дерьмо, тебе не кажется? – спросил Крыков.

Я уклончиво не ответил.

Крыкова сегодня не полюбили смешливые барышни, и он пребывал в некоторой тоске, жаловался на местную дичь и на урода, закидавшего его машину тухлым компотом, и на то, что жадность, безусловно, порок; если бы не жадность, он сейчас отдыхал бы себе в Тунисе, а не блуждал в этих пустынях как пес и лошаара, а тут, между прочим, странная атмосфера, на первом этаже магазин «Мотоблок и дрель», косметический салон, зубной кабинет «Пульпитто» и похоронный центр «Николай», у Крыкова скверные предчувствия.

– Да нет, не чувствую, – возразил я.

– Нашим проектом заинтересовались, – сказал Крыков, скрипя пружинами.

– В области?

Крыков помотал головой.

– Это плохо, – он закурил. – Я не люблю так работать, не люблю... Возможно, подготовку стоит форсировать.

– А кто именно заинтересовался? – осторожно спросил я.

– Вы были в музее? – не ответил Крыков.

– Нет пока. Полагаю, не стоит форсировать...

– Завтра посетите, – перебил Крыков. – Там много интересного... Форсировать... может, и форсировать. Да, праздник – это главное, но и книга нужна... Ах, Витя, в местной администрации одни неразбавленные идиоты...

Крыков жаловался полчаса, выпил всю воду из графина, надымил и удалился, напомнив, что завтра совещание у мэра и мы должны предъявить хоть какой-то результат.

Из-за Крыкова и известки я не смог успокоиться, пришлось запустить ноутбук и править первую главу «Чагинск в VIII–X вв.», стоянка «Ингирь-2», шнуровая керамика, твердый домонгол; смотреть клипы, ожидая, пока не закиснут глаза. Это помогло, около двенадцати удалось уснуть.

Проснулся я поздно и в неожиданно хорошем настроении, что мне понравилось не очень, в сумерках известка и Крыков, а утро вдруг вечера мудренее и в холодильнике бутылка минералки.

Я открыл минералку. Хорошее настроение с утра – дурной знак. Настроение, утро и солнце, желание поработать – определенно стоило быть осторожным, основательно призадуматься. Опыт утверждал, что просыпаться стоит с отвращением, заканчивать день безнадегой, а жизнь от утра до обеда совершать кое-как. Особенно работать. Спустия рукава, из-под палки, в лес не убежит, дураков любит, я давно заметил – если работа начинала приносить хоть некоторое, пусть самое небольшое удовольствие, она тут же заканчивалась. Так что к хорошему настроению я отнесся без энтузиазма.

Ситуацию несколько скрашивал хозяин магазина «Мотоблок и дрель», с утра у него были покупатели и на первое и на второе, и он демонстрировал достоинства своих приборов во дворе. Мотоблок стрекотал, дрель визжала, я чистил зубы. За две недели, что мы прожили в гостинице, ни утра без дрели, бензопилы, мотоблока и триммера не обходилось. Дела в мага-

зине явно шли хорошо, народ запасался инструментом, я сам стал раздумывать, не купить ли какой-нибудь инструмент или прибор? Мне нравились сварочные аппараты, они походили на декорации фантастических фильмов из детства; кроме того, сварочный аппарат мог пригодиться в хозяйстве.

Я закончил туалет, налил воду в литровую банку, запустил в нее кипяtilьник и стал стучать о край стола слежавшимся кофейным брикетом. Заметил записку под дверь.

Хазин сообщал, что он проснулся рано и отправился в библиотеку, и там будет ждать, надо же и поработать немного. С последним я согласился, поработать пора; я размягчил кофе, набрал полгорсти, засыпал в банку.

Сам кофе дрянной, а вода, напротив, хорошая: бурда на выходе получалась не безнадёжной, по утрам мне с обреченностью казалось, что я начал к ней привыкать.

Я дождался, пока кофе заварится, добавил сухих сливок, размешал.

– Работа и труд рядом идут, – сказал я. – Труд кормит, лень портит.

Я устроился на подоконнике, стал пить кофе, перехватывая горячую банку то левой, то правой.

Улица Центральная. Через дорогу сутулый дядька прилаживал к стене Дома быта новую вывеску – «Чагинск-Ренессанс».

«Чагинск-Ренессанс» принимает от населения клюкву, грибы сушеные и свежие, живицу сосновую, волосы, ногти майора, кожу майора, уши пробойные, печень маркшейдера, сейчас проедет синий «Иж-4», за рулем мужик в шлеме мехвода и толстая баба с корзиной в люльке, раз, два, три...

Проехал серый «Иж-3» без бабы.

Я с сожалением отметил, что стал неплохо разбираться в маленьких городках, в клубах, Домах быта, повадках жителей, в архитектуре общественных мест.

– Утром труд – в обед унштрут, – сказал я, вышел из номера, спустился на первый этаж.

В холле гостиницы пахло бензином из магазина инструментов и мокрыми волосами из парикмахерской; парикмахерша Алена предлагала мойку головы за пять рублей, маникюр за двадцать, модельную стрижку за пятьдесят – я третье утро подумывал сделать стрижку за пятьдесят. И сварочный аппарат непременно. Алена ничего так. В будке администрации никого.

На крыльце гостиницы курил хозяин «Мотоблока и дрели», на перилах лежала аккуратная компактная бензопила, лезвие было перепачкано зеленью.

Мотоблоков, подумал я. Я встречал Батарейкина, Отверткина, Велосипедова, почему бы не быть фамилии Мотоблоков?

– Ну что, когда объект сдадите? – спросил Мотоблоков.

– В пятом году планируем, – ответил я. – Триффида разделал?

Я указал на лезвие пилы.

– Да так, слегонца... Слушай, а правда, что самолетный завод будет?

Я потрогал зеленую кашу на пиле.

– Да, – сказал я. – Самолетный. Развиваем малую авиацию.

– «Кукурузники», что ли? – усмехнулся Мотоблоков.

– «Сессна», – поправил я. – По лицензии будем строить.

– Да кому они нужны-то?

Триффид пах укропом.

– На экспорт, – ответил я. – В Америке каждый пятидесятый водитель имеет авиационные права. Это перспективно, за этим будущее.

Я спустился по ступеням и направился в сторону библиотеки.

– Я тоже в Москве работал, – посочувствовал вслед Мотоблоков.

Сварочный аппарат – неплохая идея, но в жизни есть место и болторезу.

Библиотека от гостиницы в двух кварталах, я успел допить кофе, взболтать гущу, заглянуть на дно и убедиться, что будущее по-прежнему туманно. Успел встретить пожарного, записать в блокнот идею и вырвать листок, встретить еще одного пожарного, успел подумать про отпуск; под окнами библиотеки желтела хазинская «шестерка».

Я вошел в библиотеку. Здесь было по-летнему пусто и, как в садике, пахло манной кашей.
– Здравствуйте!

Никто не ответил, я поднялся на второй этаж и толкнул дверь с табличкой «Справочная литература».

Хазин нервно раскачивался на железном стуле, читал. На соседнем стуле лежала «История Северной Руси», пожелтевшая, я помнил, третий курс, пересдача. Сел в кресло у подоконника и стал читать брошюру про местные целебные ресурсы: эндемичные травы, реликтовую кембрийскую грязь и минеральную воду – в шестидесятые здесь собирались возрождать бальнеологический курорт.

Иногда Хазин отрывался от своей брошюры и смотрел в окно, шурился, нельзя было понять, думает он или делает вид. Я прочитал про голубые глины и сказал:

– Крыков вчера скользил.

– Крыков и мне не нравится, – ответил Хазин. – Он явный стукач и сука.

– Да... А кто не стукач?

Хазин промолчал.

– В библиотеке, кажется, никого нет, – заметил я.

Хазин сорвался:

– В некоторых библиотеках посетителей много, в других их нет вовсе. В некоторых библиотеках есть отдел «Справочной литературы», в других он совмещен с отделом прессы. В одних имеется «Библиотечка агронома», в других она отсутствует. Бывает, библиотеки выкрашены в зеленый цвет, бывает, обшиты сайдингом. Отдельными библиотеками заведуют грузные тетки, другими целеустремленные девушки. Бывает, библиотеки расположены в клубах, бывает, в пятиэтажках...

Склонность Хазина к логорею есть крайне полезное качество в создании локфиков про славное прошлое и кипучее настоящее малых городов Нечерноземья. Если со мной приключался жесткий райтер-блок, я спускал с поводка Хазина, и тот на шоколаде и энергетиках легко вытягивал две-три главы. Впрочем, случалось, что Хазин болтал интересно: как каждый хороший фотограф, Хазин умел замечать. Например, он сразу сказал, что железный стул аптечного происхождения – инвентарный номер и загадочный штамп ГЗО, и если принюхаться к спинке, слышен спирт и аспирин, а кресло, видимо, почтовое.

– ...Есть библиотеки, которые посещал Гайдар, но больше тех, где он не бывал ни разу. Есть библиотеки с печным отоплением, есть с кочегарками во дворе. Библиотеки с большим подвалом и библиотеки с винтовыми лестницами. Случается, что в них сохранились фонотеки, старые пластинки, кассеты и даже бобины...

Но сегодня хазинский треп раздражал, я старался не думать о библиотеках, у меня «Калевала» еще не вытряслась.

– ...И во всех библиотеках есть некая общая составляющая, нечто архетипическое, восходящее, пожалуй, к Античности, возможно, к позднему Средневековью...

Не думать не получалось – на втором этаже городской библиотеки Чагинска было слишком много библиотеки: стеллажи с пожелтевшими словарями и кособокими энциклопедиями, журналы «Наука и жизнь», сваленные вдоль стен и проросшие плесенью весенней капели, столы, отполированные локтями читателей, запах прелой бумаги... я прежде не предполагал, что бумага имеет столько оттенков. Наверное, старые библиотекари легко отличают по запаху Достоевского от Марка Твена, «Технику молодежи» от «Здоровья», «Труд» от «Сельской жизни».

– Эй!

Я очнулся, посмотрел на Хазина.

– Меня, если честно,стораживает участившаяся повторяемость, – сказал Хазин. – Это не есть хорошо.

Два пожарных.

– Пожалуй...

– Все дело в том, что с утра я думал о клещах и библиотеках. Знаешь, я проснулся в своем номере, и вдруг такое солнце...

Хазин замолчал и вернулся к брошюре.

– Вопли местных краеведов нередко забавны, – сказал он через минуту. – Вопли-с, вопли-с, та-та-та, жизни нету ни черта...

Снова захотелось кофе. В библиотеке имелся кофейный набор, однако кофе здесь был растворимый, цвета торфа, один раз я рискнул.

– Жизни нет, – повторил Хазин. – И денег нет. Как думаешь, станцию «Мир» действительно затопили?

– Искал бы по делу, – посоветовал я. – Краеведение на третьей полке.

– При чем здесь краеведение? Я же говорю – вопли-с. Исключительно местные кудеяры, Витя. Мы же оба отлично понимаем, что...

Хазин замолчал, начал прислушиваться.

Печатная машинка.

Я представил почему-то Скотта Фицджеральда. Одинокого, позабытого, больного. Сочиняющего в Пасадене книгу про историю Пасадены.

Хазин вздохнул, стал похлопывать брошюрой по колену.

– Когда я учился по глупости в «кульке», у нас этнографию преподавал профессор Пименов, мерзкий такой вурдалачек. Так вот, он рассказывал...

Хазин опять замолчал и прислушался.

– Этнография – продажная девка империализма, – сказал я на всякий случай.

– Подержи-ка, – Хазин сунул мне брошюру. – Я сейчас...

Хазин несколько секунд страстно пинал батарею.

Пишущая машинка стихла.

– Это Глашка стучит, – Хазин удовлетворенно кивнул. – Сочиняет роман. Я ей сказал, что современной прозе нужна молодая кровь.

Повторение.

Возможно, Хазин прав.

Из брошюры выпал трогательный кленовый лист, я не удержался и поднял его с пола. Гербарий.

– Так вот, профессор Пименов рассказывал иную историю, несколько отличную от нашей. – Хазин отобрал брошюру, свернул в подзорную трубу и посмотрел в окно. – Как-то раз адмирал Чичагин, значит, шагал по улице...

Хазин навел на меня трубу.

– Это в Гатчине было... или... в Ораниенбауме...

Он дотянулся до энциклопедии, до буквы «И», снял том и определился, что Изборск.

– Так вот, – продолжил Хазин. – Шагал он по улице Изборска, а навстречу ему некий бык. Крупный такой бычара, пегой масти, раз – и встал поперек дороги. Тогда адмирал схватил быка за... За повсеместную нашесть, одним словом. И...

Хазин с выразительным чавканьем сжал кулак.

– И вырвал с корнем.

– Бродячий сюжет, – заметил я. – Про тавромахию слышал? Там тоже с быками баловались. Кто рог вырвет, кто... струю. Такое бывало.

- Опять все украдено до нас? – покривился Хазин.
- Еще древними греками.
- Жаль.

Хазин не удержался, бросил брошюру, поднял камеру, сделал несколько снимков из окна. Автомобильный мост, «Культтовары», велосипедист.

– Клещи наступают, – сказал Хазин. – Ареал распространения неуклонно сдвигается к западу. Выхода нет.

Первое после знакомства время я сильно подозревал понты – камера у Хазина была наглядно недешевая: тяжелая зеркалка, круглый горб пентапризмы, дополнительный блок питания, толстый объектив с красным ободком, бленда; все уважали сначала камеру и только после замечали за ней самого Хазина. Камера стрекотала с пулеметной скоростью, и окружающие немедленно смотрели на нее, ну и на Хазина немного. Пользовался аппаратом Хазин слишком часто, фиксировал улицы, пейзажи, лица и некоторые непонятные для посторонних предметы, пространства и сцены: ржавую монетницу, выгоревший на солнце дорожный знак, свадьбу жуков-пожарников, улицу, вывески, стенд «ГИБДД предупреждает», «Мотоблок и дрель». Каждую вторую паузу в жизни Хазин заполнял фотодеятельностью. В книги эти фотографии не попадали, но Хазин твердо намеревался составить из них летопись собственной жизни.

– Нужна зима, – сказал Хазин. – Три зимы хорошего мороза – и клещи вымерзнут от голода в своих берлогах.

Он забросил брошюру на стеллаж и достал следующую из толстой стопки под подоконником.

– «Миф и народная культура Северо-Запада: опыты анализа», – прочитал Хазин. – Опыты, то, что надо... Да брось ты эту энциклопедию, ничего там нет, кури лучше подшивки, там смешнее.

Я отложил энциклопедию и взял подшивки. «Чагинский вестник» с девяноста пятого, «Советский путь» с пятьдесят девятого, до этого «Сталинский сплав» с тридцать четвертого, до этого газеты в Чагинске не издавались.

До тридцать четвертого был железнодорожный разъезд, станция, водокачка и грузовой двор с пакугазом, производство льна, лесоматериалов, дегтя, смолы. Поселок, около трех тысяч человек. В тридцать четвертом поставили военные склады и снарядный завод, открыли газету, рынок, клуб и кинотеатр, завели механические мастерские. Под железнодорожным мостом поймали трехпудового сома, в клубе основали народную самодеятельность. Которая, если верить районке, впоследствии неоднократно побеждала на областных смотрах.

– Почему, кстати, «сплав»? Литейное производство? Шкворень-муфта-колосник...

Хазин сбился, вспоминая литейный ассортимент. Я предполагал, что Хазин скажет «заслонка», но Хазин не признавал банальностей.

– Цапфы, – сказал Хазин.

– Возможно, – согласился я. – Но тут не было литейки, здесь была сплавная. Организовал некий...

Я дотянулся до стеллажа, снял книжечку «История земли Галичской», страница семнадцать.

– Некий Стефенс, – закончил я. – Шведский бизнесмен, в девятьсот третьем году завел здесь пилораму с паровой машиной, поставлял тес и брус...

– Сто лет прошло, а брус и ныне там.

– В Чагинске сходятся три реки, а вокруг сосновые леса, с точки зрения логистики даже сто лет назад здесь было легко устроить... хаб.

– Шкворень и хаб, – сказал Хазин. – Я в школе учился с мальчиком, он панк-группу сколотил, по поминкам бомбили. Так ее и назвал: «Шкворень и Хаб». Или «Хаббл»... Не помню...

- Пусть с ним, ты по теме что нашел?
- Немного. Вот, посмотри.

Хазин протянул книгу:

- Там закладка.

Закладка из стержня шариковой ручки, на странице очеркнут абзац. Я прочитал.

Засечная черта. После первого удара тридцать седьмого года некоторая часть отряда... разошлась по рекам бассейна Унжи, грабя городки и поселения и проясняя путь на север, в новгородские земли. Когда волна схлынула, уцелевшее местное население во главе с Галичским князем решило сделать будущие набеги затруднительными.

– ...В дремучих мерьских лесах между высокими каменистыми гривами и полноводными озерами протянулась засечная черта. Мастера-засечники создавали надежный заслон продвижению орды, и это приблизило окончательное падение ига и позволило сохранить русскую государственность. Примерно так.

Хазин закончил читать. На первом этаже снова защелкала пишущая машинка.

– Ну? – спросил Хазин. – Засечная черта, мастера-засечники, державное единение народа с исполнительной властью?

- Пожалуй, – согласился я. – Засечники – это хорошо... Ах ты!

Хазин подскочил со стула – из-за косяка двери на уровне человеческого роста выставилась широкая и желтоглазая кошачья морда. Хазин быстро схватил камеру и сфотографировал. Потом сказал:

- Аглая, не прячься, я тебя вижу.

Возникла мрачная девочка Аглая с котом на плече. Машинка на первом этаже щелкала.

– А я думал, что ты роман сочиняешь, – сказал Хазин. – А ты, мейн-кун, оказывается, рыщешь.

- Вас бабушка зовет, вам там звонят, – ответила Аглая.

Хазин достал телефон, я полез за своим.

- Вам на зеленый звонят, – презрительно хикнула Аглая. – Внизу, идите.

Я бухнул энциклопедию на подоконник и пошагал за Аглаей.

Кот лежал у Аглаи на плече и смотрел на меня тоже с презрением, я показал ему язык.

- Аглая, когда к вам в город мобильную связь проведут? – спросил я.

- Никогда, – ответила Аглая.

Глаза у Аглаи красные – читает много, в левом глазу сосуды полопались и слились в яркое красное пятно.

- Почему же не проведут?

- Батюшка не велит, грешно это.

Аглая поставила кота на перила и быстро сбежала по ступеням.

Я вниз лестницу не любил, она была необычайно крута, а ступеньки узки, так что вверх еще кое-как, а вниз приходилось идти, держась за перила. Но теперь на перилах стоял кот, так что мне пришлось опираться на стену, кот сопровождал. Интересно, как в засечные времена обходились с котами?

Кабинет заведующей располагался от лестницы направо, кот замешкался на перилах, а я нет: быстро шагнул к двери, толкнул плечом.

Аглая уже сидела на коробках с надписью «В отдел комплектации» и изучала свежий музыкальный журнал, я посмотрел на нее выразительно и указал пальцем на дверь, Аглая косо ухмыльнулась и осталась на коробках.

Ладно.

Я взял зеленую телефонную трубку, она была сальной, пахла дымом, и на другом конце оказался, разумеется, Крыков.

- Это ты, Витенька? – догадался он.

Я сосчитал до пяти. Еще неделю назад обходился счетом до трех, но Крыков прогрессировал. Мерзкая привычка – угадывать собеседника скорее, чем он произнесет первое слово.

– Как дела? – поинтересовался Крыков. – Хазин там? Отлично. Работаете?

Карл Густав Юнг. Проходил на счастье мимо.

– Работаем, – сказал я.

Крыков хихикнул.

– Значит, так, к двенадцати подъезжайте к мэрии.

– Вроде бы мы собирались в музей...

– К мэрии! – оборвал Крыков. – Быть обязательно! Надо... уточнить детали. Короче, не опаздывайте, Механошин не в духе.

Крыков отключился. Я положил трубку на аппарат.

Дверь отворилась, в щель протиснулся кот, быстро пробежал через кабинет, запрыгнул в кресло. Аглая принялась чесать кота за ушами и теревить мохнатую шею, приговаривая:

– У, какую холку наел, бестолочь. Папка из тебя валенок-то понаделает, будет в чем пролетариям зимой пройтись...

Я собирался выйти, но остановился на «пролетариях» и «пройтись». Впрочем, Аглая была безжалостна.

– Суффикс «еньк» в обращении свидетельствует о крайне низком социальном статусе своего носителя, – сказала Аглая, я оценил, но оставлять удар без ответа не собирался.

– Аглая, а ты тоже всю жизнь будешь работать в библиотеке? – сочувственно спросил я.

– Да не, буду дерьмовые книги сочинять.

– Понимаешь ли, Аглая, литература – это серьезное занятие, требует большого самоотречения. Прежде всего надо избавиться от глистов.

И вышел.

Хазин уже спустился со второго этажа и беседовал в коридоре с заведующей библиотекой. Нина Сергеевна внимательно слушала и опасно косилась на камеру на груди Хазина.

Хазин не стеснялся.

– Понимаете, скоро год как миллениум на дворе, но мы катастрофически отстаем. Я был в Мюнхене, в Баварской государственной библиотеке, там все устроено не так. Там библиотека не книжный склад, а место встречи, городское пространство общения и содружества, клуб, если хотите! Там книги не выдают, а берут с полка, там можно съесть пирожное, выпить кофе...

– Да, – согласилась Нина Сергеевна. – И нас через два года обещали подключить... но пока еще не подключили. Но два компьютера есть, принтер и ксерокс, вы можете пользоваться в любое время. Здравствуй, Виктор!

– Здравствуй.

Из кабинета заведующей показалась Аглая с новенькой книгой и направилась потихонечку в сторону читального зала. Мне подумалось, что книга похожа на кота, такая же толстая и с вредным характером.

– Глаша, ты бы погуляла лучше, – сказала Нина Сергеевна. – У тебя и так глаза все полупались, операцию делать придется...

Аглая замерла, съежилась, точно в спину ей угодил дротик, затем медленно отправилась по коридору дальше, держа книгу перед собой.

– Никого не слушает, – покачала головой Нина Сергеевна. – Ни меня, ни мать, ни отца. Читает как ненормальная...

– У самого четверо, – посочувствовал Хазин. – Что за поколение, оторви да брось, акселераты...

Нина Сергеевна поглядела на Хазина с оторопью.

– Крыков звонил, – сказал я. – В двенадцать совещание.

Хазин кивнул, забрал объектив крышкой и направился к выходу. Хазину тридцать; кажется, он жил с мамой в пятиэтажке, в наличии детей я сильно сомневался, жены не было точно.

– Нам пора, – объяснил я. – Важное совещание в мэрии.

– Понимаю. Вполне понимаю. У нас ведь тут суматоха, готовимся к Дню города. Летом по отпускам все, а праздник скоро...

– Праздник – это хорошо.

Я пожал заведующей руку и поспешил за Хазиним, но Нина Сергеевна успела поймать меня за локоть.

– Виктор, минуту не уделите? – попросила Нина Сергеевна.

– Попробую...

– Я слышала, что вы интересовались жильем? – негромко спросила она.

Я жильем не интересовался, но возражать не стал.

– Недвижимость, безусловно, подорожает, – утвердительно сказала Нина Сергеевна. –

Она уже сейчас дорожает.

– Везде дорожает, – согласился я. – Экономический подъем.

– Да-да, конечно, подъем... Я слышала, на предприятии будет работать больше тысячи человек?

Я многозначительно промолчал.

– А поселок для рабочих, он... за РИКовским будет?

– Планируется два поселка, – сказал я. – Один для рабочих, другой для руководящего состава.

– Да? А если предположить...

– Извините, нам еще в керосинку сегодня, – перебил я.

Нина Сергеевна растерялась, а я вырвался.

Хазин успел забраться в машину и гонял тюнер, ловил скрипы и шорохи, короткие волны до Чагинска не долетали.

– Засечная черта – это хорошая идея, – сказал я.

И сел рядом с Хазиним.

– Надо, пожалуй, начинать по-нормальному работать, – продолжил я. – Время идет, мы стоим.

– Спорный вопрос и методологическое заблуждение. Человечество упорно воспринимает время дискретно, однако это ошибка. Время никуда не идет, его вообще нет...

– Вот об этом расскажешь мэру, – перебил я.

Хазин не стал спорить, повернул зажигание, сразу воткнул заднюю, передача недовключилась, но Хазину было плевать, он с визгом выставился поперек улицы, затормозил и стал нащупывать первую. С первой, как и с задней, у Хазина всегда проблемы. Это от того, что пальцы Хазина привыкли к кнопкам на камере, мелкая моторика одержала сокрушительную победу над крупной.

В салоне запахло паленым сцеплением, Хазин дергал ручку и в итоге попал на третью, после чего решил не мучиться и тронулся с нее. Чтобы меньше воняло, Хазин потер елочку.

Чагинск тянулся вдоль железной дороги с обеих сторон: с северной поднимаясь на холм и спускаясь к Ингирию, с южной упираясь в болота между Нельшей и Номжей.

Мэрия располагалась в конце Любимова, недалеко от библиотеки, но Хазин не любил ездить по прямой. Он сворачивал на первом перекрестке, по четным направо, по нечетным налево, и мы начинали пробираться к мэрии, складывая из городских кварталов замысловатый тетрис, каждый раз желательный новый. Хазин объяснял эту геометрию желанием увидеть город в максимальном объеме, мне было все равно, я и так знал эти улицы. Они мало менялись за десять лет, деревья подросли, на некоторых домах появились тарелки, другие дома опу-

стели. Опустевшие вызывали в Хазине интерес, он притормаживал и фотографировал. Холостые в «шестерке» заметно плавали, поэтому ногу с педали Хазин не снимал, фотографировал и добавлял газу, отчего мне казалось, что между камерой и двигателем есть связь: обороты вверх – длинный фокус, обороты вниз – короткий.

– Опоздаем, – сказал я. – Двадцать минут осталось.

Хазин не ответил, наличники на углу дома Рабочей и Сиреновой, видимо, стоили длинного. «Шестерка» заглохла.

– Однажды я был в библиотеке, в которой располагался штаб Колчака, – сообщил Хазин.

– И что?

– Колчак коллекционировал наличники. Когда он стоял в Омске, то велел со всех окрестных сел свезти резные наличники...

Завелись, поехали дальше. Хазин рулил и болтал про Колчака, который коллекционировал еще прялки, и колесики от керосиновых ламп, и челноки от ножных машинок «Зингер». Я не слушал, смотрел по сторонам.

Все же Чагинск изменился. Вывесками, я не мог отделаться от привычки цеплять и оценивать вывески. Пятый магазин был теперь «Криолитом», Восьмой – «Лидией», Железнодорожный стал «Эдельвейсом», в старом общежитии профтехучилища обосновалась «Экстра», в гараже пожарной части осваивался «Мотоблок и дрель 2», в бывшем обувном играла «Мормышка».

– ...хобби у него такое было – немного прясть. Это после Самарканда...

Зарослями. Акация, сирень, вишня и терн, ирга и черемуха разрослись и смяли улицы и тропки, тянувшиеся вдоль заборов, и кое-где завалили сами заборы; центральные улицы еще сопротивлялись флоре, окраинные и поперечные сдали и стали похожи на зеленые туннели и тупики.

– Так вот, там кабинет директора абсолютно не изменился со времен Колчака, а на косяке сохранился отпечаток его ладони – властитель Омский вляпался в свежую краску...

Пылью. Ее стало больше, и значительно. Раньше она держалась в нижней части города, вдоль железной дороги и старых карьеров, сейчас поднялась заметно выше, до Школьной, а по утрам протягивалась поперек Советской. За время, проведенное в Чагинске, «шестерка» нахлебалась пыли, которая теперь скрипела под резиновыми ковриками и хрустела под стеклами. Хазин, чей дед выцарапал «Калевалу» на рисовом зерне, утверждал, что это от эрозии. Вода и ветер постепенно вымывают почву из-под холма, перемалывают песок, и пыль захватывает мир.

– Приехали, – сообщил Хазин. – Витя, очнись, мы дома! Приучаемся к горшку.

Мэрия находилась в процессе активной реконструкции. Правая часть здания белела свежей штукатуркой, вокруг левой рабочие ставили леса, вдоль улицы пирамидой лежали толстые черные трубы. Мордой к трубам машины. Хазин припарковался с краю, не удержался и сфотографировал мэрию сквозь трубу. Я отметил, что сделал он это в четвертый раз за неделю.

– Кто-то новенький, – Хазин указал на веселенький синий пикап. – Номера Мособласти, столичный хмырь пожаловал, будет жизни учить, такие всегда учат...

Хазин сфотографировал машину.

– ...Крыков юлит... – нервничал Хазин. – Слепому ясно, что делать надо, а он марш физкультурников затевает...

– Крыков отдельно, мы отдельно. Крыков окучивает тутошних команчей, мы за мелкий прайс пишем книгу с картинками. Мы субподрядчики, с нас спроси седьмой.

– Да я...

– Все в порядке, Хазин, не дергайся. Держись справа.

Мы направились к мэрии, я вступил в здание первым.

В вестибюле было прохладно от гладкого мраморного пола, в открытые окна задувало с реки, под потолком горел свет, хрустальные люстры, хотя света и так хватало. В дальнем углу ржавел громоздкий льнопрядильный станок, возле стены с фотографиями лучших людей района дождался Крыков, ходил вдоль, под мышкой красная папка. Увидев меня и Хазина, Крыков сделал брезгливое лицо.

– Привет, Крыков! – громко сказал Хазин.

Крыков вздохнул и подошел к нам.

– Привет, – сказал Крыков. – Ну и как оно?

– Работаем, – ответил я.

– Молодцы, – зевнул Крыков. – Я тоже немного работаю, но... Дремучее местечко, дремучее...

– Крыков, ты нам на редкость тухлую халтуру подсунул, – сказал Хазин. – Тут не о чем писать.

– Писать всегда не о чем, но вы же пишете, – огрызнулся Крыков. – Найдите, что до вас писали...

– Про Чагинск мало писали, – перебил Хазин.

– Будешь первым, – ухмыльнулся Крыков. – Тебя повесят на Доску почета!

Крыков указал на фотопортреты достойных. Хазин вздохнул.

– А сам как? – спросил я. – Сдвинулся? Что двигаешь? Деготь? Лен? Праздник выдры в Выдропужске?

– Да так, помаленьку. Говорю же, места непуганые. Да и местные... эти обыватели любят кислый хлеб, ну вот как Хазин примерно...

Крыков разговаривал в мою сторону, глядел же через окно на автостоянку.

– Шарахаются от всего, как дикие, – рассказывал Крыков. – Как в семьдесят восьмом прибили, так реально держится, прыжок на месте – провокация. Я им предлагал железный сценарий – пригласить музыкантов и устроить пивной фестиваль по типу Октоберфеста. Чичагин-фест! Рейв, пиво, шашлыки! В здании брошенного льнозавода его провести – так начальница культурного отдела бруствером встала!

– Чичагин-фест – фигня, – возразил Хазин. – Вот Чехов-фест нормально...

– Газик, ты молчи, а? – рассердился Крыков. – Не тебе меня учить...

– Хазин прав, – перебил я. – Ты мимо немного работаешь, «Чичагин-фест» – это название для областного масштаба, а не для районного. Придумай попроще.

– Да что тут придумаешь...

– «День Чаги», – предложил я.

– «День Чаги», – скептически усмехнулся Крыков. – Витенька, ты лучше книгу свою говняй, ладно? Это у тебя хорошо получается. И кстати, нам пора, Механошин уже икру два раза мечет.

Крыков сморщился, словно собираясь плюнуть, но передумал, направился к лестнице на второй этаж.

– Урод. И точно стукач, у него на роже написано, – сказал Хазин и двинулся за Крыковым. И я.

Кабинет мэра Механошина увяз в ремонте: здесь пахло известкой и краской, дорогая офисная мебель пряталась под мутной пленкой, прижатой к полу кирпичами, роль мебели выполняли разночинные столы и стулья, явно принесенные из ближайшей школы и соседней поликлиники. Сам мэр Александр Федорович Механошин стоял в углу и через дырку в пленке заводил напольные часы.

Кроме мэра в кабинете присутствовал человек в заметно дорогом сером костюме, человек сидел на школьном стуле и с удовольствием ел лапшу из пластикового стаканчика. Я его, разумеется, узнал. Светлов Алексей Степанович. Прибыл оценить масштабы.

Крыков покашлял, мэр обернулся. Часы неожиданно стали бить, мэр неловко отскочил в сторону, опрокинул стул. Светлов улыбнулся. Мэр заворуженно смотрел на стул, часы били, Крыков нервничал сильнее, хрустел пальцами. А мы стояли.

После двенадцатого удара Механошин очнулся, к лицу его вернулось частично осмысленное выражение, и он увидел нас.

– Проходите, проходите! – указал рукой мэр. – Садитесь, времени мало, мне еще в Коммунар сегодня, устраивайтесь...

Я, Хазин и Крыков устроились: Крыков за медицинской конторкой, я и Хазин за школьным столом, напротив меня на столе было написано «ЖАБА БЫЧЬЯ», а над надписью пририсована корона. Светлов облизывал пластиковую вилку. Часы громко и неравномерно, будто прихрамывая, тикали.

– Должен вас, товарищи, обрадовать, – объявил мэр, прохаживаясь по кабинету. – Сегодня утром временно исполняющий губернатора сообщил мне, что нашу инициативу поддерживают не только на областном, но и, вполне возможно, на федеральном уровне. Не будем забегать вперед, но...

Механошин остановился у окна.

– Возможно, будет серьезно поставлен вопрос о включении территории в туристический кластер. Это меня сильно радует. Очень сильно...

Я вдруг заметил, что мэр смотрит не в окно, а в стену.

– Развитие внутреннего туризма – один из наших приоритетов, – заявил вдруг Крыков.

Давно не люблю Крыкова. Мы с ним лет пять знакомы, поэтому не люблю. ООО «Агентство коммуникативных систем». Фабрика эфемерной жизни, консалт-услуги, организация общественных мероприятий, конференций, семинаров, продвижение, директ, копирайт. И Крыков там шарфюрер и основатель. Два раза кидал меня на деньги, потом я познакомился с Хазиним, у него дядя в прокуратуре, деньги отбили. Крыков, как всякий честный утырок, не злопамятен и иногда подкидывает ненужные самому халтуры – статью, рекламу, книгу написать, ну как в этот раз.

– Развитие туризма – наша задача, – согласился Механошин. – И мы над этим работаем. А с праздником у нас проблемы, так я понимаю?

Мэр обратился к Крыкову.

– Рабочие моменты, – уточнил Крыков. – Никаких проблем, все идет по плану. Памятник адмиралу Чичагину почти готов, сценарий праздника разрабатывается. Спортсмены тренируются, хор пенсионеров расширил репертуар, выступление пожарных...

Я заметил, как ехидно ухмыльнулся Хазин.

– Кроме того, мы планируем шествие по Центральной, – сказал Крыков. – Что-то вроде карнавала. Думаем пригласить артистов федерального уровня, думаем устроить фейерверк, луна-парк привезем...

Механошин быстро поглядел на Светлова.

– Да-да, – печально перебил Механошин. – Шествие, пожарные, пенсионеры, луна-парк, народные коллективы... все как обычно. А нужно, чтобы наш праздник отличался от обычного Дня города. Чем он будет отличаться?

Светлов вздохнул.

– Я как раз...

Механошин остановил Крыкова нервным жестом.

– Я же говорю – возможно, нам одобряют рекреационный кластер, – повторил мэр. – А чем мы будем привлекать в этот кластер туристов? Фейерверком? Пенсионерами? Кого фейерверком сейчас удивишь? В Макарьеве знаете какой фейерверк?!

Механошин попытался открыть окно, но у него не получилось.

– Адмирал – это хорошо, – сказал он. – Он герой, заслуженный человек, историческая фигура... Но надо признаться, мало кто про него знает. На адмирала турист не пойдет, на фейерверки не пойдет...

Я две недели потратил на жизнь и историческую деятельность Чичагина, и мне стало немного обидно за флотоводца, хотя с Механошиным я был согласен, адмиралом народ не заманить.

– Чем мы будем привлекать туристов? – спросил мэр.

– Я предлагал Чичагин-фест, вы же сами затряслись! – возразил Крыков. – А получилось бы неплохо, между прочим. У нас есть самобытные коллективы – «Дилижанс», например, отличное кантри...

– Какое еще кантри? – нахмурился Механошин. – Кого сейчас удивишь кантри?!

– Тогда удивим ершом, – ответил Крыков.

Неожиданно.

Мэр протер платком лоб. Крыков, однако, мастер.

– Ершом? – переспросил Механошин.

– Ершом и чагой, – уточнил Крыков. – Это будет не просто День города, но и кулинарный фестиваль!

Хазин хихикнул.

– Проведем все комплексно, – рассказывал Крыков. – День рождения Чичагина и открытие памятника, уха в пяти чанах и День города в одном флаконе. Любителям истории – Чичагин, любителям кулинарии – тройная уха и конкурс на самую большую чагу.

Крыков бросил быстрый взгляд на незнакомца. Светлов внимательно изучал накрученную на вилку лапшу.

– Ершом... – мэр попробовал выжать платок. – Не знаю...

– Ерш, чага, шестеренка. Дегустация ухи, конкурс чаги, состязание на метание шестеренок. Триединство экономики, техники и культуры – все как на гербе города...

Могу поспорить, это все Крыков выдумал только что.

– Сама схема давно отработана. Малые города привлекают туристов оригинальной историей и специалитетами. В Суздале проводится день огурца и медовухи, в Лухе – день лука, в Астрахани – день арбуза и осетра, в Покрове – день пряника...

– В Мышкине – день мыши, – вставил Хазин.

Мэр поперхнулся.

– Они ее не едят, – исправился Хазин. – Просто... почитают. Кстати...

– Вот именно, – подхватил инициативу Крыков. – И в Мышкин едут тысячи туристов! Если умело поставить дело, поедут они и в Чагинск! У меня несколько предложений, вот, например...

Крыков раскрыл папку. В папке, насколько я помнил, Крыков обычно ничего не держал, предпочитая врать из головы.

– Лотерея! – провозгласил Крыков. – Лотерея – это проверенная классика городских праздников. Если назначить достойный приз, то соберется полобласти!

Крыков выскочил из-за конторки, встал возле стены:

– Фестиваль настоек из чаги! Соревнования юных рыболовов «Золотой ерш». Состязания по армрестлингу «Ершовые рукавицы». Веселая спартакиада – перетягивание каната через реку. Конкурс частушек...

Светлов рассмеялся, едва не подавившись лапшой, а Механошин отчего-то необычайно густо покраснел.

– Ну да, – Крыков сделал вид, что смутился. – Конкурс частушек «Ерш твою медь»!

Хазин подобострастно хихикнул. От него не ожидал, обычно Хазин начальство редко лобзает.

– И обязательно пивной марафон! Я узнавал на одном пивзаводе, – продолжил Крыков. – Они могут выпустить ограниченную серию... назвать, разумеется, «Чагинский ерш».

– И «Адмирал Чичагин», – добавил я. – Светлое «Ерш», темное «Адмирал», крепкое «Ерш и Адмирал».

– Отличная идея! – обрадовался Крыков. – В Бугульме есть водка «Аксаков»! Люксовая! Слушайте, а если... Сделать водку «Чичагин»?

– Почему бы и нет? – спросил Хазин. – Водка «Ноздрев» вполне себе ничего...

– При чем здесь Ноздрев?

Захотелось пить. Маразм, концентрируясь в замкнутом пространстве, вытягивает из воздуха влагу. Становится душно, одежда искрит, люди начинают вонять и нервничать. Но воды в кабинете Механошина не было.

– У нас ликеро-водочный закрыт, – пожаловался Механошин. – Не получится...

– Можно в Галиче заказать, – не сдавался Крыков. – У меня там связи, я их краны двигаю...

Я осторожно посмотрел на Светлова. Он продолжал вытягивать из стаканчика лапшу, отличный безразмерный стаканчик.

– Разумеется, надо заказать сувенирку, – продолжал Крыков. – Значки, магнитики, ручки, ежедневники...

– Хорошо, – остановил его Механошин. – Это все хорошо, это правильно... Я сегодня встречусь с заведующей отделом культуры, она вам поможет... И... думаю, можно приступить.

Крыков захлопнул блокнот.

Неплохо, подумал я. Крыков молодец, умеет подхватить, за это его и ценят.

– Да, приступить, – повторил Механошин.

– Это нереально, – капризно сказал Крыков.

Мы с Хазиним переглянулись. Разумеется, нереально. Месяца два работы. А День города...

– Что? – спросил Механошин.

– До Дня города чуть больше двух недель, – сказал Крыков. – Мы физически не успеем. И бюджет...

Мэр Александр Федорович Механошин печально сел на мешок со шпатлевкой.

– Я давно предупреждал – надо определяться раньше, – сказал Крыков. – Хороший День города полгода готовят.

Механошин больной коровой смотрел на Светлова.

Прекрасный финт, безотказный. Две недели ничего не делать, а потом пред очами большого начальства свалить все на недовинченных местных. Bravo, Крыков.

Механошин пересел за рабочий стол и стал проверять телефоны. Мэр слушал каждую трубку, нажимал на рычажки, снова слушал. Светлов вертел в длинных пальцах стакан и явно наслаждался происходящим.

– Мы готовы пожертвовать... – вдруг пробормотал Механошин. – Мы многим готовы пожертвовать...

Светлов рассмеялся окончательно.

Он смеялся, а мы на него смотрели. Мэр – со страхом бледнел и ломал в кармане пиджака сигареты. Крыков – с восторженной жадностью, как человек опытный. Хазин с удивлением. Впрочем, Хазин мог прикидываться, это же Хазин. А я не знаю, с интересом, пожалуй.

Светлов поставил стаканчик на стол Механошина и сказал:

– А мне нравится.

Мэр достал из кармана смятую сигаретную пачку.

– Мне нравится этот план, – повторил Светлов. – Думаю, получится весело.

– Алексей Степанович, – обратился Механошин к Светлову. – Алексей Степанович, я не сомневаюсь, что будет весело... Но... «Ерш твою медь»? Мы не успеем...

Алексей Степанович поднялся с места, достал из кармана пиджака свернутую бумагу, встряхнул ее, расправил. Плакат.

На плакате изображался пергаментный лист на фоне остроконечных сосновых верхушек. На свитке золотом был выведен пузатый самодовольный ерш, над ним располагался логотип «Чагинский ЦБК».

– Отлично сделано! – тут же объявил Крыков.

– Думаю, что нет, – мягко не согласился Алексей Степанович. – Но это концепт... Хотя... Возможно, Станислав, разработку логотипа стоило поручить вам...

Крыков многозначительно промолчал.

– Думаю, такой праздник – то, что надо, – сказал Алексей Степанович. – Особенно в День города. Нашим людям не хватает праздников, наша задача – это исправить. И бизнес готов поддержать начинания. Думаю, вместе у нас получится.

Алексей Степанович передал плакат Механошину.

– Давайте сделаем так, – Светлов почесал лоб. – Давайте через пару-тройку дней проведем что-то вроде игровой репетиции.

– Я это и предлагал! – взял себя в руки Механошин. – Репетицию!

– Я договорился с врио губернатора, думаю, он сможет к нам на денек вырваться.

Механошин перетек в бледный.

– Вы покажете, что подготовили, а мы вместе подумаем – и на День города реализуем все еще лучше! Я, например, люблю кантри. И уху.

Светлов улыбнулся.

– Отличная идея! – поддакнул Крыков. – У меня есть несколько интересных идей, их можно обкатать...

Механошин каменел.

В дверь постучали, и в кабинет заглянула секретарша:

– Александр Федорович, там эти приехали...

– Потом! – ответил мэр.

– Они ругаются!

– Потом! – рявкнул Механошин.

Секретарша исчезла.

– Александр Федорович, если вам нужно... – Светлов кивнул на дверь. – Мы васждемся.

Механошин с отчаянием посмотрел почему-то на меня.

– Не спешим, – подтвердил я.

Механошин вручил плакат Крыкову и выбежал из кабинета. Крыков расправил свиток, изучая ерша. Хазин сидел, не зная, что делать. Да и я не знал. Мы должны были обсуждать нашу книгу, но, похоже, всем было не до нее.

– Сочувствую бедному Механошину, – сказал Алексей Степанович. – Трудное у него будет лето...

– У всех трудное, – сказал Крыков.

– Вы полагаете? – прищурился Алексей Степанович.

Крыков поправился:

– Нет, конечно, работы много...

– Обязательно приму участие в перетягивании каната через реку, – пообещал Алексей Степанович. – Это наверняка очень весело...

– И всегда кто-то тонет, – брякнул Хазин.

Алексей Степанович опять рассмеялся, он явно находился в прекрасном настроении, глютамат натрия порой творит чудеса.

– Я думаю, что у Чагинска большое будущее, – сказал Алексей Степанович. – Слушайте, Виктор, а это не вы написали «Пчелиный хлеб»?

Я поперхнулся: нет, здесь надо обязательно поставить кулер, в горле сохнет.

– Хорошая вещь. Легкая.

Я, если честно, не ожидал. Нет, раньше я мечтал встретить в автобусе девушку с моей книгой, хотел, чтобы меня узнали в аптеке, видел такое в кино – писатель-неудачник бухает впельменной, а неудачница-пельменщица ему говорит: «Ваша книга произвела на меня моральное впечатление на втором курсе», – и вот любовь и новая надежда. Или. Фантаст третьей руки работает журналистом в журнале Winill и берет интервью у крупнейшего в России собирателя кассетных дек. Коллекционер, видный региональный чиновник, узнает в интервьюере писателя, и они весь вечер обсуждают блеск и нищету современной прозы. Я слегка испугался, что сейчас и Алексей Степанович не избежит, но он оказался умнее.

– Часы, – сказал Алексей Степанович. – Часы стоят...

Часы действительно остановились – я вдруг понял, что кабинет был заполнен их хромоногим тиканьем, а теперь тихо.

Алексей Степанович приблизился к часам, прислушался, словно пытаюсь почувствовать, что у них там внутри.

– С часами надо уметь...

Он крепко постучал по корпусу, внутри часов звякнули пружины, но часы не ожили.

– Посмотрим-посмотрим... – сказал Алексей Степанович. – Ну-ка...

Светлов сдернул пленку, приблизился вплотную к часам и неожиданно обнял их посередине корпуса, как костоправы обнимают людей с защемлением позвоночника. Хазин украдкой выставил из кофра фотоаппарат, я погрозил кулаком.

Часы были выше человеческого роста, черного дуба и наверняка тяжелые, но Алексей Степанович, несмотря на стройность, вполне оторвал их от пола.

В кабинет ворвался испуганный и запыхавшийся Механошин, застыл. Алексей Степанович сжал часы сильнее. Затрещало дерево, загудела медь внутри, запело хрустальное стекло на циферблате. Но шестеренки не сдвинулись. Алексей Степанович несколько секунд продержал часы, затем опустил их на пол.

– Не получилось, – сказал он. – Немецкие?

– Немецкие, – услужливо подтвердил Крыков.

– Немецкие, – сказал Механошин. – Жарко, вот они и... не идут... Что-то зацепляется...

– Поправим. Все обязательно поправим. Знаете, я могу прислать мастера...

– Мы сами, – отказался Механошин. – У нас есть свой мастер, я ему... вызову...

– Ну, как знаете... Кстати, – Алексей Степанович обнял мэра за плечо. – Мы тут подумали...

Хазин боролся с желанием достать фотоаппарат. А я вдруг подумал, что сейчас Светлов поднимет вот так же Механошина, потрясет до хруста, пока тот не затикает.

– Мы с ребятами посоветовались и решили, что надо увековечить память адмирала Чичагина.

– Так памятник вроде... – растерялся Механошин. – Хотим поставить... в смете...

– Памятник – это само собой. Но представьте, как будет хорошо, если к памятнику адмиралу Чичагину будет вести улица адмирала Чичагина? По-моему, здорово!

– Но там улица Любимова, – негромко возразил Механошин.

– Кто такой Любимов? – строго поинтересовался Алексей Степанович.

– Адмирал Чичагин – сподвижник Екатерины Великой и основатель русской оптики, – сказал я.

– Не помню... Думаю... Думаю, возможно...

– Ну, узнайте пока. А мне пора. Дела, дела. До встреч!

Светлов подошел к Крыкову и пожал ему руку. Затем пожал руки Хазину и мне, ладонь у Алексея Степановича оказалась ребристой и холодной. Механошину он руку не пожал, шелкнул часы в лоб, выскочил за дверь.

Механошин снова уселся на мешок. Дышал тяжело.

– Отличная идея, – сказал Крыков. – Улица Чичагина к памятнику Чичагину! Александр Федорович? Как считаете?

– Да, это...

Механошин покосился на часы, затем достал из кармана пузырек с таблетками и закинул в рот два шарика.

– У моей бабушки были точно такие же, – Крыков указал на часы. – Трофейные. Дедушка их из Германии вывез... Там внутри есть что-то вроде турбийона...

Крыков неубедительно изобразил руками турбийон, Хазин успел сфотографировать.

– Вот и хорошо, – сказал Механошин. – Мы все обговорили, давайте готовиться... Если действительно придет исполняющий... Репетиционный... День города...

Механошин массировал виски.

– А книга? – спросил я. – Мы же собирались обсудить материал, посоветоваться...

– Я сделал двести снимков, – Хазин потряс фотоаппаратом. – Надо отобрать подходящие...

Механошин уставился на нас, автоматически вытряхнул на ладонь еще два шарика, проглотил.

– Да, книга... – сказал он. – Книга нам чрезвычайно важна, чрезвычайно... Мы намереваемся вводить региональный компонент, книга должна стать фактически учебником. Важно отразить роль личности в истории города...

Я это уже слышал. Две недели назад, в этом же кабинете. Механошин рассказывал про корни, деготь, соль и роль, Хазин записывал в блокнот, то есть вид делал, что записывает, а я слушал. Хотя смысла особого в этом не было, техзадания всегда одинаковые. Во всех без исключения районных городках есть хреновая дырчатая керамика, найденная на карьере кирпичного завода, есть коклюшный промысел, продукты которого поставлялись в Париж, есть охотник Яков Парначев, в девятьсот пятом собиравшийся застрелить из своей берданки бестолкового Николашку. И адмирал Чичагин. А вообще писать книги про региональную историю и ее замечательных людей легко и выгодно. Особенно с Хазиним. Когда работает Хазин, половина листов отводится под фото.

– Надеюсь, что с книгой все будет в порядке, – закончил Механошин. – Ее-то хоть успеют напечатать?

– К началу учебного года сделаем двести экземпляров, – тут же ответил Крыков. – Для подарков и презентаций. Все идет по плану, Александр Федорович...

Механошин кивнул.

В дверь опять заглянула секретарша:

– Александр Федорович! Они там опять... Говорят, что сейчас уедут...

Механошин дослушивать не стал, выбежал из кабинета. Мы остались втроем.

– Где тут телефон можно найти? – тут же спросил Крыков.

Я указал на аппараты на столе. Крыков выразительно постучал себя кулаком по лбу: у Крыкова толстый кожистый лоб, у Крыкова неприятно круглая и ровная голова на вялых плечах и малом теле, мне Крыков всегда напоминает фигурку из пластикового конструктора.

– В гостинице же есть телефон, – напомнил Хазин.

Крыков постучал по лбу пальцем.

– Тогда на почту, – ответил Хазин. – Там автоматы, я домой, кстати, звонил...

Крыков быстро вышел из кабинета.

Остались двое.

– Может, пора и нам? – спросил Хазин. – Все разбегаются как лоси, а между прочим, скоро обед.

– Обед – это святое, – сказал я. – «Чага»?

– Столовая доручастка, – возразил Хазин.

Столовая доручастка уступает «Чаге» в пиве, но превосходит в кулинарии и видах – веранда столовой выходит на городской холм, излучину Ингирия и РИКовский мост. В «Чагу» же лучше с утра.

– Согласен.

Перед тем как выйти из кабинета, Хазин сфотографировал часы.

На улице стало еще жарче, над черными трубами кипели полупрозрачные призраки, в сложенных горкой чугунных скамейках из парка спала кошка, машины на стоянке мэрии блестя горячей жостью, и я затосковал по столовой доручастка. Возьму котлету с макаронами, капустный салат, полстакана сметаны, возьмем пива, по две бутылки, из холодильника...

– Смотри-ка... – Хазин указал фотоаппаратом.

Крыков стоял перед своей машиной, открыл дверцу, но не сел, застыл, почесывая пальцем подбородок, размышляя. Потом закрыл дверцу и направился к нам.

– До почты не подкинете? – попросил Крыков.

Хазин согласился. Почта не по пути в столовую, но все равно. Хазин расталкивал «шестерку», Крыков рассуждал об автоматических коробках передач. Хазин утверждал, что это для баб и безруких, оба лениво спорили, апеллируя в основном к «Формуле-1». Когда машина завелась и мы поехали, Крыков стал врать про работу. Я смотрел в окно.

Крыков, несмотря на профессию, плохо врет, неубедительно. Он врет про то, что слишком хорошо знает, а врать надо про неизвестное. Например, легко и весело врать про Китай. Имена короче, история длиннее. И в ней, если копнуть глубже, найдется и бродяга Юн Чжи, сын обезьяны, ставший императором, выпивший кровь своего отца и построивший свой Запретный Город за двести лет до Запретного Города. И красавица Цинь Линь, мастерица игры на цитре, непревзойденная в стрельбе из лука, неукротимая в любви, украденная северным варваром и родившая ему богатыря Ядгарлыка. И чиновник Ши, разумеется, Ван, мудрый, как змей, подлый, как россомаха, и учитель Хун, причастный к тайнствам философ, видевший вперед и отметившийся в скрижалях.

Удобно врать про Китай, никто ведь не проверит. Да и как проверить? Те, кто думает, что знает, лишь повторяют более раннее вранье, предел достоверности – память очевидцев, но они упорны в своих заблуждениях. И спят они в своих теремах, заводи тихи и пустынные, и расходятся тропки, и на последнего всегда нападает медведь, Крыков врал про то, что взял заказ на логотип электротехнического завода, а заказчики – профаны, и он преспокойно поручил дизайн своему сыну-пятикласснику, и ничего, прокатило – не вздрогнуло...

– Почта же!

Хазин остановился напротив почты, Крыков выскочил и быстро взбежал по ступеням.

– Стучать торопится, – заметил Хазин. – Трепло...

– Он и из номера стучать может, – возразил я.

– Не догоняешь, – хмыкнул Хазин. – По одному телефону в разные места стучать нельзя, это каждому стукачу известно.

– А может, он не стукач?

Хазин хмыкнул и сфотографировал почту.

Почта в Чагинске двухэтажная, типового проекта: слева от входа почтамт, справа переговорный пункт. Внутри обглоданные пластиковые столы, снаружи желтая краска, на крыше облезлая спутниковая антенна. Напротив синяя железная остановка, квадратная: она ничуть не

изменилась, пожалуй, сиренью заросла гуще. Бабушка любила сирень. Она росла под окнами, и когда я приезжал в конце мая, сирень, совсем как в книгах, настойчиво лезла в окна. И ландыши бабушка любила, собирала букеты с горьким запахом, но на ночь в комнате их никогда не оставляла, потому что, если оставить, можно не проснуться; ландыши зацветали всегда вместе с черемухой.

Хазин сфотографировал квадратную остановку.

– Здесь мне зуб выбили, – сказал я. – Году в девяностом.

– За что?

– Да ни за что. Подошел мужик, спросил, не нужен ли мне «чезет», а я и ответить не успел – он мне по зубам хлысть...

– А ты?

– Я не успел... То есть он сразу же запрыгнул в грузовик и укатил. А я потом зуб искал... он до сих пор тут валяется...

Хазин сфотографировал остановку еще раз.

– Хочу сделать подборку, – пояснил он. – «Остановки минувшей империи», примерно так...

Из здания почты вышла рыжая собака с провисшей спиной, вытолкнула носом дверь, спустилась по лестнице и побрела в кусты. Я думал о зубе – что мой зуб до сих пор лежит где-то здесь, врос в землю, а возможно, его давно съели муравьи.

– Мир изменяется, остановки мельчают, – сказал Хазин. – А вот в Краснодарском крае настоящий заповедник, там их из бетона ваяли, монументально работали... Но лет через тридцать не останется ничего. Надо успеть.

Из здания почты вышла еще одна рыжая собака, похожая на первую. Хазин потер глаз.

– Там прохладно, – объяснил я. – Собаки сидят на почте в жаркие дни.

Хазин сфотографировал вторую собаку.

– Собаки сидят на почте в жаркие дни... – задумчиво повторил Хазин. – Красиво. Мне решительно нравятся такие вещи: собаки на почте, бак с кружкой на вокзале, медведица Маша...

Медведица Маша в Ярославле – жрет морковь и восхищает иностранных туристов.

– Знаешь, чем маленький город отличается от среднего? – спросил я.

– Бабами, – уверенно ответил Хазин. – В маленьких городках бабы... приветливее. У меня есть по этому поводу соображения, сейчас расскажу...

Хазин болтал, а я смотрел на почту. У бабушки не было телефона, и, чтобы позвонить родителям, мы ходили сюда. Сидели в твердых и гладких пластмассовых креслах, читали надписи, вырезанные на деревянной ширме, и ждали вызова. Мне нравилось на переговорном пункте, в нем пахло электричеством, а на перегородке были написаны родные города тех, кто отсюда звонил, я особенно запомнил Елабугу.

– ...Провинциалки полагают, что в крупных городах женщины гораздо раскрепощеннее. И чтобы самим быть похожими на городских, они стараются перешеголять их в распущенности. В этом своя прелесть, когда ты приезжаешь...

И Джекказган.

...Когда приезжаешь в маленький городок, правильно выбирать теток лет сорока...

Хазин замолчал, то ли вспоминая, то ли фантазируя.

– Маленький город от большого отличает «Мотоблок и дрель», – сказал я. – Вывески. Это как ярлычки на одежде – или стирать, или полоскать. Провинция традиционно бежит вавилон, пока здесь возможен исключительно «Мотоблок и дрель». Но уже в Костроме, или, допустим, в Нижнем, или в том же Саратове мы встретим вполне себе...

– «Струмент», – закончил Хазин.

– Да, «Струмент» неплохо. Но не для центра, в центре это будет «Ворлдбилдсервис» или «Хард Эквайпмент»... «Хэквайпмент».

– Я помню «Хэквайпмент», там еще такой ушлепанный работает... Что-то барабанщика нашего долго нет... Он что, из... этих?

Хазин лизнул воздух.

– В смысле?

– Ну, эти придурки, которые отовсюду открытки отправляют.

– Вряд ли. Сходи, посмотри.

– Не, я это... собак не очень... Сходи сам.

– Зачем?

– Жрать охота, – честно признался Хазин. – Он тут час проторчит, а я страдай. Там обед закрывается.

Я пошел – я люблю почты, плюс столовая доручатка ждет нас, а если зависнем, нагрнут голодные дорожники и не достанется нам ни сраз, ни пельменей.

– Купи ручку, – попросил вдогонку Хазин.

Внутри почты действительно было прохладно и пахло горячим сургучом, шпагатом, бумагой. В переговорном пункте, как обычно, сумерки, мутные лучи и кресла те же самые, цвета старого топленого молока, шесть штук вдоль стены; работает круглосуточно. И три кабинки «межгород». Крыков сидел в кресле, тыкал стилем в наладонник, качал ногой.

В почтовом отделении пусто, из-под железного стола торчали собачьи лапы, больше никого. Надо купить ручку. Я шагнул к окошку № 2.

Я заметил за стеклом соломенную лошадь и расписного глиняного ерша. Я попытался шагнуть назад, но было поздно – девушка за барьером подняла голову.

За две недели я пересекся только с Федькой, то есть теперь с Федором, хотели посидеть, но не посидели. Теперь Кристина.

Она всегда что-то делала. Соломенных коней, бумажных лебедей, кукол из лоскутов, звенящие мешочки счастья, странные раскрашенные камни.

– Привет, – сказала Кристина.

– Привет, – сказал я.

Я не знал, что дальше. О чем говорить. Поэтому и не хотел встречаться.

– Что здесь делаешь?

– По работе, – ответил я.

– Комбинат строите?

– Что-то вроде.

Кристина улыбнулась. Какое-то время она в рыжий красилась, сейчас как есть. Блондинка. Чагинск – столица чаги и льна.

– А в доме вашем никто не живет, – сказала она.

– Я знаю.

Ничего. Нет, действительно ничего не почувствовал. Я пытался почувствовать, но нет. Странно, всего тринадцать лет прошло.

– Федька говорил, что ты приехал.

– Да, мы встречались. Вот уж не ожидал: Федька – и в милиции...

Кристина улыбнулась.

– Ему, кажется, нравится, – сказал я. – Он похудел...

– И хочет на юридический поступать. – Кристина взяла соломенную лошадку. – Правильно...

– А ты сама как?

– Нормально. Вот на почте работаю. Костя в пятый класс пошел. Все хорошо...

Кристина замолчала, разглядывая лошадку.

– Ты все мастеришь, – сказал я.

Кристина поставила лошадку, достала вместо нее вязаную пчелу, протянула в окошко.

– Мне?

Кристина кивнула.

– Спасибо.

Я взял пчелу и спрятал в карман.

– Вить, ты что застрял? – спросил Хазин прямо над ухом.

Я едва не подскочил, Хазин тут же отгеснил меня от окошка и уставился на Кристину.

– Здравствуйте, – сказала она. – Вам чего?

– Здравствуйте!

Хазин тут же сфотографировал Кристину.

– Девушка, во-первых, продайте мне ручку, во-вторых, немедленно выходите за меня замуж.

– Вам какую ручку? Есть за два рубля, есть за четыре...

Хазин сфотографировал Кристину еще раз и сказал, что ручку ему надо самую дорогую, вон ту, за четырнадцать, с кнопкой, а насчет замужа это абсолютно серьезно.

Я вернулся в машину. И Кристина похудела. Стала красивее определенно. Не хотел встречаться, не о чем говорить. С Федькой-то не о чем было, пять минут обсуждали, как лучше проехать на Галич, все.

На крыльце показался Хазин с упаковкой ручек. За ним выглянула собака, равнодушно гавкнула, Хазин плюнул ей на голову, собака скрылась.

– Я передумал, – сказал Хазин, усевшись за руль.

– Что?

– Пересмотрел свои взгляды на город Чагинск.

Так всегда случается.

– Я думал, что Чагинск – очередная жопа в череде жоп, однако это не так. Здесь небезнадежно. Весьма небезнадежно. Адмирал Чичагин знал толк...

Показался Крыков.

Он сбежал по ступеням и с довольным видом направился к нам.

– Куратор выписал премию, – отметил Хазин.

– За что?

– Значит, аванс.

Из кустов на Крыкова гавкнула рыжая собака.

– Телефонистки – редкие сучки, – сообщил Крыков, устроившись на заднем сиденье. – У них автоматы жрут жетоны, связь дрянная, а они лыбятся и лыбятся... Поехали!

– Мы обедать, – напомнил Хазин.

– И я с вами.

Хазин не стал возражать, завел двигатель, и мы поехали в столовую доручастка. Крыков молчал. Хазину молчать трудно, особенно за рулем, поэтому он рассказывал об одной подруге, вроде приличной девушке тридцати лет от роду, которая жила-жила, а потом вдруг бац – и съела своего домашнего кролика. А еще у него была одна знакомая, у нее жила морская свинка, однажды морская свинка заболела...

На улице Центральной Крыков не выдержал:

– Ладно, ладно... Но не делайте вид, что вы его не узнали? Алексея Степановича?

Мы промолчали.

– Это же Светлов! – сказал Крыков. – Вы понимаете?! Алексей Степанович Светлов, основатель и генеральный директор группы компаний НЭКСТРАН! Первая полусотня!

В столовой доручастка вполне себе вкусные пельмени, надо торопиться.

Глава 2

Проблемы с мышами

Дурная мысль сочинить честный роман про зомби посетила меня после успеха «Хлеба», осенью, на ярмарке в Белграде.

Белградские арены тогда были забиты народом, автобусы подвозили молодняк из окрестностей и даже, судя по бейджам, из Баната и Бачки, которые я вдруг вспомнил из истории южных и западных славян. Приезжали школами и деревнями, ходили туда-сюда и кругами, некоторые таскали сумки с книгами.

Я сидел в кресле и смотрел на толпу. Народ стремился мимо, ничуть не интересуясь моей книгой, равно как и прочей продукцией «Зоила»: интеллектуальными путеводителями, обстоятельными кулинарными справочниками, контринтеллигентской философией и трудами антрополога Трубинера. Я не обижался – сразу за стендом «Зоила» шумела, гудела дудками и приплясывала «Бчелица», за ней обширно торговали мангой, фантастикой, конспирологией и снова фантастикой – там полыхали бластерные разряды, рокотали думстары, а принцессы Фомальгаута поправляли миниатюрные алмазиевые лифчики. На обложке моей книги умирала, свернувшись пружинкой, жужелица. Чего уж тут.

Напротив стенда «Зоила» располагалась небольшая экспозиция сербского издательства, специализирующегося, насколько я понял, на мистике, хорроре и трэше. В уголке за покрытым клетчатой клеенкой столом сидел автор в кожаной шляпе. По правую руку стопка книг, по левую бутылка сливовицы и стопка. За спиной приклеенное к заднику стенда дерево, подозрительно похожее на настоящее, вокруг ростовые фигуры вампиров. К автору иногда подходили читатели, и он подписывал им книги. Если читатель интересовался еще чем-то, автор выдвигал из-под стола дополнительный стул, приглашал присесть. Затем наливал себе из бутылки рюмку, выпивал, прислушиваясь и поправляя шляпу, минуту размышлял и после этого с абсолютно серьезным видом отвечал на вопрос.

Писатель ужасов, большой и счастливый человек.

В конце первого дежурства на стенде ко мне подошел старый серб, подарил книжку самодельных стихов, долго ругал НАТО и пидоров, я постеснялся подарить ему свою книгу и подарил «Кухню, которую мы потеряли». А сам почувствовал, что завидую писателю напротив. Что хочу вот так – сидеть на стуле в кожаной шляпе, объяснять симпатичной поклоннице, что есть некрореализм, чувствовать покой, определенность и удовольствие от жизни и, если хочется, пропускать по стопочке грушевой, а вечером выходить на террасу с видом на Саву, к ноутбуку, табуку, вурдалакам... счастливый человек. Подумав так, я поглядел на свою книгу с жужелицей на обложке и почувствовал себя мудаком.

Следующее время я потратил на роман про зомби, который не взлетел. Абсолютно. Два года и полтора миллиона знаков сложились в унылое ничто, когда я понял это...

Сильные чувства.

Через три дня я пришел в себя и дал слово поутру устроиться в гипермаркет электроники. Я был тверд в убеждениях и намеревался найти утешение в карьере менеджера отдела миксеров и кофемашин, но вечером позвонил Крыков. Городу Сосновке требовалась книга «Сосновка: вчера, сегодня, завтра».

На крыльце гостиницы скучал Хазин.

– Моя прабабушка подавилась десертной ложкой, – сообщил он. – Я тебе рассказывал.

Прабабушка Хазина, в принципе, некрупная женщина мещанского сословия подавилась насмерть десертной ложкой. Прабабушка отличалась необычайной брезгливостью, не употребляла молочных продуктов и всюду ходила с ложкой, убранной в плетеный чехольчик. Ложку

эту прабабушка без присмотра не оставляла, поскольку однажды в детстве увидела, как повара на кухне в процессе приготовления щей облизала все ложки, до которых смогла дотянуться. В первый понедельник марта тысяча девятьсот двадцать шестого года прадед Хазина вернулся домой с работы и обнаружил жену с ложкой во рту, причем ложка была засунута в глотку ручкой. Их потомок вырезал «Калевалу» на рисовом зерне.

– Доброе утро, – сказал я.

– Смотри, решительно прелесть! – Хазин протянул камеру. – Дьявол утащил в море двух молоденьких монахинь!

Я взял аппарат. На мониторе обнаружилась галерея надгробий, изготовленных в технике лазерной резьбы по камню. В качестве моделей для гравюр использовались мультперсонажи, с траурных каменных плит с печальной укоризной глядели Страшила, Буратино и Пятачок.

– Неплохо, – согласился я.

– Неплохо?! Отлично! Здесь немного отличного, но это отлично! А еще «Чага». Ну и эта, вчерашняя. Ну, помнишь, на почте, рукодельница которая? Слушай, а ты с этой Кристиной ведь знаком вроде был?

– Тринадцать лет назад, – сказал я – Мы тогда рядом жили, через улицу. Она в волейбол играла. Или в баскетбол...

– Люблю волейболисток, – сообщил Хазин. – Суровые девки с крепкими лодыжками... Слушай, Вить, а ты сам-то как? Не думаешь? Типа, вскипели старые чувства, бывшее вернулось и мы не смогли устоять перед внезапным счастьем?

Хазин многозначительно пощелкал камерой. Я промолчал.

– Если ты сам не хочешь, я могу озаботиться. А что? Мы в этих чагах, похоже, надолго застряли, так что имею вполне себе право. Надо скрасить затхлый провинциальный хтонизм чем-то светлым... Почтовая фея, королева сургуча и шпагата... Смотри еще!

Хазин пролистал странички на мониторе камеры и продемонстрировал пьяного Крыкова, лежащего на полу в коридоре гостиницы.

– Даже у самого бессовестного стукача болит совесть, – прокомментировал Хазин. – Это вчера.

Над Крыковым с укоризненным видом склонялась коридорная Маргарита Николаевна.

– Неплохо, – согласился я.

– Ладно, хватит культуры с утра, – сказал Хазин. – Пора работать. Мы куда? В библиотеку, в архив, в музей?

– В музей для начала. Надо поговорить с директором, там материалы...

На крыльцо вышел хмурый мужик с коробкой.

– Он купил мотодрель. – Хазин тут же сфотографировал мужика. – Он счастлив. Он – соль земли чагинской.

Хазин сказал слишком громко, мужик обернулся.

– Почем брал? – спросил Хазин. – Бабе своей хочу такой подарить...

Мужик пошагал быстрее.

– Был я в этом музее, – сказал Хазин. – Еще в первый день, случайно заехал. Там сейчас выставка-продажа чудо-техники.

– Чудо-техника...

– Ну да, все эти штуки. Кремлевская таблетка, индикатор... какой-то... болюсы. Циркоניים браслет, купил, кстати.

Хазин продемонстрировал браслет.

– От всего, – сообщил Хазин. – Знаешь, старухи глотки друг другу в ключья рвут...

– Ладно, поехали.

Мы спустились с крыльца, забрались в машину, я вытянул ноги. Надо купить сандалии.

– Думаю, многие его видели, – задумчиво сказал я. – То есть после...

– Чичагина? – догадался Хазин.

– Да, конечно. Думаю, возле реки. Перед праздниками. И в пост.

– И перед ударом молнии! – с воодушевлением сказал Хазин.

Он повернулся ко мне, нажал животом на руль. «Шестерка» всхлипнула. Хазин достал блокнот.

– Он как бы упреждал людей, что скоро ударит молния, – записывал Хазин. – И предостерегал о пожарах и прочих стихийных бедствиях. И если намечался мор, то он тоже... мимо не стоял.

– Его вообще неоднократно наблюдали, – согласился я. – Перед серьезными событиями он являлся и как бы говорил, что надо... надо держаться вместе.

– Был символом сплочения, – записал в блокнот Хазин. – Символом единения и противостояния. Думаю, это должно отражаться в...

Я прикинул, в каких источниках могло быть отражено явление адмирала Чичагина простым людям города.

– Вряд ли в газетах про это печатали, – сказал Хазин. – Несколько не та тема.

– Это было в народной молве, – предположил я. – Передавалось от отца к сыну, от матери к дочери...

– Точно! Народная молва – это правильно, адмирал был очень близок к народу. Едем в музей?

– Да, само собой, – подтвердил я.

– Но сначала по «Ярославскому», – потребовал Хазин. – Я чувствую, что должен слегка взбодриться, ты меня, Витенька, извини, но я не могу все это воспринимать...

ТСНУГА располагался через два квартала от гостиницы в тупике возле железной дороги, в приземистом здании бывшей багажной конторы, я хорошо помнил это место. Летом я всегда отдыхал здесь у бабушки, и после третьего класса родители должны были прислать мне на лето велосипед, каждый день я ходил к багажному отделению и проверял. Целый месяц ходил, пока не прислали «Салют». Оранжевого цвета. Помню.

Новые владельцы помещения не стали озадачиваться дизайном, подкрасили ворота и поменяли замок, и рядом с вывеской «Багажное отделение участка Чагинск – Игша Сев. ж. д.» повесили вывеску «Пивбар ТСНУГА».

– Само по себе место так себе, – рассуждал Хазин, руля в коротеньких переулках вокруг грузового двора. – Подвальным индастриалом сейчас никого не удивишь, да и шашлыки у них так себе, кофе со вкусом сажи, а вот пиво...

Каждый раз, когда мы приезжали в «Чагу», Хазин рассуждал про пиво, шашлыки, пироги с картошкой и дрянную яичницу с пережаренным луком. Я с ним не спорил: с едой в кафе случались накладки, с пивом же никогда.

– ...Я специально узнавал, – рассказывал Хазин. – Таких кег больше никуда не возят, сюда и в Кологрив. Это еще старые советские бомбы, их реально запаивали оловом, представляешь? Весь секрет в том, что Люся забирает их на обратном пути, пока пиво едет в Кологрив по этим колдобинам, происходит вторичная ферментация...

Хазин вырулил на Железнодорожную. Асфальта здесь не лежало, дома были выцветшего желтого цвета, и перед каждым в виде сарая размещался синий вагон узкоколейки.

– ...Неуловимый кабан на улицах Уфы наводит страх на жителей города.

– Что? – не понял я.

Тут пожарный пруд еще был, в нем водились мизинцы-караси и рос плюшевый рогоз.

– Крыков талоны на бензин обещал. Теперь, думаю, не увидим талоны.

– Талоны на бензин пожрали трубные яги. Или трупные.

– Приехали. Не больше двух кружек, Витя.

Перед кафе на складном стуле сидела хозяйка пивной Люся, ее сын дорисовывал на стене голову бородатого викинга.

– Люся! – обрадовался Хазин. – А мы с Витей как раз к тебе. Нам по баночке, пожалуйста.

– Или по две? – уточнила Люся. – И кофе?

– Разве можно с тобой бороться, Люся, – вздохнул Хазин.

Мы устроились у стены рядом с сохнувшей мордой викинга, через минуту Люся принесла пиво в пол-литровых банках, оплетенных проволокой, кофе в граненых стаканах, бутерброд с сыром – всё поставила на ящиках, выполнявших роль столов.

– Люся, а что ты знаешь о Чичагине? – поинтересовался Хазин.

Я быстро выпил кофе и съел бутерброд. Пиво ждало на ящике, пиво должно подождать.

– Люся, что ты знаешь о Чичагине? – снова спросил Хазин.

– О ком?

– О Чичагине.

Люся оглянулась на изображение викинга.

– Люся, купи кружки, – посоветовал Хазин. – Пьем из банок, как прыщи.

Что ответила Люся, я не услышал, на станцию влетел углевоз. Некоторое время все вокруг дрожало, пиво в банках подпрыгивало и проливалось, Хазин не выдержал, схватил банку и выпил половину.

Люся смотрела на проходящий состав, я вдруг заметил, что она считает, загибая пальцы, опасается упустить важное. Тогда я тоже выпил пива и подумал, что Хазин заблуждается: хлебный вкус пиво приобретает не от того, что его возят по ухабам в Кологрив, а от утренних угольных составов, тяжелых полуденных нефтяников и сумеречных лесовозов с востока. Каждый из них взбивает пиво в оловянных кегах, и оно густеет, набирает сахара и крепости, а цвет из коричневого переходит в золотой. Я взболтал банку. Прозрачное и, да, золотое.

Люся загибала пальцы. Хазин вспомнил про фотоаппарат и снимал проносящийся поезд на длинной выдержке. Я пил.

Состав загулял на стрелках, стало громко, воздух раскачался, и мы оказались внутри горячего угольно-железного потока. Состав ускорился. Я оглох, зубы начинали пристукивать, и я ни о чем не думал, грохот и воздух выбили мысли, я люблю «Чагу» как раз из-за этого: сидишь, пьешь пиво и не думаешь.

Тепловоз прогудел, входя на мост, мимо нас пронеслись болтающиеся последние платформы, ветер стих, в воздухе несколько секунд висели вагоны-призраки, скоро растаяли и они.

– Железнодорожники в среднем живут на восемь лет дольше, – сказал Хазин.

Рельсы с зуболомным звуком изгибались еще некоторое время, на шпалах приплясывали окатыши. Сын Люси с корзинкой направился к стрелкам.

– От вибрации у них внутри все спайки рассасываются, и никаких бляшек в сосудах...

Люся принесла по второй банке, Люся будет жить вечно. Как неуловимый кабан из Уфы.

– И с собой, – попросил Хазин. – Как обычно, Люся.

Во всяком случае, очень долго. Мысли постепенно возвращались; чтобы они не торопились, я отпил еще. Невыносимо идти в музей трезвым.

– Зачем ему корзинка? – спросил Хазин.

Я не придумал ничего интересного.

– Вряд ли на шпалах растут грибы, – тупо заметил Хазин.

– Он любил жаренные в сметане грузди, – сказал я.

– Адмирал Чичагин? – Хазин приложился к банке.

– Да.

– Чичагины все ворье, – объявила Люся.

Она уселась в кресло и закурила.

– Это всем известно – ворье. Хоть сейчас и фамилия другая.

– Здесь живут Чичагины?! – поперхнулся Хазин.

– В Нельше, – ответила Люся. – Там.

Люся указала сигаретой в сторону железнодорожного моста.

– Возле реки, если направо идти. Дом с зеленой крышей.

Хазин принялся записывать в блокнот.

Это хорошо. Надо обязательно с ними поговорить, в книге будет красиво смотреться, какая разница, что ворье.

– Старик сидел два раза, да и молодые не лучше, все тащат. Сено, дрова, да им все равно что, хоть глину. В Фатьянове в прошлом году провода срезали – их рук дело. Уголовщина. Да и бабы паскудные... пододеяльник у меня в прачечной увели... Ладно...

Люся докурила, плюнула и вынесла нам трехлитровую банку в проволочной оплетке.

– Чтобы вернули. – Люся вручила посуду Хазину. – Уже три у меня зачитали.

– Это не мы, – заверил Хазин. – Это Крыков. Он стукач и алкоголик.

С путей вернулся сын Люси, набрал полкорзины угля, поезда трясет на стрелках.

– Я знаю о Чичагине, – сказал он. – Он капитаном был. А правда, что у нас собираются химзавод строить?

– Не, – помотал головой Хазин. – Какой еще химзавод...

Пиво, какое чудесное пиво.

– Атомную станцию, – сказал я. – Только это... Не особо свисти, ладно?

Сын Люси почесал нос.

– Атомную станцию, – подтвердил Хазин. – Имени... Районного Исполнительного Комитета.

– Свинцовые труселя надо шить, – перебила Люся. – А у меня трое мужиков в семье, ладно, старому ни к чему, а этим-то как? Где я столько свинца найду?

Гениальное пиво, немного выпил и не могу понять, шутит Люся или Люся всерьез.

– Из грузил можно, – посоветовал сын. – Если расплющить.

– В «Мотоблоке и дрели» уже продают, – успокоил Хазин. – Правда, пока два размера, но обещают расширять.

Рельсы звякнули, на шпалах опять начали подпрыгивать гальки, Люся сказала, что читинский, мы с Хазиним поспешили покинуть «Чагу». Второй грузовик в день расстроил бы окончательно мои мыслительные процессы, а сегодня вечером я намеревался начать работу над книгой, пора начинать.

Хазин затормозил в переулке, пристроился в тени черемухи, она не цвела, но запах горечи и холода сохранился.

– И зачем им прогнал про АЭС? – Хазин прижал банку с пивом к животу и теперь всю пытался стянуть с нее толстую капроновую крышку.

– А, само получилось...

– Теперь слухи пойдут, сам понимаешь, АЭС у нас не любят.

Хазин сломал о крышку ноготь, отгрыз, выплюнул в окно.

– Чичагин, – сказал я. – Всем известно, что он был... последовательным противником атомных станций.

– И сторонником целлюлозных комбинатов?

Хазин пустился во второй приступ на банку, в этот раз впился в крышку двумя руками.

– Не устану повторять – Чичагин всегда думал о простом народе, – сказал я. – И если вдруг какой хазарянин собирался ставить шинок, кружало или, допустим, АЭС, немедленно выражал решительный протест, в том числе и прямым действием...

Хазин сорвал крышку и жадно отпил из банки несколько глотков.

– В музей, однако? – спросил он.

– В музей.

Хазин вернул пиво под заднее сиденье. И поехали.

Хазин, похоже, разведаль короткую дорогу, он не повернул к мосту, от переулка Глухого вырулил к переулку Горького, затем сквозь кусты сирени вниз, к старой водокачке. Тут Хазин не удержался, остановился и несколько раз сфотографировал заросший мхом цоколь из толстого серого камня, чугунный кран, кирпичную башню и число 1903 под крышей, выложенное черным чугуном. Отстрелявшись камерой, Хазин выскочил из машины, подбежал к водокачке, открыл кран. Хазин намочил голову, напился и долил воды в банку пива.

– Чтоб как в старые времена, – пояснил он. – По-настоящему, пиво-воды...

– Поедем, Хазин, время, – напомнил я. – Полдня прошло.

– Полдня прошло, а роги не растут!

После водокачки Хазин вступил в отличное настроение, пока мы добирались до старого переезда, он рассказывал, что ему не нравится в Чагинске.

– ...Если кроме того что булки руками в магазинах подают, а девки нормальные давно поделены, то вот еще что. Тут постмиллениум в полный рост. Понимаешь, одни местные думали, что всему свирепый пушок, и уже делили участки на кладбище, другие надеялись, что все наладится и Москва – Улан-Батор наконец здесь остановится, но тысячелетие кончилось, планета провернулась, и ничего не произошло. Старый мир не спотыкнулся, а новый не начался. Они оказались словно в вакууме! И как результат – у всех аборигенов махровая фрустрация! Вон, посмотри!

Хазин указал на крепкую старуху, на плечах перетаскивающую велосипед через железнодорожные пути.

– Это, кажется, Снаткина, – сказал я.

– Так это же все объясняет!

Хазин притормозил, высунулся в окно.

– Женщина, вы знакомы с адмиралом Чичагиным? – спросил Хазин.

Старуха не ответила, стремясь через линию, шагала, держа велосипед как коромысло.

Снаткина. Я вспомнил. Мы с бабушкой сидели на веранде, мыли ноги в тазу нагретой за день водой, бабушка смеялась, пилила напильником съеденные кислотой ногти и уверяла, что до «двухсотых» не доживет никак. И когда я однажды спросил почему, бабушка ответила, что нет ничего там, за «двухсотыми», для нее, потому что там будет другой народ, а старому на этом месте никак не разжиться.

Но Снаткина была жива. И все так же с велосипедом.

После пива Хазин был настроен философически.

– В постмиллениуме жить неуютно, – разглагольствовал он. – По пятницам дуют колючие ветры и лестницы круты для велосипедистов! Бабушка, вам помочь?!

Снаткина не услышала, шагала, тяжело разгребая воздух велосипедом.

– Мне кажется, здесь для Чичагина есть перспективы. А ты эту тетку знаешь, что ли?

– Да, это знакомая... моей бабушки. Какая-то дальняя-предальная родственница. Она... из хора ветеранов...

– Имени Чичагина! – тут же перебил Хазин и расхохотался.

Возможно, все же не следовало с утра встречаться с пивом, подумал я. Хазин явно поплыл, стоит его из-за руля...

Мне за руль не хотелось.

Хазин выехал на старый переезд, остановился. Здесь не осталось ни шлагбаумов, ни фонарей, промасленная гравийная насыпь и выкрошенные бетонные плиты между рельсами.

– В восемьдесят седьмом через переезд везли одного дизелиста, – сказал я. – Он поссорился с женой, а она его топором в башку. Ничего так, доставать не стали, примотали бинтом. А на этом переезде тряхануло, у него топор из головы вывалился, мужик и помер от кровопотери.

Хазин оглянулся на переезд, усмехнулся:

– Это не Люся по случаю была? Мужебойца?

– Не, не Люся. Это Снаткина. Тетка с велосипедом.

– Эта тетка зарубила мужа?! – поразился Хазин.

– Говорили, что да. Он ее шукой избил, а она его топором уговорила. Кстати, музей на Советской, мы неправильно едем.

Хазин потрогал голову:

– Да, точно... Кстати, Чагинск мне нравится все больше. Тут есть где развернуться, не то что в области. Он ее шукой, она его топором, и над всем целлюлозно-бумажная АЭС имени адмирала Чичагина. А?

– Пожалуй...

Снаткина любила похороны. Бабушка говорила, что Снаткина на всех поминках первый гость, и не поесть, а посмотреть больше. Наверняка и у бабушки Снаткина была.

Хазин развернулся на переезде и направился в сторону Советской.

– Надо Механошину подкинуть идею, – веселился Хазин. – Чичагин как отец-основатель! Как держатель ключа! Пусть Механошин привлечет общественные силы, добровольцев, молодежь, организует патруль... нет, лучше дружину! Пенсионеры Чагинска ждут, когда их переведут через железную дорогу в новое время! Приехали...

Хазин резко затормозил возле двухэтажного особняка, сложенного из ровной красивой лиственницы. Рядом с домом имелись три колодца разных конструкций, включая журавельный, из кустов выглядывал резной сортир, а за разноцветной клумбой возвышались могучие качели, срубленные явно без единого гвоздя, скрепленные дубовыми шипами; веревка же была сплетена из натуральной пеньки. Вполне может быть, что именно на таких качался Чичагин в детстве, подумал я и не удержался.

Пиво было отличным.

– Ты тоже об этом подумал? – спросил Хазин.

Как тут удержаться.

– Мне в первой половине дня думать вредно. Я думаю исключительно ближе к вечеру, тогда инсулин в крови концентрируется и мысли легки.

– Завидую. В нашей профессии сложно не думать, я постоянно думаю. Я думаю...

Хазин набрал в горсти волосы, подергал, массируя скальп и закатывая глаза.

– Одна моя подружка... ты ее не знаешь. Так вот, она училась на психфаке, а сейчас она, типа, рэйки, расстановщица...

Хазин дергал за волосы.

– И общается с богами? – уточнил я.

– Примерно... Так вот, есть такой прием для отстранения... Помнишь «Мецената Нечерноземья»? После того раза у меня нервы несколько расстроились...

У него несколько расстроились нервы... Я вздохнул, потрогал шрам на подбородке. У меня после этого здоровье расстроилось, счастье, что временно.

– Помню этих джентльменов... – Хазин натягивал волосы. – Забавные... Хотели джаз за три копейки...

Хазин сфотографировал журавель.

Шрам был гладкий и выпуклый, от привычки поглаживать его я с трудом избавился лишь полгода назад.

– Так вот, эта расстановщица... – Хазин тянул себя за волосы вверх. – Огонь была расстановщица...

Я несколько насторожился: поминать расстановщиц перед важной встречей плохая примета, особенно поблизости от краеведческого музея, эффект может быть сокрушительным...

– Я серьезно говорю, насморк влет излечивала. Ментальным усилием... Через астрал... надо лишь научиться выстраивать мост...

Мысленный мост. Мост есть всегда, возможность есть всегда, переходить торопиться не стоит. Мост имени... Мост имени... я попытался вспомнить, как называлась книга, но вспомнил только, что все главные герои провалились в пропасть в первой же главе.

– Надо представить, что ты на одном берегу, а все остальные на другом, – бубнил Хазин. – И эти остальные машут руками, кричат, подпрыгивают, но до тебя долетают бессмысленные обрывки и мельтешение. А по-хорошему видны лишь крупные объекты: элеватор, карьерные самосвалы, ну или там... любимая водокачка...

Хазин выдохнул, опустил волосы и теперь смотрел на блестящие от жира ладони. Потрогал себя за нос.

– Мне кажется, это фигня, – сказал я. – Есть же перетягивание каната.

– Насморк прошел, – возразил Хазин.

Я выбрался из машины. Я знал, что лучше остаться в ней, но выбора нет.

– А вот мне кажется, мы постепенно проникаемся, – сказал Хазин вдогонку. – Свет Чичагина, хочешь не хочешь, но слегка озаряет наш путь. Надо быть осторожным...

Чертовски верно, надо быть осторожным.

– А ты давно... сюда не заглядывал?

– Лет пятнадцать, – ответил я.

– Ну, возможно, ты удивишься...

Я поднялся на крыльцо, толкнул дверь музея. Меня нельзя удивить краеведческим музеем.

Здесь пахло, как всегда, чугуном, сухим льном и чем-то посторонне сладким. Болюсами, подумал я. Тинктурой. Или кремлевской таблеткой, вполне возможно, так она и пахнет.

Музей начинался с выставки-продажи «Здоровец», и на ней, как и докладывал Хазин, вовсю повышали иммунитет, подвижность суставов, общую локомоцию и частную перистальтику, повышали как приборно, так и медикаментозно, консультант немедленно предложил мне ирригатор, а Хазину целебный жир.

– «Жир семейства псовых...» – озадаченно прочитал Хазин с бутылочки. – «Состав: жир песка, жир лисы...»

– Очень помогает, – заверил консультант.

Но жир Хазин не приобрел, впрочем, как и я ирригатор.

Выставка была изобильна, особенно отдел чаги и дегтя, сам же музей несколько подвинулся дальше. Сразу за гардеробом и «Здоровцом» стоял верстовой столб. Елизаветинский тракт, тысяча восемьсот неизвестный год, судя по информационной табличке – последний сохранившийся столб в области.

Хазин сделал несколько снимков.

– Его, кстати, мы притащили, – похвастался я. – Гуляли с Федькой. И с Кристиной... Ходили за брусникой и нашли столб.

– И зачем вы его из леса перли?

Я пожал плечами:

– Не помню... Зачем-то... Похож на лесовика.

Так тогда сказала Кристина. Он действительно напоминал лесовика: заросший лишаями, почерневший, торчал из земли как большой гриб, а под ногой выросли опята. Федька тогда заорал, что сшибет эту рухлядь с одного удара, подпрыгнул и влупил лесовику пяткой в лоб.

Столб не сломался, но вывернулся из земли и упал; я думал, что из столба просыплется трухлявая ржавчина с муравьиными яйцами вперемешку, но столб оказался чистым. Он лишь потемнел, поморился в чайный цвет, но ни плесени, ни крылатых муравьев.

А Кристина тогда врезала Федьке по шее и сказала, что он придурок. Федька заржал и объявил, что под столбами всегда прячется клад, бухнулся на землю и стал копать в яме. А Кристина достала платок, приложила к дереву и плотно провела ладонью, на платке осталось

лицо. Что-то похожее. Нос, глаза. Федька ржал еще громче и орал, что это ее жених, жених, жених. Кристина попыталась поднять столб, и я стал ей помогать. Потом мы катили и волокли его до города почти десять километров, до самого вечера.

– Воспоминания чрезвычайно утомительны, – сказал Хазин. – Прими жир песка.

– Кристина сказала, что это для альпийской горки, – вспомнил я. – Они строили горку возле кинотеатра, ей чего-то заплатить вроде собирались. Ну, мы его и волокли весь день. А потом его увидел смотритель музея...

– Бородулин, – сказал Хазин. – Директор Бородулин.

– Возможно, Бородулин.

– Не возможно, а так и есть. Вон торопится.

Я оглянулся. К ним действительно спешил Бородулин, невысокий мужчина в глаженных брюках и белой рубашке. Возможно, это был тот самый Бородулин, я его тогда плохо запомнил, а может, и новый.

– Я вас ждал, из мэрии звонили, – приветливо сказал Бородулин и протянул ладонь. – Добрый день. Пройдемте в кабинет?

Я пожал руку Бородулина и сказал:

– Давайте лучше в зале. Душновато сегодня, мы с утра в кабинетах...

– Тогда пожалуйста, – Бородулин кивнул. – Пройдемте. У нас здесь как раз отличная экспозиция светцов и подков, определенно лучшая на Северо-Западе. И выставка про Чагинск, она там, за забором...

Я хотел отказаться, светцы и подковы меня не занимали, а забор настораживал, но Хазин успел сказать:

– Непременно!

– Это здесь! – показал Бородулин.

При организации экспозиции руководство музея действительно проявило творческий подход и учло современные мотивы: подковы были приколочены к кривому забору, протянутому от стены до стены, а светцы вбиты в старинный телеграфный столб. Для прохода в другую часть музея в заборе имелась убогая калитка.

– Это сами ребята придумали, – прокомментировал Бородулин.

Хазин восхитился, а я отметил, что утыканный светцами столб напоминает железную елку – если упадет, проткнет и задавит. Из-за забора робко выглянула пожилая женщина, то ли смотрительница, то ли заблудилась с выставки-продажи «Здоровец». Я вдруг представил – столб подкосился, упал на забор, а забор, в свою очередь, придавил тетеньку. И никакой калган тут не поможет, сфотографировать – и получится чудесный постер к фестивалю монгольской панк-музыки. Невыносимо захотелось приобрести ирригатор.

– Что-то в этом есть, – сказал Хазин. – Культура...

Мы приблизились к столбу и осмотрели. Я не очень разбирался в светцах, собственно, я раньше не знал, что они бывают. И зачем бывают. И впечатления светцы особого не произвели – черные кованые штыри. Имелась парочка более художественных образцов, загогулистых, все.

– Мы думаем вставить в светцы лучины и зажечь их! – сообщил Бородулин. – Есть идея проведения фестиваля самобытной культуры...

– Это грандиозно, – сказал Хазин и сфотографировал Бородулина на фоне столба и забора. – Лучины, подковы, определенно украсят Чичагин-фест.

– Чичагин-фест? – наивно спросил директор. – Фестиваль Чичагина?

Я двинулся вдоль забора, осматривал подковы, никогда не думал, что они настолько разнообразные.

– Разумеется. – Хазин сфотографировал забор без Бородулина. – Крыков работает в этом направлении. Приедут фанаты, реконструкторы, любители истории, родственники опять же...

Я потрогал шипастую подкову.

– Родственники? – растерялся директор.

– Конечно, – Хазин положил руку Бородулину на плечо. – Родственники. Мы, собирая материал для книги, провели некоторое расследование и нашли, по крайней мере, трех прямых потомков...

– Трех потомков...

Заканчивалась экспозиция на заборе выдающимся экспонатом – огромной подковой, по размерам в три раза превосходящей остальные, больше напоминавшей небольшой хомут. Эта подкова не висела на стене, а стояла, прислоненная к табуретке. Рядом стоял медведь. Чучело, разумеется.

– Ну, как сказать... – Я, как учили в спортзале, заранее напряг поясницу и приподнял подкову. – Предположительных потомков, пока еще до конца не ясно... Килограммов пять, не меньше...

– Предполагается, что это... – улыбнулся Бородулин. – Либо купеческая шутка, либо своеобразная рекламная продукция. Найдена недалеко от Макарьевской ярмарки. Мы думаем, что с помощью...

– То есть она в единичном экземпляре? – спросил Хазин.

– Другой такой подковы не нашли, – подтвердил смотритель.

Хазин переглянулся с медведем.

– Возможно, это сувенир, – сказал Бородулин. – Всем известно, что подковы приносят счастье. Чем больше подкова, тем больше счастье...

Хазин сел на ближайший сундук, быстро сменил объектив, прицепил вспышку и начал фотографировать подкову.

– Чичагин любил лошадей, – сказал я.

Почему бы и нет?

– Большегрузов, – уточнил Хазин. – Другие его не выдерживали – Чичагин с самого детства отличался богатырскими размерами и ездил исключительно на... Этаких дестриэ. Это подкова с лошади Чичагина.

– Он таких на спор мог две дюжины подряд сломать, – сказал я.

– Он взваливал на плечи четырех крупных крепостных и переносил через реку, – добавил Хазин. – А на Масленицу один выходил против целой ватаги.

– Местные называли его Чича-Молоток, – добавил я.

– Чича-Молоток? – Бородулин поглядел на нас с окончательным испугом.

– Или Чича-Лом, – сказал Хазин.

Бородулин растерянно посмотрел на подкову. Хазин сфотографировал ее еще раз, сделал несколько записей в блокнот.

– Но ведь достоверных сведений не сохранилось... – сказал Бородулин.

Бородулин отчего-то указал пальцем на чучельного медведя в углу.

– Временно исполняющий обязанности губернатора заинтересован в развитии туристического кластера, – сказал я. – Чрезвычайно заинтересован.

Бородулин, видимо, загрустил.

– Я же вам в первую встречу говорил, – напомнил Хазин серьезным голосом. – Нам нужен материал для книги. История города и Чичагин в этой истории, Чичагин как моральный образец, Чичагин – беззаветный патриот, Чичагин в сердце каждого чагинца, где-то так...

Директор Бородулин нервно огляделся. Но от подков и светцов поддержки не поступило, медведь и тот промолчал.

Раньше медведя в музее не стояло, хотя чучело выглядело заслуженно, медведь напомнил старого вислоплечего боксера; медведь сутулился и потерянно смотрел на свои когти.

Бородулин спрятал руки в карманы. И тут же вытащил.

– Адмирал Антиох Чичагин никогда не жил в Чагинске, – выдохнул Бородулин. – Их вотчина была южнее, в Заингире.

Бородулин указал пальцем. Сука Крыков. Надо было и мне приложиться к банке.

– Он мог неоднократно приезжать сюда за провиантом, – возразил Хазин.

– По большому счету у нас про него мало кто знает, их дом был в Заингире... – Бородулин словно от холода потер руки. – А сам адмирал... он половину жизни провел в Италии...

Это действительно он, вспомнил я. Это он отобрал у нас столб. Тогда он был увереннее, отбирая у детей столб.

– У вас отличная коллекция светцов и подков, – сказал я. – Я напишу про нее в «Вопросы истории». Но мы все-таки по другому делу, не так ли?

– Да, я в курсе. Я расскажу вам про город...

Бородулин указал на калитку в заборе.

За забором располагалась выставка «Чагинск в XI–XX веках: история развития», на изнанке забора висели стенды с фотографиями, вдоль стен сундуки, на стенах половики.

– Тут тоже медведь, – сказал Хазин, пройдя в калитку.

Я обернулся. Действительно, в углу за старинным медицинским шкафом стояло еще одно чучело сутулого медведя с покорными лапами.

– Это Сарычев подарил, – объяснил показавшийся из калитки Бородулин. – Известный охотник и таксидермист. Он пожертвовал нам большую часть своей коллекции, к сожалению, у нас были проблемы... с мышами...

Пива мне. Я не хотел ехать в Чагинск. Опасался, что так все и случится. Проблемы с муравьями, проблемы с мышами, Сарычев-таксидермист, светец и стрекоза, Чичагин как символ беззаветности, тысячелетняя история, рыба, скот... не хотел никого видеть.

– Чичагин, похоже... – Хазин покосился на чучело. – Любил...

– Чего любил? – насторожился Бородулин.

– С медведями позабавиться, – объяснил Хазин. – С рогатиной то есть.

Изобразил, как с рогатиной, сфотографировал медведя. Бородулин не стал спорить.

– Нет, – возразил я. – С рогатиной позже ходили, когда народец стал пожиже. А в конце восемнадцатого ходили с особым устройством. Брала дубовый куб, набивали в него трехдюймовых гвоздей и проваривали в смоле. Шли в лес и, завидев медведя, кидали ему в лапы. И пока медведь мял эту кубышку, ему вспарывали серпом брюхо. В народе это приспособление называлось...

– Рожон!

Возможно, Хазина пора уводить.

А Бородулин, как мне показалось, слегка подпрыгнул. А так ему и надо.

– При чем здесь рожон? – робко спросил он.

– Именно он, – подтвердил я. – Да, впоследствии так стали называть перекладину на рогатине, но изначально... это был предмет, который совали медведю в рожу, – рожон.

– Наш губернатор тоже так любит, – брякнул Хазин. – То есть временный исполняющий. В прошлую зиму двух рожном поднял!

Хазин сочувственно подмигнул медведю.

– Давайте я лучше расскажу вам про наш город, – взял себя в руки Бородулин. – Вкратце, основные вехи, так сказать. Историки сходятся, что город назвали в честь изобилия чаги в окрестных березовых лесах...

Однажды мы отправились на подрывное поле. Я, Кристина, Федька. За порохом и осколками. Федька нашел половину снаряда. Мы хотели его в музей сдать, но не дотащили, так и бросили где-то по пути. Бросили...

А потом еще раз туда ходили, искали жемчужниц, за подрывным полем текла Сендега, самое начало Сендеги из трех ключей, и еще не речка, а ручей – перепрыгнуть можно. Мы с

Федькой полезли в воду ловить ракушки, а Кристина собирала землянику по лесной опушке. Вода оказалась ледяной, но Федька уверял, что спичечный коробок жемчужниц можно сдать в приемку и заплатят вполне себе неплохо, а жемчужниц здесь полным-полно. Я Федьке не особо верил, но ракушек оказалось действительно много – довольно быстро набрали ведро. Мы изрядно замерзли, но из воды вылезли, когда перестали чувствовать пальцы на ногах. Федька достал охотничьи спички и быстро развел костер, мы грели пятки и вскрывали ракушки.

– ...Галич Мерьский к тому времени был в составе Московского княжества, – Бородулин ткнул пальцем в карту. – Фактически это была вотчина Дмитрия Донского...

Жемчужина нашлась только одна, и попалась она Федьке. Не очень ровная, похожая на блестящий комочек рисовой каши. Я тогда испугался, что он подарит ее Кристине, но жадный Федька убрал жемчужину в коробочку из-под крючков. Кристина усмехнулась в сторону и поставила на огонь котелок с земляникой и листьями черной смородины. А Федька сказал, что хочет жрать, насадил жемчужниц на прутик и стал жарить. Получилась дрянь. А чай хороший...

– ...В тысяча восемьсот девяносто четвертом году в месте слияния с Нельшой была открыта мануфактура Энгера Мак Кара, занимавшаяся производством керосиновых ламп. Интересный факт – несколько лет назад нам написали русские туристы, путешествующие по Южной Америке. В перуанском городе Арекипа в одном из монастырей они нашли лампу, произведенную в чагинской мануфактуре Мак Кара...

– Не спи!

Хазин ткнул меня в бок.

– ...В тысяча девятьсот сорок втором году в Чагинске работало несколько предприятий. «Музлесдревк» выпускал ложа для автоматов «ППШ» и винтовок «СВТ», льнозавод обрабатывал американский хлопок для производства пороха, завод, расположенный в военной части, перезаряжал снаряды, смолокурка поставляла широкий ассортимент для авиационной промышленности, на башне бывшей лечебницы...

Бородулин сопровождал рассказ лазерной указкой, прицел бегал по фотографиям, я не успевал следить, Бородулин рассказывал слишком быстро, а Хазин в руках держал острогу, видимо, часть экспозиции.

– ...Работники всех предприятий отказались от недельной заработной платы, и на эти средства был построен танк «Т-34». Он принял участие в Сталинградской битве.

Бородулин навел указку в центр стенда «Чагинск в Великой Отечественной». Я вгляделся. На фотографии был «Т-34», веселый экипаж сидел на броне, а на самой башне крупными белыми буквами было написано «ПЕРЕСВЕТ».

– Танк назвали в честь героя Куликовской битвы Александра Пересвета, – сообщил Бородулин.

– Он разве местный? – спросил Хазин.

– Не-ет... – растерянно сказал Бородулин. – То есть...

– То есть Пересвет мог бывать в Чагинске? – спросил я вкрадчиво.

– Нет! – взвизгнул Бородулин. – Тогда еще никакого Чагинска не было!

– Почему тогда танк так назвали?

Бородулин застыл, затем начал быстро рассказывать:

– Я пытался проследить происхождение, кое-что удалось. Дело в том, что в нашем городе проживало несколько ветеранов Русско-японской войны, в частности матросы, оборонявшие Порт-Артур. Вероятно, некоторые из них служили на «Ретвизане» и на «Пересвете»...

Бородулин указал на соседний стенд: «Чагинск в начале XX века». Большую часть стенда занимали снимки бородатых мужиков на фоне снопов и молотилок, достроенная до половины водокачка, огромный штабель бревен, снова бородатые мужики, но на этот раз с огромным осетром в руках.

Пиво. Осетр копченый, золотой и прозрачный, пирог с вязигой, вязига – это мозг осетра. Вот откуда острога.

В нижнем правом углу стенда действительно имелись снимки разрушенного Порт-Артура и броненосцев «Ретвизан» и «Пересвет».

– ...И «Пересвет», и «Ретвизан» были затоплены, потом их подняли японцы и они состояли во флоте императора... Матросы же вернулись в Россию через Китай, это важное обстоятельство. Поясняю – в начале века на восток тянули вторую линию железной дороги, в Чагинске как раз располагались бараки китайских рабочих – строителей.

Бородулин перевел внимание на другую фотографию. На ней изображались китайцы, стоящие возле шпалопропиточной цистерны и тоже держащие в руках большую рыбу, но, как заметил я, сома. Копченый плес сома хорош, особенно с пивом.

– Матросы работали переводчиками. После того как участок Буй-Свеча был завершен, китайцы перебрались на восток, матросы же остались в Чагинске...

– Понятно, понятно, – остановил директора Хазин. – Город имеет давние морские традиции, так я понял?

– Да, – устало сказал Бородулин. – Да...

– История здесь в каждом камне, так? – сказал Хазин. – Пересвет, Чичагин... Кстати, а танка «ЧИЧАГИН» не было?

– Кажется, нет...

– Жаль, – вздохнул Хазин. – Танк «Адмирал Чичагин» нам бы весьма подошел. Может, торпедный катер? Хотя если смотреть на все шире... История – это не догма, верно?

– У нас здесь не Суздаль, какая у нас история... – заметил Бородулин. – Мы не упоминаем даже в удельных летописях, хотя новый раскоп на Чагинской горке... мы планируем получить финансирование раскопок урочища «ИНГИРЬ-3»...

Мне не нравился Бородулин. Раньше в музее работал «КРЮК» – кружок юных краеведов, теперь здесь «Здоровец».

– Раскоп мы обязательно учтем, – сказал я. – Не сомневаюсь, там найдут много интересного. Но нам...

Хазин попробовал острогу ногтем.

– Но нам уже пора, – закончил он. – Вы, пожалуйста, систематизируйте информацию и предоставьте...

Хазин не успел договорить, Бородулин сунул руку в карман, достал синюю дискету, протянул мне.

– Тут все, – сказал он. – Цифры в основном. Знаете, я ведь сам когда-то... собирался...

Бородулин улыбнулся:

– Собирался написать про Чагинск небольшую работу... Но... Нет никаких возможностей... А из администрации предложили...

– Алексей Степанович непременно вам компенсирует, – пообещал я.

– Кто? – не понял Бородулин.

– Алексей Степанович, – весомо подтвердил Хазин. – Он ценит краеведческие инициативы.

Хазин похлопал Бородулина по плечу, задумался и произнес:

– Алексей Степанович серьезно настроен.

Хазин воткнул острогу в пень и вышел через калитку в заборе.

– Он умеет быть благодарным, – подтвердил я.

– Если хотите, можете поработать в архиве... – неуверенно предложил Бородулин. – Сейчас там, правда, света нет, но завтра починят...

– Обязательно поработаем. На днях зайдем – и поработаем.

И я вышел через калитку в заборе.

Хазин торговался с продавцом скипидарных растворов, пытаясь выяснить перспективы получения третьей банки бесплатно. Я не без труда вытащил его из музея, мы вернулись в машину; пиво почти не степлело, хорошее пиво всегда долго держит прохладу.

Кристина ходила в «КРЮК» два года. Однажды Кристина нашла на чердаке саперный тесак и принесла его Бородулину, и он поместил тесак на главную витрину. Кристина очень гордилась, и мы три раза ходили смотреть на тесак, а на следующее лето тесака в музее уже не выставлялось.

– Зачем мы тут были? – спросил Хазин, сделав хороший глоток.

– Надо начинать работать, – ответил я.

– Надо... Но это сложно... Это практически рожон...

– Воспринимайте историю объективно, как бы фантастически ни выглядели ее проявления, – сказал я. – Так учил Марк Блок.

Хазин вздохнул.

Я достал дискету, она воняла табаком. Я представил, как Бородулин сидел зимними вечерами за компьютером, пил чай и набивал главы «Лесхоз – флагман промышленного роста», «Грузовой двор: курс на длинносоставные поезда», «Колбасному цеху – быть!». Так ему и надо.

– Надо работать, – согласился Хазин. – У тебя есть что-нибудь?

У меня имелось три матричных текста, пожалуй, под Чагинск подходил номер третий.

– Всегда в тебе уверен, – Хазин обернулся, передал банку с пивом. – На подверстать фотки дня три понадобятся.

– Ага.

После первого глотка я опять подумал, что идея по утрам заезжать в «Чагу» – правильная.

– Думаю, пора говорить с Механошиным об авансе, – принялся рассуждать Хазин. – Тут явно вредные производственные условия, у меня аллергия на всякую шерсть... В том смысле, я не шерстяной... Слушай, они карьер точно под бумажный комбинат копают? А вдруг реально под АЭС?!

– Этот вопрос нельзя воспринимать...

В крышу машины ударили:

– Уезжай отсюда! Бабка тебе разве не говорила?

Крикнули над ухом.

Хазин подпрыгнул. Я вздрогнул и стукнул зубами о баночное горло. Не успел ответить, Снаткина уходила, велосипед катила, как обычно, под правым боком.

– Душевно обоссался, – сказал Хазин. – Это которая мужика своего зарубила?

– Да, – ответил я.

И сделал еще три больших глотка. Передал банку, Хазин тоже выпил.

– Она что, тебя знает?

– Вроде...

– Могучая бабка, посмотри, какая спина! Такая могла запросто...

Хазин сфотографировал спину Снаткиной. Я промолчал.

– Здесь как-то... так. – Хазин достал из кармана сушку, занюхал. – Эти штыри, исполнинские подковы, медведи сушеные, мази скипидарные...

Хазин зажал банку с пивом коленями, достал сигареты, закурил.

– Странное... впечатление... Ты не чувствуешь?

– Возможно...

– Тебе не кажется, что... – Хазин поморщился. – Здесь некоторый перебор?

– Вопрос оптики. А в целом... стандартный вальс с осьминогами.

– Не, – помотал головой Хазин. – Тут не то... Я не понимаю пока, но тут что-то не то.

Тут странно, тут осьминоги... другие.

Хазин выпустил дым в банку, прикрыл крышкой, взболтал, открыл, отхлебнул.

– Люблю с дымком...

Хазин взялся за вторую сигарету.

– Не усложняй, Хазин. Пусть что хотят, то и осьминожат, наше дело три свистка. Я пишу, ты снимаешь.

– Разумно...

Хазин отпил еще.

– Нам сегодня еще в клуб, – напомнил я.

– Да-да... – Хазин закрыл банку, убрал за кресло. – Я всегда любил много работать. Мне кажется, этот мудака Крыков что-то недоговаривает... Почему деньги идут через Механошина? Почему их так много? Почему...

– Поехали, Хазин!

Хазин запустил двигатель.

– Ты с заводом созвонился?

– Там заведующая... – поправил Хазин. – Некая Зинаида Захаровна. Ты в этом клубе бывал раньше?

Хазин вырулил от музея.

– Ну как...

– Слушай, а может, не в клуб сначала, а пообедаем? – спросил Хазин. – При виде подковы у меня разыгрался аппетит... Чичагин бы одобрил...

– В клуб. Клуб, потом телевышка. Потом обед.

Хазин вздохнул:

– Зачем телевышка? Виктор, как может быть телевышка связана с адмиралом Чичагиным? Он что, покровитель телевышек?

Хазин утомительно думал вслух: про интернет, коего явный повсеместный недостаток, про некоего католического святого, вроде как признанного его покровителем, про то, что и адмирал Чичагин вполне достоин быть покровителем чего-либо. Например, сотовой связи.

– Допустим, Антиох Чичагин был... был проводником и пропагандистом... громоотводов. Он учил жителей пользоваться громоотводами и строил дощатые тротуары. Громоотводы похожи на вышки, а тротуары служат для связи... Послушай, а если подогнать мобильных операторов, а? Тут нет связи, а это...

Профдеформация. И у меня, и у Хазины. Любая, самая несложная работа разворачивается в голове десятком вариантов, порой это утомительно.

В самом-самом начале мы с Хазиним поднимали полудохлый санаторий с грязелечением и марциальными водами. Хазин предлагал двигать санаторий под слоганом «Из грязи в князи» и заготовил под эту пробу билборды – высокий мужчина в богатой боярской одежде и с бокалом коньяка стоит на берегу грязевой лужи и явно успокоен жизнью. Кроме того, Хазин распустил слух, что санаторий скоро купят турки и закроют его для местных, построив настоящий бальнеологический курорт. Эти шаги дали результат, посещаемость санатория повысилась на треть. Руководство было довольно результатами, но я не собирался останавливаться на достигнутом и заказал еще четыре билборда, расставил их вдоль федеральной трассы, за двадцать, десять, пять и за километр до отворота в сторону санатория.

На билбордах было написано честно, что представляет собой санаторий, и они простояли меньше недели, прежде чем их велели убрать. Однако в течение следующего месяца путевки в здравницу распродали на полгода вперед. Тогда мы немного заработали, я съездил в Турцию, Хазин купил «шестерку». А вернувшись из Турции, обнаружил, что грязевой санаторий действительно купили турки. После этого нас с Хазиним пригласили в команду депутата, баллотировавшегося в областную думу. Хорошее время. Я работал. Сочинял много и с удовольствием.

– ...И тогда Чичагин достает трубку, набирает номер и командует: «Полный поворот кругом!» И бортовой залп!

Это Хазин изложил мне концепт рекламного ролика про Чичагина и сотовую связь.

– Неплохо, – согласился я.

– Предлагаю серию роликов «Герои и современность». Адмирал Чичагин использует мобильную связь в битве при Синопе, адмирал Чичагин спускает на воду атомный подводный крейсер «Звенигород», адмирал открывает первую термоядерную электростанцию... Надо, кстати, предложить Алексею Степановичу...

– Хазин, сиди пока, – посоветовал я. – Пусть Крыков работает, наше дело книга...

– Говорят, у него брат карлик, – перебил Хазин.

– И что?

– Это значит, что в его семье карликовость так или иначе присутствует в генах. И если он внешне не карлик...

Я невольно вспомнил Крыкова.

– Он ментальный карлик! – с отвращением произнес Хазин. – Нравственный карлик! Слушай, у него подозрительно маленькие ручонки...

– Давай прокатимся, Хазин, – предложил я.

– Зачем?

– Проветриться надо. Едем через Новый мост.

– Как скажешь... Это крюк.

Хазин свернул на Банную, мимо облупленной бани, не доезжая до РИКовского моста налево, на Набережную, мимо бывшего магазина льнозавода.

– Я шорты изо льна купил, думал, дышат, а в них ходить невозможно – задницу натирает вусмерть, – сказал Хазин.

Потом на бетонку и направо, к Новому мосту.

– У льняной промышленности нет будущего, факт, – заключил Хазин. – Разве что... нет, никакого.

– Ты заблуждаешься. Во-первых, масло. По питательным свойствам не уступает рыбьему жиру. Во-вторых, пакля. Для слесарных работ ничего лучше льна не придумано. А в-третьих, одежда для космонавтов. В космосе невесомость, трусы не натирают.

Остановились на Новом мосту. В Чагинске три речных моста, когда-то Ингирь был не в пример шире и полноводнее, в нем водились крепкие ерши с овальными лиловыми глазами, и сам Чагинск выглядел на карте островом.

Похожим на треуголку, вдруг подумал я.

– Чичагин носил треуголку, – сказал я.

Новый мост закончен в восемьдесят пятом году как важная часть магистрали Кострома – Галич – Шарья. В отличие от РИКовского моста, выдерживающего транспорт не тяжелее восьми тонн, Новый мост рассчитан на гораздо большие нагрузки. Это позволяет предположить, что Новый мост – важное звено в транспортной системе ракетных сил стратегического назначения. Вода здесь стального цвета. На РИКовском всегда синяя. А на висячем черная. Новый мост – самый высокий из трех, воздух над Ингирем постоянно в движении, сюда приезжают стучать голавлей и трезветь.

Отсюда прекрасно виден город. Федька рассказывал, что один пацан из военного городка прошел по перилам от левого берега к правому.

– Чичагин мог жонглировать тремя пудовыми ядрами, – сказал Хазин. – А мы опаздываем к Зинаиде Захаровне.

Верно, собирались работать. Глава «Культурный центр Чагинского района». Еще не отгремели молотки в паровозном депо, как были выделены средства на другой объект. Особенно много сделали на стройке железнодорожники комсомольской ячейки, которую возглавлял С. Т. Данилевский. И вот скоро сказка стала явью.

– Она заведующая клубом...

Мне не хотелось в клуб, но я понимал, что он неотвратим. Я посещал, по крайней мере, десяток клубов, два из них были построены железнодорожниками, в некоторых имелись спортзалы, в других работали кружки народного вокала, неотвратимы были все.

– У меня соседка тоже заведующая клубом. Женщина многих достоинств и большого мастерства...

Хазин повернул ключ зажигания.

– Любит поиграть...

«Шестерка» заводилась долго, и Хазин долго вспоминал свою соседку, ее невероятно сильную женскую конституцию, но при этом парадоксально высокий духовный уровень.

– ...И вот все деньги, что копила, она потратила на синтезатор...

Кое-как поехали.

Соседка Хазина копила деньги на поездку в Египет, но купила на эти деньги синтезатор, чтобы преподавать на нем музыку; кроме того, всех своих кавалеров так или иначе привлекала к помощи делу дополнительного образования: кто-то циклевал паркет в спортзале, кто-то чинил телевизоры, Хазин делал фотоальбомы. Через километр нас догнал запах железа, леса и солянки, сзади принялись сигналить – к нам притерся нетерпеливый лесовоз. Мы ехали к Зинаиде Захаровне, и я пытался представить, на кого она похожа.

– В сущности, это все подлая инверсия Гоголя, – рассуждал Хазин. – Чичиков приезжает к Коробочке, а она давно в коробочках! Приезжает к Собакевичу, а там сплошной русский хорт. А Прокурора задавило чугунной скамейкой. И Ноздрев на клавикордах бацает и бацает, о Русь, взмахни крылами, ты-ры-ры-ры-ры-ры...

Я потерял нить его мыслей, представляя скорую Зинаиду Захаровну. Хазин тошнил, и лесовоз решил на обгон, гремел цепями и мстительно плюнул в окно выхлопным облаком сажи. Я успел задержать дыхание, а Хазин нет, захлебнулся, и от этого у него испортилось настроение, и до самого города Хазин кашлял.

Вернувшись в Чагинск, Хазин не стал привычно погружаться в переулки, а поехал по Вокзальной, через два квартала свернул на Дружбу – приехали.

Клуб.

– ...И вот сказка стала былью, – сказал я. – Красивое каменное двухэтажное здание, оформленное московскими художниками. Просторный актовый зал, светлый вестибюль, спортивный зал, тридцать кружков и секций – прекрасное место для продвижения культурной работы...

Я вдруг вспомнил, что Пол Маккартни был женат на одноногой.

– Адмирал Чичагин всегда выступал за культуру, – согласился Хазин. – В Италии он приобрел несколько пейзажей Бернардо Белотто, но, к сожалению, след этих шедевров утерян.

– Открылось летнее кафе «Теремок», – добавил я. – Открылся клуб осознанной трезвости «Оптималь».

– Чичагин всегда выступал за осознанную трезвость.

Взбежали по широким ступеням, Хазин толкнул дверь клуба, и мы вошли в прохладный вестибюль. От оформления в пятьдесят шестом московскими художниками осталось не так уж много: на левой стене трудился мужик с рубчатым лицом, на правой стороне тревожно всматривалась в небо женщина-авиатор, напоминавшая рыбу-молот. Про то, что Чичагин предсказывал развитие авиации, Хазин промолчал – поперек широкого фойе лежал на боку фанерный мужик исполинских размеров.

– Интересно, – сказал Хазин.

Два мальчика под руководством сильно перепачканной краской теткой покрывали его коричневой грунтовкой.

– Думаю, все-таки Гулливер, – заметил я.

– Согласен, – сказал Хазин и сфотографировал.

Кабинет заведующей находился на втором этаже, рядом с помещением драмкружка. Лестница была заставлена бумажными цилиндрами и кубами поролона, в коридоре второго этажа пахло кислым клеем, вдоль стены стояли разошедшиеся деревянные куклы, заведующая клубом Зинаида Захаровна считала на калькуляторе в своем кабинете.

– Вы от Станислава? – улыбнулась Зинаида Захаровна.

Я представлял ее иначе.

– От Крыкова, – подтвердил я. – И от Александра Федоровича. Мы собираем материал об истории Чагинска и о его современности, в частности нас интересует ваш...

Дом творческих компетенций; как сейчас клуб называется, я забыл.

– КСЦ, – подсказала Зинаида Захаровна. – Культурно-спортивный центр «Дружба».

– Культура, просвещение, досуг. – Хазин снял заведующую. – Читатель хочет знать, как приумножилось достояние...

– Знаю-знаю! – Зинаида Захаровна бодро вскочила с места. – Пройдемте, там все готово!

Лет ей, пожалуй, сорок.

Зинаида Захаровна выскользнула из кабинета, мы пошагали за ней. Хазин щелкал за спиной фотоаппаратом.

Клуб – стандартная точка локфика. Клуб, лучшая школа, поликлиника, памятник энтузиастам тыла, локомотивное депо, комбикормовый комбинат.

– ...Наш клуб является признанным культурным центром всего района. На нашей базе проводятся ежегодные смотры школьной самодеятельности, соревнования по боксу и самбо, ставятся спектакли, организуются дискотеки и танцевальные вечера...

Хазин снимал с локтя, Зинаида Захаровна рассказывала. Я отметил, что получалось у нее сухогато: возможно, журфак, воодушевление отчетливо натужно. По-хорошему записать бы на диктофон, но особого резона нет, все равно трафарет готов.

– ...Старейшему работнику скоро восемьдесят, а самому молодому шестнадцать...

Мы спустились на первый этаж, преодолели холодные коридоры и светлые рекреации КСЦ «Дружба» и оказались в небольшом симпатичном загончике, расписанном в морской тематике. Рыбы, осьминоги, затонувший корабль, веселая подводная лодка.

– Проходите! – Зинаида Захаровна гостеприимно толкнула субмарину в бок.

Открылся полукруглый ход, я вступил в темноту подводной лодки и остановился. Щелкнул выключатель.

Первые несколько секунд я даже не пытался понять.

Зинаида Захаровна стояла под шляпкой огромного мухомора.

В принципе, я привык, но здесь, похоже... Хазин прав, с перебором.

– Мы клеили его два месяца! – восторженно объявила Зинаида Захаровна. – Как вам?

– То, что мы искали! – Хазин сфотографировал заведующую под мухомором.

Перебор.

Зинаида Захаровна обняла мухомор.

– Знаете, лет десять назад мы начали собирать игрушки, которые мастерили дети в наших кружках. И сейчас у нас самая богатая коллекция в области!

Несомненно, самая. Помещение размером со школьный класс было плотно заполнено самодельными игрушками. Из дерева, из проволоки и пластмассы, из резиновых покрышек и пластиковых бутылок, Серый волк из старого велосипеда, сороконожка из теннисных мячей, в углу тускло и печально поблескивал Железный Дровосек в полный рост, составленный из ведер, цепей и молочного бидона. Мне тоже захотелось обнять гигантский мухомор, я в очередной раз склонялся к тому, что противостоять этому бессмысленно. На полу лежал длинный шланг.

– Каа? – спросил Хазин.

Немного жутковато. Народ склонен к конструированию игрушек, это всегда настораживает.

– Это наш Кузя! – Зинаида Захаровна с гордостью указала на шланг. – Знаете, это самый старый жилец нашего зала, можно сказать, долгожитель...

Я заметил, что Кузя не есть удав в полном понимании этого слова: кто-то приладил ему к брюху длинные красные плавники – стал драконом.

– Его делают из старых носков! – доверительным шепотом сообщила заведующая. – И каждый год его длина увеличивается на полтора метра!

Скорее вытянутый аксолотль.

– Это потрясающе, – сказал я.

– Все обожают с ним фотографироваться! – хлопнула в ладоши Зинаида Захаровна. – Потому что он приносит удачу!

Зинаида Захаровна схватила носочного удава, вручила Хазину голову и несколько раз обошла вокруг. Хазин тут же запутался в змее и стал похож на Лаокоона, и Зинаида Захаровна сфотографировала его на казенный фотоаппарат.

– Просто чудесно! – радовалась Зинаида Захаровна. – Отличные снимки!

– Мы обязательно поместим их в книгу, – пообещал я.

Хазин стал освобождаться от Кузи, но случилась странная штука – удав словно прилип к хазинской куртке, обвинил ее вокруг и отпустить явно не собирался.

– Он у нас с секретом, – игриво объявила Зинаида Захаровна. – Не отпускает просто так, надо знать волшебное слово!

Хазин попытался отлепиться от удава с усилием, но в носочной твари, похоже, действительно имелся секрет – отлипая от Хазина в одном месте, он немедленно прилипал в другом.

Зинаида Захаровна наслаждалась. И я, в общем-то.

– Пусть пока товарищ подумает, а мы подойдем к главному. – Зинаида Захаровна взяла меня за руку. – К тому, что вы хотели увидеть!

Хазин бился в объятиях античности, а мы с заведующей переместились в противоположную сторону комнаты, где стояли елка и стог.

Впрочем, вблизи обнаружилось, что это не стог.

– Вот! – Зинаида Захаровна с гордостью указала на фигуру. – Это и есть наша гордость!

Со стороны Хазина послышался стон.

Честно говоря, я представлял Чичагина несколько иным. Более каноническим, что ли. А здешний был изготовлен из разных материалов; основной корпус, насколько я понял, из пня, добытого вместе с корнями. Центральную часть покрывала проволочная алюминиевая кольчуга, вместо рук суровые и корявые дубины, в могучих руках адмирал держал колесо от телеги, оно, видимо, символизировало штурвал, голова... Я не понял, из чего она построена, мне показалось, что каким-то хитрым образом сложена из старых книг.

– Это наши педагоги придумали, – улыбнулась Зинаида Захаровна. – Он как бы корнями в родной земле, в руках правило, а книга – всему голова. Первое место на областном конкурсе получили!

Я подумал, что зря мы сегодня так – музей, потом клуб, реально перебор, на телевышку никаких сил не останется.

Хазин между тем проиграл сражение со змеем, окончательно в нем запутавшись, и покорно уселся на сундук.

– Мы к нему липучки пришиваем, – пояснила Зинаида Захаровна. – Вы пока посидите, отдохните, я вас потом отлеплю. А мы пока посмотрим на нашего героя!

Выпитое пиво едва не ударило в нос, я с трудом удержался, чтобы неприлично не икнуть на заведующую. Телевышку я не переживу.

– Я его почти узнал, – устало сказал Хазин.

– Да, это он, – подтвердила Зинаида Захаровна. – Это он, гордость нашей северной земли! «Заслуженный работник культуры РФ» – я заметил значок на пиджаке заведующей.

– Я, честно говоря, представлял его несколько иным.

– Как же он может быть иным? – совершенно серьезно спросила Зинаида Захаровна.

Ну да. Я представил тот знаменитый бой, фрегат «Невыносимый» атакует турецкую эскадру, а на капитанском мостике стоит вросший в палубу деревянный адмирал.

– Наш богатырь. – Зинаида Захаровна с гордостью подержалась за правую руку скульптуры. – Наша опора!

Я представил это в книге. Глава 2 «Адмирал Чичагин vs Урфин Джюс». С разбегу о баттерфляй.

– Это чрезвычайно интересно, – сказал я. – А там что?

Я указал на листы, развешанные по стене.

– А это наш конкурс на лучший детский рисунок!

Хазин, поглощенный питоном, громко вздохнул.

– Не волнуйтесь, я сейчас! – Зинаида Захаровна принялась выручать его из носочного змея, а я посмотрел на стену.

Я такое и раньше замечал, особенно в первый день.

В первый день приезда в Чагинск со мной частенько происходили странные вещи. Я выходил из поезда, и на перроне мне на ногу наступал английский дог. Мужик, спящий на скамейке Вокзальной площади, просыпался и предлагал угнать грузовик, принадлежащий «Гортопу». Федька Сватов, с которым мы дружили пять лет каждое лето, не узнавал меня, встретив на улице. В хозяйственном магазине ко мне подходил незнакомый старик и дарил квадратный будильник «Севан». В продуктовый магазин залетал желтый попугай. Улицы в первый день казались чересчур прямыми и острыми, бабушка разговаривала смешными словами и не смотрела в глаза, вещи, оставленные мною в прошлом году, казались чужими, я чувствовал себя лишним и не мог понять, зачем я сюда приехал.

Через два-три дня ситуация менялась, Чагинск обретал черты, углы утрачивали резкость, дома оплывали, а Федька заезжал с утра на велосипеде и свистел под окном, вызывая гулять. Бабушка пекла пирожки через день, а «Севан» отказывался ходить, хотя я по всем правилам швырял его в подушку. Попугаи больше не безобразничали, но в грядках селилась мрачная жаба.

– Не дрягайте шей! – хихикала Зинаида Захаровна. – Я сейчас отстегну... Нет, резать не будем, вы что?! У нас же День города скоро! А мы Кузю всегда на него берем! Нам со всего города носки приносят!

Как-то раз, во время зимних каникул, я подхватил свинку. Организм отреагировал, распухла шея и щеки, а в глазах поселились зигзаги, от которых я не мог свести зрение и видел маленьких снеговиков. Прозрачных серых снеговиков, напоминавших гантели, эти снеговики сидели на всех горизонтальных поверхностях и начинали покачиваться с тонким звоном, стоило хоть чуть пошевелить головой. Снеговики не были страшными, но количество их увеличивалось с каждым днем, кроме того, мне стало казаться, что я схожу с ума, я стал бояться просыпаться и засыпать. Потом доктор сказал, что это нормально – мозг реагирует на присутствие в организме вируса, я запомнил.

– «Дети рисуют Перу»? – услышал я Хазина.

Хазин стоял рядом и разглядывал рисунки.

– «Дети рисуют Пэру», – поправила Зинаида Захаровна. – Я же говорю, на День города у нас традиционный конкурс детского рисунка и выставка поделок...

Я заметил, что освободиться от змея Хазину не удалось, и это явно доставляло дискомфорт – Хазин утратил подвижность и свободу в движениях, точно на плечах и вокруг туловища у него лежал настоящий удав, а не кишка из чулок, носков и свитерных рукавов.

– У вас куртка шерстяная, вот вы и завязли, – пояснила Зинаида Захаровна. – Я принесу пинцет, и мы вас выцарапаем, не переживайте!

– Кто такой Пера? – осторожно спросил Хазин.

– Не Пера́, а Пёра, – опять поправила Зинаида Захаровна.

– Пера...

Хазин поглядел на меня. Я в общих чертах начал понимать, кто такой Пера – на рисунках изображался коренастый и приземистый мужчина в меховой шапке и жилетке, в руках оглобля, на поясе палица. Мужчина предстал перед нами в различных обстоятельствах своей, по-видимому, интенсивной героической жизни. Вот он с помощью оглобли проучает многочисленных вогульских захватчиков, вот две седмицы держит на своих богатырских плечах колокольню в Перми Великой, вот с удовольствием поедает два чана пареного ягеля, вот ошкурирует поутру кровожадного и подлого Войпеля.

– Выразительно, – сказал я.

Почему мы не знаем про Перу? Почему Чичагин? Он ведь большую часть прожил в Италии...

Чичагина предложил Крыков.

– Вы же хотели посмотреть рисунки, так? – насторожилась Зинаида Захаровна. – Мы каждый год рисуем какого-нибудь местного героя, это развивает любовь к родному краю, развивает культуру... Станислав сказал, что вы должны посмотреть наш центр и ознакомиться с нашим конкурсом... я все правильно поняла?

Крыков, сука.

Войпель сильно напоминал Ктулху. Так ему и надо.

– Абсолютно, – ответил я. – Однако...

– Я думал, это будет Чичагин... – растерянно сказал Хазин. – Ну, то есть...

Хазин покачал головой.

– При чем здесь Чичагин? – удивилась в свою очередь Зинаида Захаровна. – Чичагин... это который адмирал?

– Адмирал. Понимаете...

Я доверительно взял Зинаиду Захаровну за локоть.

– Все очень правильно, – я указал на Перу. – Изучение истоков это, несомненно, большое благо. Но...

Я неосторожно повернулся к Пере спиной и почувствовал, что вот сейчас он укрепит меня дубиной в шею. Оглянулся. Пера оставался недвижим.

– Администрация планирует праздник, как вы знаете, – сообщил я конфиденциальным голосом. – День города. Но необычный. Дело в том, что в этом году двести шестьдесят лет со дня рождения Антиоха Чичагина. Великого гражданина и...

– Решено объединить, – перебил Хазин.

– В общем, верно, – подтвердил я. – И провести ряд мероприятий в ознаменование его памяти. Чагинские чтения на базе библиотеки, издание книги, Чичагинский фестиваль... опять же, памятник...

– Памятник? Но я думала... – Зинаида Захаровна обернулась на зал игрушек.

Я совершенно не доверял Пере.

– Вы, разумеется, знаете, что за РИКовским мостом стартовало строительство? – спросил я.

– Да, там вроде завод бумажный ставить собираются...

– Так вот, в руководстве проекта... – я сделал многозначительную паузу, – считают, что Чагинску нужно новое лицо. И это лицо...

Я покосился на кряжистого Перу.

– Это лицо не должно ассоциироваться с... явно языческими, дремучими образцами.

Зинаида Захаровна хотела возразить, но я быстро продолжил:

– Антиох же Чичагин напротив – символ духовности и просвещения. Именно его руководство компании НЭКСТРАН хотело бы видеть в качестве...

Я несколько сбился, Хазин пришел на выручку.

– Истока, – сказал он. – Именно истока.

– Понимаю...

– Судьба города неотделима от судьбы адмирала, – сказал я. – Об этом и будет наша книга. И с вашей стороны...

– Нам потребуется сотрудничество, – закончил Хазин. – Вы же должны знать, что адмирал – покровитель наук и искусств.

– Да, мы, конечно, про это знаем... – растерялась Зинаида Захаровна. – Мы все сделаем. Я давно собиралась объявить конкурс...

Теперь с мысли сбилась Зинаида Захаровна.

– «Рисуем адмирала Чичагина», – подсказал я.

– Да, отличное название! Знаете, у нас здесь работает летний лагерь...

Зинаида Захаровна улыбнулась.

– У нас лагерь до трех дня, – повторила она. – С десяти до двенадцати мы рисуем, потом обед, потом приставки. Кто не хочет рисовать, не получает приставку.

– А давайте поступим по-другому, – сказал я. – Администрация уделяет пристальное внимание этому празднику, поэтому наша задача привлечь к конкурсу максимальное количество участников. Пусть приставка будет призом победителю!

– Но...

Зинаида Захаровна оглянулась на Перу, как мне показалось, в поисках поддержки.

– Александр Федорович, думаю, одобрит, – заверил я. – Вчера на совещании он сказал, что праздник – это приоритетная задача мэрии. Именно с этого дня начнется...

Хлопнула дверь.

– Зинаида Захаровна! Вы моего не видели?

Я узнал голос и обернулся.

Кристина. Она заглянула в зал, увидела Хазина и хихикнула. Помахала рукой. Слишком часто встречаемся. И я ей помахал.

– Так он пообедал – и сдул сразу, – ответила Зинаида Захаровна. – Кристиночка, я же тебе говорила, он после обеда всегда убегает, я же не могу ему ошейник прицепить...

– Да, до свиданья!

Кристина исчезла.

– Хороший мальчишка... – Зинаида Захаровна покачала головой. – Идеи у него всякие... Кристина тоже интересная девочка была, творческая, стихи писала, мастерила...

Я нашупал в кармане вязаную пчелу.

– А вы не знаете, когда завод пускать собираются? – спросила заведующая. – А то у нас позакрывалось все, работы никакой...

Хазин чихнул: сложно стоять в чужих носках, не чихая.

– Да-да, сейчас! Сейчас мы вам поможем! – Зинаида Захаровна схватила Хазина и вытащила его из зала.

Я остался один. Кукол мало, подумал я. Обычно среди игрушек кукол больше половины, а тут нет, немного. Зато моделей много. И сенок из жизни – то мельник жучит налима, то грузовик ремонтируют, то макет мэрии. Модель водокачки, взрыв подводной лодки «U-721» после попадания торпеды.

Игрушки напоминали рисунки про Перу, руководитель художественной студии был явно склонен к творческому осмыслению действительности. Простые игрушки тоже имелись: детские инструменты, головоломки из гвоздей и гаек, многозначительные коряги; я увлекся рас-

смаатриванием, бродил по залу, обнаруживая все новые и новые вещи. Я впервые встречал в клубе такую насыщенную комнату, обычно в Домах культуры ограничивались унылой выставкой достижений, а здесь настоящий игрушечный мир, через который проходила игрушечная железная дорога, на шестисотом километре к рельсам был привязан пластиковый бедолага в широкополой синей шляпе. Я достал из кармана вязаную пчелу и посадил ее рядом. Чтобы не скучно было.

Пробыл в игрушечном зале минут двадцать, Зинаида Захаровна так и не появилась, и я вернулся в вестибюль.

Хазин сидел на железном стуле, рядом с ним стояли две смешливые работницы культуры и методично выбирали из Хазина носкового удава. Это продолжалось долго, Хазин терпел, думаю, он хотел завязать знакомство с той, что с прической. Я сидел на подоконнике, в спину поддувало.

В прошлом году Хазин заболел. Вернее, сломал ногу и не мог работать в поле, а заказ подкинули жирный. Я отправился на северо-запад и через два месяца закончил «Холмы. Город-труженик, город-воин». Но администрация неожиданно ударила в отказ и платить за работу не собиралась. Заменить в тексте «Холмы» на «Чагинск» несложно, поменять имена, названия предприятий и даты тоже. Локфикшн – самый благодарный вид литературы, ее никто в здравом уме не читает, я мастер локфика, мастер для никого.

Сотрудницы КСЦ закончили высвобождать Хазина из удава и, хихикая, убежали, печальный Хазин приблизился к окну. Ему шло быть в удаве.

– Я буду называть ее Зизи, – сказал Хазин. – О, я буду называть ее Зизи...

Мне не хотелось называть ее Зизи. Хазин продолжал отряхиваться и никак не мог остановиться, точно удав оставил на нем невидимую и жгучую чешую.

– Признаться, это моя мечта, – Хазин мечтательно улыбнулся. – Стать заслуженным работником культуры в провинции, посещать клуб «Оптималь», печь картофельные очистки на противне, достойно встретить старость с удочкой на берегу, какая гнида этот Крыков...

Хазин вздохнул.

– Мне кажется, Крыков саботирует, – негромко сказал он.

– А смысл?

– Не знаю... Мне кажется, мы зря подписались...

– Не пыли, Хазин. Ничего необычного, работа как работа, сделали и уехали.

– Не знаю, не знаю... Я не особо люблю Крыкова... При чем здесь Пера?

– Пера – это да...

– Кто такой этот Пера?!

Я потрогал голову.

– Вероятно, он как-то связан с этой местностью. Как Чичагин.

– Это, наверное, хорошо, – сказал Хазин. – Это значит, что здесь богатырство в почете. Чичагин, кстати, был крепок на руку.

Верно. Когда однажды его корабль потерял якорь, адмирал прыгнул в море и на плечах вынес якорь на берег.

– Однажды Чичагин голыми руками задавил бешеного вепря, – сказал Хазин. – Спас от него крестьянских девушек. Думаю, это надо отразить в тексте.

– Непременно. И перед телевышкой надо пожрать.

Возможно, дело в раздражителе, думал я, пока мы ехали в сторону столовой доручастка. Слишком мощный вирус. Геодезисты, строители, археологи – за последний месяц население Чагинска увеличилось на триста с лишним человек. Город замер, притих, втянул голову в плечи и начал отвечать.

Носочным удавом.

Глава 3

Новая праведность

Хазин с утра не завелся и ругался под окнами на дерьмовый ржавый здешний поганый паленый бензин, умудрившийся забить «шестерочный» карбюратор, и чем его теперь промыть, а затем продувать, а он люто ненавидит машинную возню, надо пожаловаться Механошину, работать невозможно...

На телевышку вчера нас не пустили. Хазин звонил с проходной Крыкову, пытался дозвониться и Механошину, ругался, что пропадает погода: если забраться сейчас на телевышку, то можно сделать отличные панорамы города для книги. Но ни Крыкова, ни Механошина найти не удалось. Хазин расстроился и предложил съездить в Заингирь, родовую вотчину Чичагиных, – по слухам, там сохранились фотогеничные руины. Я согласился, и мы с Хазиным выдвинулись в сторону Козьей Речки.

Мы с бабушкой часто ездили туда за грибами. За речкой росли боровые грузди – бахромистые, наглые, не жалкие тощие лопухи, что водятся в березняках, а настоящие боярские грузди, какие встречаются лишь в сумрачных старых ельниках. В шестидесятые в Заингирь вела узкоколейка, там варили стекло для противогазных линз и военных оптических систем, потом завод перенесли, рельсы сняли, и осталась насыпь со вросшими шпалами, двенадцать километров. Бабушка знала грибные места, мы угадали пласт и набрали два пестера, и тащить назад двенадцать километров сил не осталось, на полпути мы остановились и высыпали грибы на насыпь. Мы уходили, а я все оглядывался на грузди, это снится мне до сих пор. Насыпь и грузди на ней.

За прошедшее время насыпь рассосалась и превратилась в разьеженный проселок. «Шестерка» юлила, буксовала и шла с пробоями, Хазин матерился, что непременно застрянем, так что повернули обратно. Искали объезд, потом еще объезд, так и не нашли, вернулись к гостинице к вечеру. Хазин предлагал отдохнуть в «Чаге», но настроения не осталось, я лег спать в номере, а Хазин все-таки отправился, вернулся в полночь, стучал в дверь, утверждал, что археологи, работающие на карьере, обнаружили в раскопе череп коня. И уверял, что это, скорее всего, череп Чичагина, в том смысле, что его коня, а это говорит о многом. Я пообещал завтра непременно заглянуть к археологам, Хазин отстал. Я к археологам, кстати, давно собирался, археологическая глава в локфике весьма желательна.

С утра Хазин возился с карбюратором, продувал жиклеры и материл прокладку: авто-сервисов в Чагинске не было, и Хазину приходилось справляться самому. Я подумал, что пора, пожалуй, обзавестись независимым средством передвижения, спустился в «Мотоблок и дрель» с намерением купить велосипед. Я долго выбирал, но в результате так ничего и не купил; раньше у меня был «Салют», а велосипеды из ассортимента Мотоблокова не могли с ним конкурировать. Это меня расстроило, и я, прихватив камеру Хазина, отправился прогуляться к РИКовскому мосту.

За мостом город постепенно заканчивался, слева от дороги на Вожерово догнивал и зарастал подлеском льнозавод, дальше из зелени торчали крыши Пригородного, справа между проселком на Нельшу и вдоль берега Ингирия тянулись намытые земснарядом песчаные барханы.

Ингирь выворачивал из-за холма и тек к востоку, сужаясь под РИКовским мостом, разливаясь дальше плоским широким плесом. За плесом поперек русла старалась черпалка, гудела, выбирая со дна Ингирия песок и нагребая на берегу очередную дюну. Перед дюной берег раскапывали несколько экскаваторов, готовя котлован под фундамент будущего бумажного завода. Земснаряд напоминал каракатицу, экскаваторы – однолапых крабов-калек, работа, произво-

димая всей техникой, выглядела нелепо: со стороны реки они насыпали гору, с другой рыли яму. На дальней опушке леса синела палатка археологов.

Земснаряд работал, похоже, с весны – вдоль берега через каждые двести метров белели песчаные холмы, я выбрал ближайший. Песок мелкий, белый и чистый, взбираться по нему оказалось тяжело, я то и дело съезжал, месил хрустящую зыбь, стараясь воткнуть ноги поглубже и понадежнее.

Я забрался на вершину, изрядно набрав в кеды песка и едва не подорвав ахилл на левой, сел на нагретый песок, огляделся. Достал из кофра камеру.

Тогда тут не было ни ямы, ни песчаной горы, луг от реки до леса, покос и стога, пыльная дорога. Я, Кристина и Федька оставили велосипеды и забрались на самый высокий стог. Кристина привязала к березовому хлысту мою старую футболку, и мы подняли над лугом «Веселый Роджер», хотя Федька предлагал обычный «Спартак».

Федька дразнился, говорил, что пираты – это детский сад, в пиратов одни придурки из батора играют, а баб пираты безжалостно топили в ближайшей проруби, потому что бабы зло и всегда мешают рыбалке. Вот мы Кристину взяли с собой, а зря, никакой рыбы не видать, рыба от баб как от электродочки шарахается. Кристина ему посоветовала пасть засыпать насчет баб и электродочек: было у отца три сына, двое нормальных, а третий футболист, да таких кривоногих и тупых и в футболисты-то не возьмут, в шпальщички-подпальщички разве. Федька на подпальщичках криво ухмыльнулся, достал зажигалку, отщелкнул крышку и чиркнул колесиком. Над латунным орлом возник огонек. Кристина принялась ругаться на Федьку громче, а я молчал. Я испугался. Мы сидели на тонне сена, дождей не было три недели, Кристина сказала, что Федька псих. Псих и настоящая сволочь.

Тогда Федька разжал пальцы. Тяжелая зажигалка скользнула в сено. Я замер. Хотелось немедленно спрыгнуть со стога и отбежать, но я не мог – Кристина осталась. Она ухватила за хлыст с флагом и смотрела на Федьку, а он смотрел на нее.

Оба психи.

Я ждал огня. Пламени из-под ног, дыма – едва запахнет дымом, надо толкать Кристину и прыгать самому, а этот придурок пусть горит...

Но не было огня.

Федька захохотал. И продолжил обзывать, он всегда хорошо обзывался. Что-то про сыскуна и дрисуху, жених и невеста из сортирного теста, тогда я ударил Федьку.

В глаз.

А попал в лоб, кулак подвернулся, я зашипел от боли, Федька размахнулся для сдачи, потерял равновесие и съехал по стогу на землю.

Огня не было.

Федька ругался снизу, пытался до меня доплюнуть, но Кристина и я сами стали в него плевать, тогда Федька скрутил с наших велосипедов ниппеля и выкинул в стерню.

Мы остались на стогу, а Федька на велике покатыл к реке. Кристина сказала, что у Федьки в семье все такие – психозоиды, его дядя в прошлом году со старой водокачки кинулся, а тетя в магазине кассиршу избивала. Да мне и бабушка рассказывала, психи.

Федька доехал до реки, отвязал от рамы велосипеда спиннинг и спустился к воде. Я предложил Кристине слезать со стога и ехать дальше на омуты без Федьки, а флаг с собой взять и там повесить. Но Кристина объявила, что флаг спускать нельзя – теперь этот берег наш, и мы будем грабить всех, кто проплывет мимо. Я подумал, что она переигрывает – какой берег и кого грабить, но спорить не стал, подумав, старая футболка.

Мы все же съехали по сему на землю. Я достал из рюкзака запасные золотники, вкрутил в камеру и поработал насосом. Кристина искала в стогу зажигалку, приговаривая, что меньше чем за сотню она ее Федьке теперь не отдаст. Зажигалка не находилась, а Федька показался. Он тащил за собой по земле здоровенную толстую шуку и счастливо смеялся.

Я сфотографировал котлован и достал из кармана зажигалку. Ту самую, с хохлатым американским орлом.

В конце августа, в день отъезда из Чагинска, я приехал на берег. Часть стогов успели убрать, но наш стог еще стоял, с выгоревшим и изорванным черным знаменем над, самый высокий. Пиратский берег. Я забрался в сено и два часа ковырялся в сухой траве. Мне понравилась эта дурацкая зажигалка, но найти ее не получилось.

Зажигалка действовала до сих пор, я чиркнул колесиком, добыл огонь, задул – курить бросил.

Река обмелела. Посредине плеса стоял мужик с удочкой, таскал ельцов, согнанных работой драги на отмель. Я дотянулся до сухой коряжинки, поджег. У сухих коряг всегда вкусный уютный дым, можно собирать коряги вдоль берега, упаковывать в джутовые мешки и продавать японцам. Чтобы в очагах их домов горели ароматные и экологически натуральные речные дрова. Как-то раз Федька украл из дома сосиски, и мы жарили их на таких, на редкость вкусно.

Не ожидал, что это будет Чагинск. Мне все равно, о каких местах писать, что Чагинск, что Пироговск, что Пучеж, пусть хоть Нерехта. Археологическая глава, глава об основателе, в годы опричнины, в годы Смуты, от развала и пепелищ к ликвидации неграмотности населения, от времени великого перелома к «кадры решают все», от...

Со стороны Нельши показался синий пикап, я навел на него камеру. Внедорожник катил широко, то и дело срываясь в юз, поднимая пыль; притормозил напротив котлована, затем съехал с дороги и направился в мою сторону.

Высокая проходимость. Пикап раскачивался и легко перепрыгивал ямы, так что я подумал, что машина явно тюнингованная, причем весьма и весьма серьезно, и по двигателю, и по ходовой, слегка позавидовал. Я не люблю машины и не люблю водить, но техническое совершенство восхищает всегда. Пикап был безусловно хорош, через минуту он остановился напротив моего холма.

Из машины вышел Алексей Степанович, бодрый, причесанный, в сером костюме, с галстуком, словно только что сбежавший с совещания в мэрии. И приветливо помахал рукой:

– Добрый день!

– Добрый.

Алексей Степанович попытался влезть на холм, но увяз в песке по колено, застрял и рассмеялся.

– Виктор, не пригласите? – попросил он.

– Да, конечно.

Я подал руку, Алексей Степанович ухватился и одним движением втянулся на вершину.

– Спасибо!

Он отряхнул колени от песка и протянул руку еще раз:

– Мы тогда толком не познакомились. Алексей Светлов.

– Виктор...

Ладонь у Светлова была большая, и пальцы длинные,жатие умеренное. Я подумал, что такими руками здорово играть в баскетбол, берешь мяч в горсть, кладешь в корзину. Демократические руки, отметил я, в них хорошо бы смотрелась кувалда или лом; вероятно, Светлов имел простонародное происхождение. Но сам непрост.

– Виктор, а фирма «СКС» ваша? – уточнил Светлов. – Помню тот проект в Ярославле, неплохо, кстати.

– Это в прошлом, – ответил я. – Теперь мы на вольных овсах...

– Что правильно, – заметил Светлов.

Он снял туфли и неожиданно зачерпнул ими песок. Стряхнул лишнее и несколько раз энергично согнул каждую, туфли издавали протестующий хруст.

– Недавно купил, – пояснил Светлов. – Не успел разносить.

– Разносить? – удивился я.

– Ну да. Не люблю разношенные покупать. После этих итальяшек, знаете ли, всегда душок остается, как ни проветривай...

Светлов еще несколько раз стиснул туфли и вовсе закопал их в песке.

– Старые методы – самые надежные, – сказал Светлов. – Вы знаете, что раньше туфли разношивали семинаристы из бедных? Хорошие туфли требовалось носить неделю. Или их отдавали кузнецам. Подмастерья заполняли туфли прокаленным песком и тискали их руками...

Светлов снял и носки, зарыл пальцы ног в песок, с удовольствием зажмурился.

– На вершине холмов тишина и покой, и горят, и вертятся... – Светлов почесал лоб. – И горят, и вертятся... вроде как созвездия. А вы здесь что делаете, Виктор?

– Я к археологам хотел... и решил посмотреть, как тут все... сверху.

Алексей Степанович посмотрел из-под ладони в сторону археологической палатки.

– Я, кстати, тоже, – сказал он, пошевелив в песке пальцами. – За археологом нужен глаз, пасти их не перепасты... Песок отличный, мелкий, из такого пляжи отсыпать.

– Здесь раньше санаторий, кажется, был, – напомнил я.

– Да, знаю, то ли после войны, то ли до. Где-то там, – Светлов указал вверх по течению. – Кедровая роща, горячие источники... Да, все давно уже заглохло, но мы постепенно восстановим, нам понадобится санаторий... Вы, кажется, по санаториям специалист?

Я смутился.

– А мне понравилось, – успокоил Алексей Степанович. – Иногда парадоксальные решения срабатывают. Мне понравилось, как вы работаете. Хороший пиарщик отталкивается от архетипа, гениальный этот архетип подменяет. А иногда и создает, задним числом фактически. Поэтому у меня, кстати, к вам предложение...

– Какое? – насторожился я.

– Думаю, выгодное.

Светлов нагреб над ступнями пирамиды песка.

– Понимаете, Виктор, насколько я понял, на сегодняшний день здесь существует некоторое... общее недопонимание...

Светлов оглянулся на город. Со стороны молочного завода к мосту спускался велосипед с моторчиком, за ним на веревке тащила старенькая «Кама». Великом с моторчиком управлял мальчишка, «Камой» рулила девчонка.

– Кстати, как у вас дела с адмиралом?

Земснаряд на реке загудел громче, рывкнула сирена, платформа развернулась и воткнулась в берег. Земснаряд принялся с азартом загребать в реку то, что добыл с утра.

– Не, какие натуральные идиоты! – рассмеялся Светлов.

Драга заглохла, завязнув в пласте прибрежной глины, теперь она напоминала не карака-тицу, а скорее дохлого рака. Хазину бы понравилось. Я сфотографировал.

– Гремучая с Чичагиным идея. – Светлов выкопал туфли. – Я как услышал...

Светлов высыпал из туфель песок.

– Долго смеялся, – продолжил он. – Ну и плакал, разумеется... С другой стороны, как раз для вас работа. Провинция... Провинция абсурдна и дика везде, Виктор, вам ли этого не знать? Это не только у нас, это везде. Вспомните фильмы – Гигантский Пончик в Калифорнии, Самый Большой Бургер... не помню где, труселя Микки-Мауса... они опять в Калифорнии. А на Северо-Западе статуя Пола Баньяна, Годзилла... они почему-то любят Годзиллу... Зона Пятьдесят Один, там одной сувенирки на полтора миллиарда каждый год продают! «Ай эм вонт белив!» – капитализация этой фразы больше, чем всего Чагинска вместе с районом!

Застрявшая драга ожила, рыкала дизелем и гудела сиреной, пытаясь высвободиться из берега, получалось не очень.

– Думаю, с Годзиллой было бы легче, – заметил я. – Чичагин... Мало места для маневра.

Велосипедисты прокатили мимо, и я узнал Аглаю, библиотечную дочь и вредину. Дырчиком управлял незнакомый мальчишка с серьезным лицом.

– Я понимаю ваши сомнения, – сказал Светлов. – Чичагин, безусловно, герой, к тому же... достойный муж... Больше скажу, Чичагин для нас гораздо лучше Годзиллы. Годзилла, он же в сущности японский кадавр, смесь бульдога с Белоснежкой...

– Она, – поправил я.

– Что она?

– Годзилла – она. То есть самка фактически. Женская особь.

– Тем более! – хмыкнул Светлов. – Куда их Годзилле против нашего адмирала? К тому же...

Аглая и мопедист вовсю карабкались по песку на соседний песчаный холм, хотя он был и круче и выше. Светлов оглянулся.

– А их песок еще держит, – сказал он. – Недолгая привилегия детства. Впрочем, вернемся к нашим. Вы бывали... Ну... хотя бы в Дивеево?

– Нет...

– Съездите, это поучительно. Там вполне успешно этим промышляют – ковчежцы, медок, маслице, медь златогласная. Собственно, это в устойчивой традиции... Так что ваши, Виктор, рефлексии... я бы сказал, безадресны.

Алексей Степанович улыбнулся.

– Но... – я пожал плечами. – Собственно, это не моя...

Я хотел сказать, что это не я. Не я придумал Чичагина, Крыков. Мне бы лучше Гигантский Пончик, и вообще, при чем здесь рефлексии, я книгу пишу. Почему он это со мной обсуждает?

– Рассматривайте Чичагина сквозь широкоугольную оптику, – Светлов кивнул на камеру. – В сущности, он государственный, строитель империи. А империя – это перспективно всегда. Думаю, вскоре Чичагин и подобные ему займут свое место в парадигме новой праведности...

– Как вы сказали? – не расслышал я. – Новая праведность?

– А вы не читали?

Я отрицательно помогнул головой.

– Ах да, интернета нет... Забавная статья была, автора я, кстати, так и не выяснил...

Впрочем, можно не усложнять...

Светлов замолчал.

Аглая и мальчишка забрались на верхушку соседнего холма и принялись разводить костер из сушняка. Если подбросить в огонь ивняка, то получится отличный дымовой сигнал, вспомнил я. А еще из лопухов. Лучше всего покрышку. Как-то Федька спер у отца две лысые покрышки, мы откатали их на реку и сожгли на пляже.

Или кусок смолы в костер кинуть.

Или рубероид.

– Поверьте, Чичагин – вполне перспективный вариант, – сказал Алексей Степанович. – Вопрос усердия. В Астраханской области есть небольшой городок, почти поселок. Так вот, как-то раз в нем останавливался Чехов по пути в Таганрог. Одну ночь всего, комната в трактире на втором этаже. А потом, кажется, в письме к Григоровичу...

Я взглянул на Алексея Степановича с интересом.

– Так вот, Чехов написал, что в «этой грязной дыре меня до неприличия закутали клопы, клопы необычайной крупности, лютости и дерзости, решительно как те собаки на Пречистенке». Впрочем, не исключено, что он ехал из Таганрога... Так вот, сейчас в этой гостинице постояльцам в постель подкладывают клопов. Разумеется, не живых, металлических.

Оригинально. Клопы, похоже, кусали всех великих русских писателей. Равно как и все великие русские писали про клопов. По мере того как со страниц романов исчезали клопы, исчезала и литература.

– Считается, они приносят удачу, – сказал Светлов. – Жители того городка утверждают именно так...

Можно подумать. Клопы живут в среднем двенадцать месяцев, за годы, прошедшие с остановки Чехова, сменилось сто двадцать поколений кровососов. С квантовой точки зрения клопы, кусающие постояльцев гостиницы «Центральная», – это те же самые клопы, которые кусали Чехова сто с лишним лет назад. И с точки зрения биологии... Быть покусанными клопами, терзавшими Чехова, в гостинице, где они его нещадно грызли. К удаче.

– Они продают металлических клопов? – уточнил я.

– Железный клоп простолодину, для гимназистки серебро, но благороднейшему сыну вонзают золото в ребро, – продекламировал Алексей Степанович.

И вручил мне серебряного, размером с горошину клопа искусной работы.

– Подарок вам как писателю.

– И что с ним делать? – Я подкинул клопа на ладони. – Я не вполне гимназистка.

Тяжелый, как шарик подшипника.

– Разумеется, подкладывать в кровать, – посоветовал Светлов. – Попробуйте, это познавательно, своеобразный сенсорный триггер. Любопытные сны.

Я убрал клопа в карман.

– Спасибо.

– Да... Я уверен, что у Чичагина есть перспективы. Главное, работать. Вы, Виктор, умеете работать.

– А вы умеете вдохновить людей, – сказал я.

– «Наша работа – делать людей счастливыми. НЭКСТРАН».

Алексей Степанович с удовольствием поднялся на ноги.

– Здесь приятная местность! – сказал он. – Чудесная... Похоже на Прибалтику.

– Да, нормально...

– Мне здесь очень нравится. – Алексей Степанович вытянул из-под песка ступни. – Знаете, Виктор, я, когда выбирал площадку, много посмотрел, по всему северо-востоку искали. А Чагинск сразу приглянулся. Мы летели с севера, двести километров – лес, тайга, глушь, а потом вдруг три реки звездой сходятся – и холм! Смотрите, еще одного подсек! Как славно! Это хариус?

Алексей Степанович указал на рыбака.

– Хариусов здесь нет давно. Ельцы. Плотины иногда, сорога по-местному.

– Ельцы и сорога... Я бывал в Ельце. Впрочем, хариусов мы вернем, как и другую рыбу.

Я не понял.

– Нам понадобится вода, – пояснил Светлов. – Вода и электричество. Я сейчас как раз осматривал старую ГЭС ниже по течению. Плотина неплохо сохранилась, так что ее несложно будет восстановить. Уровень воды поднимется, почистим русло, рыба снова заведется. Ельцы, хариус, стерлядь. Мне в музее сказали, что здесь раньше стерлядь водилась.

– Возле целлюлозного комбината стерлядь? – усмехнулся я.

– А вы знаете, где самая чистая вода в Рейне? – спросил Светлов. – Напротив концерна БАСФ. Современные технологии очищают как воду, используемую в производственных процессах, так и воду в окружающих водоемах. Это не так уж сложно, методы давно отработаны. Наши предприятия производят чистый воздух, чистую воду и лучшую в мире бумагу. Скоро здесь будут водиться хариусы.

– Вы, я вижу, любите рыбалку?

– Я? – словно заинтересовался Светлов. – Да, пожалуй. Мне нравится сама суть процесса. Есть суша, есть вода, но существа суши научились добывать существ воды. И редко когда наоборот. Ельцы вкусная рыба?

– Да, нормальная, – сказал я. – Лучше жарить в сметане, они суховаты. Или на гриле с маслом. Но лучше крупных брать.

– Обязательно попробую...

Алексей Степанович посмотрел из-под ладони в сторону реки.

– Как ваша книга? – спросил Светлов.

– Продвигается. Собственно, в таких книгах главное сбор материала. А материал хороший, все-таки Чичагин крупная фигура...

– Нет, я о настоящей, – перебил меня Светлов. – Вы пишете книгу?

Еще два раза. После провала романа про зомби я пробовал еще два раза, в первый заглох на шестидесятой, во второй на семнадцатой странице. Настроение было, и книгу брали... не сочинялась.

– Я работаю над этим, – ответил я. – Есть несколько идей...

– Не расскажете? – неожиданно попросил Светлов. – Нет, мне просто интересно. Я сам хотел когда-то стать писателем, но, к счастью, не получилось. С тех пор некоторым образом интересуюсь... люблю хорошие книги. И необычайно приятно бывает стоять у истоков...

Я несколько растерялся. Я, разумеется, не особо опасался, что Алексей Степанович Светлов украдет у меня идею, но все равно, книги не любят посторонних глаз...

– Смотрите!

Алексей Степанович хлопнул в ладоши и указал пальцем.

– Смотрите, что они там делают! Это у них парашют?!

Я обернулся. На соседнем бархане запускали монгольфьер. Во всяком случае, это весьма напоминало воздушный шар, склеенный из бумаги.

– Это скорее китайский фонарь, – сказал я. – Но обычно их запускают вечером, так эффектнее.

– Похоже, у них не очень клеится с аэронавтикой...

Послышался неприятный пиликающий звук. Я машинально пощупал карман, потом вспомнил, что тут не должно быть связи.

– Это «Алтай», – пояснил Светлов. – Покоя нет нигде... Впрочем, скоро сюда проведут нормальную связь, мир сжимается. Мне пора, Виктор. Вы будете завтра на репетиции?

– Непременно, – пообещал я.

– Увидимся!

Светлов снова пожал мне руку, выбил из туфель песок, сбежал с холма и забрался в пикап. Завел двигатель, слишком резко бросил сцепление, машина укопалась, выбросив в воздух из-под задних колес песчаные гейзеры. Корма внедорожника осела, Светлов высунулся в окно, оглянулся.

– Враскачку надо, – посоветовал я.

Но Светлов прибавил газу. Двигатель заревел, грунтозацепы пикапа легко прорыли песок, добрались до земли, внедорожник подпрыгнул, из кузова вылетел огнетушитель, но Светлов этого не заметил – машина уже неслась в сторону дороги.

Земснаряд загудел громче, вода под ним вскипела, и по течению потек мутный след. У рыбака резко обострился клев, он вытаскивал рыбку за рыбкой и складывал в сетку – издали казалось, что в ней блестят новенькие гривны.

На соседнем холме Аглая ругалась с приятелем – разжечь костер, похоже, у них не получалось. Аглая размахивала сухой палкой, приятель чесал голову.

Драга замерла, дрожа бортами, я отметил, что она похожа на щуку, отупевшую и оголодавшую зимой, оттаявшую по весне и вцепившуюся сослепу в прибрежную кочку. Застряла

зубами, вертелась, булькала, да так и сдулась до вечера. Оператор вылез на крышу кабины и теперь загорал.

И мне захотелось. Нормального. Наловить ельцов, развести костер, посадить ельцов на прутья и пожарить над углями. Накупаться до белых рук. Охотиться с воплями за выползшим на отмель синим раком. Жевать сладкие смородиновые прутья. На спор висеть над рекой на ветке – дольше провисела Кристина, а Федька оборвался первым. Воровать горох с совхозного поля, лучше с того края, где еще и клевер, там мягче. Загорать...

– Э-э-й!

Я открыл глаза. Передо мной стоял приятель библиотечной Аглаи, тот, что с серьезным лицом. И оттопыренными ушами – издали незаметно, а вблизи кажется, что по слуховому аппарату за каждым. Ушастый, на ремне внушительный охотничий нож с роговой рукояткой и латунной бляшкой на тыльнике. Ножны из оленьей кожи.

– Привет, – зевнул я. – Ты чего?

Аглая помахала мне рукой.

– Мы костер не можем развести, – пожаловался парень. – Я спички взял, но они почему-то отсырели.

– А что вы там запускаете?

– Воздушный шар.

– Зачем?

– Ну...

Мальчишка пожал плечами, оглянулся на Аглаю. Аглая показала язык, подергала себя за уши.

– Мы поспорили... – мальчишка поморщился. – Поспорили. Хотели проверить, на сколько улетит... а спички отсырели, кажется. Они к набору прилагались, китайские, из бумаги сделаны. Головки зеленые, а ни фи́га не горят...

– Спичек у меня нет, – сказал я.

– А Аглая сказала, что вы курите... – с разочарованием вздохнул мальчишка.

– Почему это я курю?

– Да так... вы же атомную электростанцию будете строить. Котлован копаете...

Мальчишка указал на экскаваторы.

– Не, – я пнул песок. – У нас и так энергии перепроизводство, зачем еще одна станция?

– А что тогда?

Экскаваторы грызли землю, песок в основном, котлован походил на ванночку с крем-брюле, над которой изрядно поработал первоклассник-обжора.

– Космодром, – ответил я. – Строим космодром.

– Ну да, – не поверил пацан. – Как же!

– А что такого? «Байконур» у нас отбирают, а стране нужен космодром. Их шесть штук строят, здесь, в Чагинске, первый, остальные пять в других местах.

Пацан скептически плюнул.

– Кто ж космодром рядом с городом строит? Его подальше обычно...

– Нет, здесь... – я указал на экскаваторы. – Здесь, само собой, никакой стартовой площадки не будет, она дальше... Там...

Я махнул в сторону площадки археологов.

– Здесь планируется вторая подстанция. Сам понимаешь, энергии много понадобится, будем запитываться от кировской ЛЭП.

– Точно, что ли?

– Точнее не бывает.

– А куда летать будут? – поинтересовался пацан.

Я растерялся, вспоминая, куда вообще можно летать. На Марс. Что делать на Марсе...

– В основном ближний космос, – ответил я. – И иногда дальний.

– Мне кажется, самое перспективное направление – Энцелад, – сказал пацан. – Там есть океан. Или Европа. Но я думаю, что сначала полетят все-таки на Энцелад. На Энцеладе самый чистый снег во всей Солнечной системе...

Типичная жертва фантастики, собирается лететь на Энцелад, но спички отсырели.

– А я думаю, на Луну, – сказал я.

– На Луну бесперспективно, – возразил мальчишка. – Там есть гелий, но с водой вопросы.

А вода – самое главное, если есть вода, все можно сделать...

Аглая швырнула с соседнего холма корягу и раздраженно свистнула.

– Ну ладно, пойду тогда...

Пацан вздохнул.

– Ставлю на Луну, – сказал я.

Мальчишка съехал по песку. Я вспомнил:

– Эй, погоди!

Мальчишка остановился. Я нащупал в кармане зажигалку с орлом.

– Лови!

Я кинул зажигалку, мальчишка поймал, проверил, выщелкнул пламя.

– Работает. Спасибо! Я отдам.

– Не надо, – махнул рукой я. – Оставь себе.

Мальчишка поспешил к Аглае, так же легко взбежал на песок, и они опять стали складывать костер.

Я тоже спустился с холма и направился к дороге. Надо заглянуть к археологам, посмотреть, как там и что. На обратном пути пройду мимо котлована, пофотографирую, посмотрю, как там что.

Жаль, что раньше этих барханов не было, отличный пляж бы получился, раньше гораздо больше думали про стога, а не про пляжи.

Проселок был укреплен крупным щебнем, идти было неудобно. Поравнявшись с котлованом, я не удержался и сделал несколько снимков.

Экскаваторы и бульдозеры работали бойко, Аглая и ее космонавт все же разожгли костер и всюю наполняли дымом китайский монгольфьер, рыбака не было видно, со стороны Нельши приближался пустой грузовик, а со стороны города не жалея подвески спешил черный джип.

Я убрался вправо, поближе к обочине. Грузовик свернул к карьере, джип пронесся мимо, и я понадеялся, что не ко мне, но внедорожник, увы, затормозил, ткнувшись в обочину. Показываться никто не торопился, и тогда я направился к машине сам.

Я подошел, пассажирская дверца открылась: окатило холодом, запахом одеколона и табака, из джипа вывалился мэр. Он согнулся, упершись руками в колени, и тяжело задышал, словно джип у него был с велоприводом и Механошин перенапрягся, догоняя меня.

– Приветствую, Виктор! – мэр помахал рукой. – Я сейчас... извините...

Мэр достал ингалятор, несколько раз пшикнул, постучал кулаком в грудь.

– Да пожалуйста...

Мэр с сипением вздохнул, захлопнул дверцу и скомандовал:

– Езжай пока, я прогуляюсь.

Джип сдал назад, освобождая проезд. Я пошагал дальше. Мэр похрипывал рядом.

– Я сам все собираюсь... заняться ходьбой... или на велосипеде... это полезно для коленей. Жаль, асфальта у нас мало. Зато экология, реликтовые рощи... А вы так гуляете, для здоровья или куда?

– К археологам, – ответил я. – Они на краю поля, у леса... – Я махнул рукой.

– Отлично! – обрадовался мэр. – Я сам к ним давно собирался... Если вы не против?

Я был не против. Мы шагали по дороге, джип катился метрах в ста, держа расстояние. Мэр ослабил галстук и расстегнул ворот рубашки.

– Жара в этом году небывалая, все подстанции трещат, каждый день по два срабатывания... А у вас в гостинице как?

– Да ничего, нормально.

– Ага. Я раньше в электросетях работал, инженером, – рассказывал Механошин. – Сейчас все наладилось, а десять лет назад зашивались, трансформаторы старые, кипят, обрывы постоянно. Сейчас все гораздо лучше.

Я не спорил.

– У нас отток населения, – жаловался мэр. – В начале девяностых до пятнадцати тысяч жило, а сейчас едва двенадцать. Многие уехали насовсем, многие, сами понимаете, того... пенсионеров много... Безработица, куда без нее, на бирже почти две тысячи состоит – и это хорошо!

Механошин с энтузиазмом подержался за мой локоть.

– Я думаю, люди с удовольствием будут работать на бумажном комбинате. Знаете, у нас в городе много молодежи, есть колледж, в нем можно открыть бумажное отделение. Мы думаем создать комитет по благоустройству...

– Мы с ним говорили о рыбалке, – перебил я.

– О рыбалке? – Механошин остановился и почему-то покраснел.

Я доверительным тоном сообщил:

– Понимаете, адмирал Чичагин был... так сказать... большой аматер...

– Да?

Мэр растерянно улыбнулся, оглянулся на свой джип.

– Да, – сказал я. – Все так и обстоит. Именно поэтому Алексей Степанович высказал несколько простых пожеланий...

Механошин достал блокнот.

– Видите ли, – я остановился. – Видите ли, Алексей Степанович рассчитывает на взаимовыгодное сотрудничество.

– Да, мы все понимаем...

Мэр нарисовал в блокноте пятиконечную звезду и восклицательный знак.

– Вы должны сознавать, что кадры в наши дни решают все, – продолжал я. – Алексей Степанович как никогда нуждается в своих людях на местах, в сильной команде. Всего несколько человек, но надежных, на которых можно положиться. Нас не интересует количество материала, нас интересует качество материала.

– Мы готовы, – заверил Механошин. – Мы готовы работать с качеством!

И нарисовал в блокноте несколько скрипичных ключей, что меня слегка озадачило.

– Весьма отрадно, – сказал я. – Качество и самоотверженность – это то, что требуется от нас всех. Особенно завтра.

– Да... Завтра важный день... небольшая репетиция...

– Алексей Степанович возлагает на вас большие надежды.

Механошин... вроде слегка поклонился.

– Мы все организовали. Приходите со своим другом. Будет банкет.

Банкет. Мы шагали по обочине дороги. Теперь уже со стороны карьера потянулись самосвалы, и каждый окатывал нас песком. Механошин терпеливо шагал рядом, отряхивал плечи и рукава от пыли, пшикал ингалятором. Разговаривать не особо получалось, да и не хотелось, пусть Механошин разговаривает, это ему что-то нужно. Однако самосвалы ехали и ехали, джип мэра отстал, самому мэру было нелегко – пыль над дорогой мешала дышать, Механошин кашлял и снова стучал себя кулаком в грудь.

Самосвалы проехали, Механошин отдышался и догнал.

– Как продвигается книга? – поинтересовался он.

Его костюм пропылился и изменил цвет в слегка кофейную гамму, обувь перепачкалась: похоже, Механошин действительно был готов на жертвы.

– По плану. Видите ли, Чагинск – непростой город, здесь трудный, плотный материал, богатая история. Забавно, обычно администрации нет дела до культуры, до истории, но здесь я вижу полное содействие.

– Да, полное содействие! – подтвердил Механошин. – Любую помощь!

– Похвально, – сказал я. – Алексей Степанович... скажем так, весьма скрупулезно относится именно к деталям, к памяти. Нам не хватает исторической памяти – так он и сказал.

Механошин энергично покивал.

– Он много спрашивал про город, спрашивал про книгу. Мне показалось, Алексей Степанович серьезно относится к этому вопросу.

– Мы давно хотели написать книгу, – сказал Механошин. – То есть не написать, а заказать кому-нибудь. Знаете, Виктор, у нас есть свои кадры, например Бородулин... но мы сразу поняли, что это не то, что нам надо... Мы были весьма рады, когда Станислав порекомендовал вас. У вас отличный список работ...

– Вы бывали в археологической экспедиции? – перебил я.

– В археологической? Я несколько... Знаете, у нас есть некоторые идеи по поводу книги...

– Да, я слушаю.

– Мы изучили образцы... другие книги исторического жанра и вот что обнаружили...

Мы с мэром сошли с дороги и шагали по тропинке к лагерю археологов, тропинка через клевер.

– Обычно в этих книгах... обычно на первых страницах... там помещаются благодарности людям... лицам... которые внесли вклад...

– Хазин уже сделал вашу фотографию, – заверил я. – В высоком разрешении. Не переживайте, Хазин мастер. И если у вас есть какой-нибудь депутат...

– Нет, у нас нет депутата, – покачал головой Механошин. – То есть он у нас есть, но мы сейчас не об этом. Нам бы хотелось, чтобы на первых страницах размещалась фотография Алексея Степановича. И наши благодарности, само собой...

Я хмыкнул.

– То есть мы не собираемся размещать такую фотографию без согласия Алексея Степановича, поверьте! Как вы думаете, как он отнесется к нашей инициативе?

– Трудно сказать. Понимаете, Алексей Степанович ценит прежде всего искреннее отношение...

– Мы искренни!

Механошин даже слегка забежал вперед.

– Да, несомненно, – сказал я. – Но от вас понадобится...

Я сделал многозначительную паузу.

– Искренность иного рода, – таинственно сообщил я.

Механошин достал платок и вытер потный лоб. Мы приближались к опушке.

– Я не до конца понимаю, если честно... что вы имеете в виду?

– Понимаете, Алексей Степанович любит, чтобы все было... безупречно.

Я достал из кармана клопа, показал на ладони Механошину.

Механошин сокрушенно вздохнул.

– Я с них... – сказал он. – Я с них шкуру спущу...

– Теперь вы понимаете, о чем я говорю?

– Да... Кажется...

Я спрятал клопа в карман.

– Так вы участвовали в экспедициях?

Лагерь археологов состоял из одной синей современной палатки, одной брезентовой палатки, множества разбросанных лопат, ведер, грязных сапог, щеток, дров. На костре подгорала рисовая каша с килькой в томате. Я свистнул, и из кустов показался археолог, сильно напоминавший исполнителя Курта Кобейна: тощий, в драных джинсах, в задрипанном свитере и с патлами.

– Ну? – спросил Курт и закурил.

– Виктор, – представился я. – Историк. Пишу книгу про адмирала Чичагина и город Чагинск. А это мэр Механошин Александр Федорович.

– Очень приятно, – согласился Курт. – Гена, археолог.

Александр Федорович пожал руку Гене, я тоже.

– У нас богатая история, – сказал Механошин.

Гена с треском затянулся. В богатую историю Чагинска он, похоже, не верил. На деревянном ящичке, исполняющем роль стола, лежал выбеленный солнцем череп.

– Занятно, – сказал я.

– Да... – согласился Механошин. – Отличный череп...

– Коровий, – пояснил археолог. – Там, наверное, скотомогильник был. На поле.

Механошин пожал плечами. Я на всякий случай сфотографировал череп.

– А еще что интересное встречалось?

Археолог зевнул, подвинул мне ведро, до половины заполненное пробками от бутылок, ржавыми гайками и гвоздями.

– А вы достаточно глубоко копали? – поинтересовался Механошин.

– А чего там копать-то? Пусть экскаватор копает, он железный...

Гена сплюнул.

– Да нет там ничего, – заверил он. – Культурного слоя нет, ничего нет, можно не волноваться... Ну, покопаем еще на всякий случай.

– Знаете, у нас много и других исторических мест, – сообщил Механошин. – Есть Данинское поле, есть Салтановская слободка, Ингирь опять же...

Археолог уныло помотал головой.

– Не, – сказал он. – Мы только здесь проверяем, на поле. Наше дело – экспертиза, чтобы тут какого, прости Господи, палеолита не обнаружилось...

Механошин поперхнулся при упоминании палеолита, видимо, он имел о нем свое представление.

– Понимаете, Геннадий, – проникновенно сказал Механошин. – Мы заинтересованы в развитии...

Я отошел подальше и сфотографировал. Мэр беседует с руководителем раскопок. В кадр попал коровий череп, но я не стал переснимать, и так хорошо. Вообще, это хазинская фишка – он любит в городских фотографиях оставлять мелкие фиги: вот вроде красивое синее здание областной промышленной палаты, но если взглядеться, то на заднем плане обнаружишь, как бомжи несут вдаль облезлый холодильник.

– Наше дело прозвонить поле, – не сдавался Курт. – Мы его прозвонили. Можете строить хоть пирамиду, заключение подпишем. Непонятно, что вас смущает...

Мне казалось, что Механошин сам плохо представлял, что его смущает. Но раз мы так долго и трудно шли через поле, надо было найти, зачем мы сюда шли.

Гена стрельнул окурком в поле.

Механошин вдруг рассказал, что нашел в детстве странный камень, им чрезвычайно удобно было колоть орехи, а потом выяснилось, что это каменный топор. Это было как раз на Данинском поле...

Он замолчал, вытер лоб платком.

Гена пожал плечами.

– Каши хотите? – спросил он.

– Да, – неожиданно согласился мэр.

Я тоже не стал отказываться, с утра не ел и не пил, так что рисовая каша с томатной килькой в компании мэра Механошина и археолога Кобейна была не самой безнадежной идеей. Мы втроем уселись на бревно, Гена разложил по мискам кашу, стали есть. Оказалось вкусно.

Механошин сказал, что примерно такое он ел в армии. Сказал, как ему там было хорошо, а сейчас не жизнь, а дерьмо морона. Так и сказал. Гена принялся хохотать, а потом спросил, не может ли мэр подвезти его до магазина, нужны веники, кто-то порушил весь экспедиционный запас. Механошин согласился, предложил подкинуть и меня, я отказался. Поснимал вокруг, получилось неплохо: мэр города и археолог Геннадий обсуждают вопросы археологии.

Они доели кашу, мэр помахал рукой, и к лагерю через минуту подкатил джип. Гена закрыл котел с кашей на походный замок, Механошин заверил меня, что мы можем быть спокойны, все будет лучшим образом.

Пора возвращаться. Я пошагал в сторону города, стараясь успеть до грузовиков.

Аглая и ее друг все еще возились с шаром, но, похоже, приближались к финишу – шар надулся, и Аглая удерживала его с трудом. Мужик в реке все так же ловил ельцов. На отмели появились старухи, они запускали в воду простыни и громко ругались на рыбака выше по течению. Освободившийся земснаряд снова углублял русло, для бумажного комбината потребуется много воды. По мосту ехал мужик на мотоблоке, в кузове колыхалась копна свежей травы, пора было возвращаться в город.

Когда я шагал по мосту, Аглая и ее друг свой шар все-таки запустили. Он на некоторое время завис над рекой, словно осматриваясь, потом спохватился и полетел к северу. Аглая и папан махали ему руками вслед.

На обратном пути заглянул на рынок. В автомагазине купил прокладку для карбюратора. В овощном купил полкило черешни. В рыбном двух вяленых подлещиков. Думал купить еще что-нибудь, приглянулся стул ручной работы, почти решился.

Чагинск – маленький город. Когда я приезжал к бабушке, здесь проживало пятнадцать тысяч человек, но на улицах я встречал приблизительно одних и тех же. Сухорукого Калича, электрика Колмогорова, подрабатывающего печником, Колю Турова на красном «Восходе», Александрова из леспромхоза, Снаткину.

Снаткина жила на углу Сорок лет Октября и Кирова в большом доме, крашенном светло-коричневым. Федька рассказывал, что Снаткина служила снайпером и потеряла глаз во время стрелковой дуэли в Кампучии, – врал, у Снаткиной оба глаза были на месте. Федька уверял, что один стеклянный, он сам видел, как однажды глаз выпал. А про Кампучию тогда по телику показывали. Кристина же рассказывала, что зрение Снаткиной испортил муж, когда узнал, что она хочет уехать учиться, ударил по голове замороженной шукой, повредил глаз и разорвал барабанную перепонку. Глаз потом вылечили, а слух нет. А когда Снаткина выписалась из больницы, выяснилось, что ее документы муж сжег, а сам сбежал неизвестно куда. С тех пор Снаткина жила кое-как, трудилась вахтершей на хлебозаводе, приемщицей во вторсырье и сортировщицей в прачечной. Да, я почти решился на стул, но тут на рынке вдруг появилась Снаткина. Как всегда, с велосипедом и в зеленом плаще.

Снаткина немедленно заметила меня и поманила пальцем, я подошел.

– Ты зачем приехал? – спросила Снаткина. – На кладбище к бабке, что ли?

Бабушка ненавидела кладбища, ненавидела могилы, Родительскую субботу, пластиковые цветы и кладбищенские пикники.

– Приходила она ко мне, – сообщила Снаткина.

Я не особо удивился.

– Стояла... Знает, что ты здесь. Сказала, чтоб уезжал.

Бабушка не хотела, чтобы я возвращался в Чагинск. Я так и сделал.

– У меня кое-что для тебя есть, – сказала Снаткина. – От бабки твоей передача.

– Что?

– Пойдем, покажу.

Снаткина поправила зеленые глаукомные очки и покрепче ухватилась за руль велосипеда. Новый, кстати.

Никогда не видел, чтобы Снаткина ездила на велосипеде, если это и случалось, то наверняка очень давно. С велосипедами Снаткина всегда ходила. При этом меняла их регулярно, впрочем, всегда предпочитая классические модели, обязательно с мужской рамой и прочным багажником.

Мы шагали в сторону Сорока лет Октября, я боялся, что Снаткина станет расспрашивать про мою жизнь, про то, чем я занимаюсь, женился или нет, но Снаткина молчала – кажется, я ее не особо интересовал.

Минут десять мы сосредоточенно шагали по улице Любимова, не по тротуару, а по краю проезжей части, друг за другом, думаю, выглядели идиотски, затем Снаткина остановилась возле колонки, долго сливала воду, попила из горсти и сказала, что вода определенно испортилась.

– Это из-за копателей, – сказала она. – Я им говорила не копать, до горечи докопаются. Но они не послушались. На огурцах весь цвет сгорел, а как станцию построят, так и все сгорит.

– Они строят бумажный завод, – поправил я. – Самый крупный в европейской части России.

Снаткина брякнула в звонок.

– Это Механошник придумал, я знаю, – сказала она. – Помню его, сволочь, в сплавной работал после армии. Потом в техникум его мать устроила, хотя и дурак, потом в райпо. Тогда и подженился. Галина...

Галина была из Белоруссии, приехала сюда на швейную фабрику работать, через год ее бригадиром поставили, толстая баба. Познакомились они с Механошиным на танцах в Каменке, он ее сразу позвал, так и съехались. В райпо «Москвич» зеленый взяли и дом напротив Соловьевых. А мать у него коммунальщица, еще в старом коммунизме на Спортивной работала, партийная. И Галину в хорошее место устроила, так всю дорогу и воровали...

Я подумал, не сестра ли Снаткина Люсе из «Чаги».

...И брат у него не лучше, алкоголик. На асфальтовом заводе работал, так там воровать нечего было, он стал асфальт воровать, нагрузит в люльку – и везет вечером, весь двор себе заасфальтировал. На пять лет посадили. А когда вышел, так сразу на «Яву» сел и расшибся. Но не до смерти, месяц в больнице лежал, потом хромым сделался, хромой-хромой, а по лесу как лось, если рано не выйти, все обнесет. А этот, который мэр сейчас, брат его, в область тогда учиться поехал, другую тетку там и встретил, на курсах и в области решил остаться. Галина как узнала, так поехала разбираться. Да так и не вернулась. А сам Механошин с новой женой вернулся и стал жить, а про Галину ту никто и не вспомнил, сказали, что она вроде уехала на Украину...

Мы шагали по улице, Снаткина упрямо рассказывала про Механошиных. Механошины не были коренными чагинцами, их из своей местности выгнали, вот они тут и прижились, такое уж место Чагинск – сюда черт-те что заносит, всякую дрянь. Когда Снаткина заглядывала к бабушке за газетой или дрожжами, я сбегал в огород или на чердак забирался. В детстве рассказы Снаткиной казались невыносимыми, многие их персонажи болели раком, лежали в дурдоме, угорали в банях и ездили в Уржум. Сейчас я относился к рассказам гораздо спокойнее, локфикшн вырабатывает в своих мастерах толерантность к провинциальным воплям.

– ...Он маслозавод купил, масло делать хотел, у нас масло жирное, на клеверах. Только коров-то не осталось! Молока нет, хоть сам доись. Повозился туда-сюда, да так и плюнул, все на металлолом порезал и продал. Сейчас там все заросло...

Однажды с Федькой мы пролезли на маслозавод, не за маслом, за опарышами. Там было место, куда сливали протухший обрат, ну и все пацаны там опарышей копали. Там жирные водились, потом в опилки на день их посадить – и на рыбалку. Мы с Федькой набрали литровую банку, но тут появились пацаны из деревяшки, и нам пришлось спрятаться за мусорными баками. Просидели там два часа, потом меня до вечера тошнило. А на рыбалке наловили сорог.

– Эй.

Снаткина резко остановилась напротив собеса.

– Не слушаешь, что ли? – недовольно спросила она.

– Слушаю.

Снаткина не любила, когда не слушают.

– Дружок твой, Федька, мусором стал, – сообщила Снаткина. – В мусарне служит.

– Я знаю.

– Сразу по нему видно было, подментованный с детства.

Мы пошагали дальше. Я думал, что сейчас она начнет рассказывать про Федьку, но Снаткина вернулась к Механошиным.

– А потом сказали – выбирайте мэра. Дураков у нас много, но все равно никто не позарился, один Сашка Механошин. Ну и еще один дурак для вида. А как выбрали его, так он и запустился...

Одним словом, вел себя Механошин абсолютно бессовестно, хапал все, что плохо и не плохо лежало, и быстро построил себе два особняка на Кирпичном.

– Зачем приехал? – спросила Снаткина.

– Что?

– Зачем приехал сюда?

– По работе, – ответил я.

– Тут много работают, – сказала Снаткина. – Много людей. Бабке твоей не нравилось здесь.

Пришли.

Дом Снаткиной почти не изменился, разве что выгорел на солнце и от этого казался старше.

– Знаешь, почему она осталась? – сощурилась Снаткина.

Я промолчал.

– Лизавета Волошкина в Нельше жила, у самой линии. У нее отец без вести пропал в Венгрии, думали убит, а он через двадцать лет из Канады письмо прислал, живой оказался.

Снаткина улыбнулась.

– Постой, сейчас принесу.

Снаткина направилась к дому, долго возилась с калиткой, долго прятала велосипед в сарай, роняя там тазы, банки и другие велосипеды.

Бабушка редко рассказывала про деда, только про последнее письмо. Рассказывала про завод, дед работал на кирпичном. Про то, что поссорился с родителями – им бабушка не нравилась. Про то, как уходил, – там, у Восьмого завода до сих пор есть камень, на котором он сидел.

Снаткина не появлялась. В доме было тихо. Я представил, как Снаткина уединилась в чулане, открыла сундук и перебирает в нем свою картотеку. Письма, квитанции за свет, фотографии, газетные вырезки, карточки с именами и болезнями.

Я вдруг подумал: а что, если... случалось же такое, попал в плен, сбежал из лагеря во Франции, перебрался в Бразилию. Прошло сорок лет, времена поменялись, и написал, письмо

дошло, но промазало и попало к Снаткиной. А Снаткина, потому что она Снаткина, письмо прижала. И теперь, через много лет после бабушки, хочет его отдать. Посмеяться. Или, напротив, совесть замучила, такое случается.

С улицы Рабочей вырулил Хазин, заметил, поморгал фарами и направился ко мне. «Шестерка» гудела по-другому, как трактор, и дымила тракторно.

– Так и знал, что ты тут, – сказал Хазин. – Домой ходил, что ли?

– Не ходил... Снаткину встретил.

– Велосипедистку? – Хазин с опаской огляделся. – Убийца которая?

– Ну да...

– Садись! Садись, а то она и нас щукой ухайдошит!

Хазин рассмеялся, открыл дверцу.

– В «Чагу» свежее завезли, – жизнерадостно сообщил он. – Утренним койотом из Кологрива! Торопись, нам скоро в библиотеку.

– Что?

Утренним аксолотлем из Вупперталя.

– Паша Воркутэн категорически приезжает! – сообщил Хазин и потряс «Чагинским вестником». – Подарок жителям города от городской администрации и корпорации НЭКСТРАН! Завтра концерт!

– Я так и знал, – сказал я.

Механошин дал культуру.

– Давно хотел спросить, уважаешь ли ты Пашу Воркутэна? – поинтересовался Хазин.

– Я уважаю Пашу Воркутэна, – ответил я. – Он певец и... подвижник.

– Никогда в этом не сомневался.

Хазин замолчал, выпучил глаза, стал косить ими в сторону.

– Идет! Идет! Вить, запрыгивай!

Я обернулся. Приближалась Снаткина. Короткие расстояния Снаткина преодолевала и без подпорки, но при этом казалось, что она опирается на невидимый велосипед – Снаткину сильно косило в правую сторону. Невидимый велосипед, незримый скейт, Чагинск приготовил нам много сюрпризов.

Снаткина приближалась, а я ощутил некоторое волнение, особенно когда заметил, что она сжимает в руке клочок бумаги.

– Жила-была Спирохета и брат ее Гранулёз... – негромко сказал Хазин.

Снаткина подошла, заглянула в машину. Я думал, она скажет Хазину что-нибудь язвительное, но она просто смотрела и смотрела. Так что Хазин засмутился и сделал вид, что читает газету.

Через минуту Снаткина обратилась и в мою сторону.

– Я твоей бабке сорок рублей должна осталась, – сказала Снаткина. – Отдам.

Снаткина сунула мне в руку бумажку и направилась к дому. Хазин сфотографировал ее в спину.

Так вот.

– Вить, ты, гляжу, приподнялся, – не удержался Хазин. – Сорок рублей, можно валить домой.

Я развернул скомканный тетрадный лист.

– Золотом, что ли? – насторожился Хазин.

Внутри были четыре красных банкноты. Сорок рублей. Раньше на это можно было велосипед купить, подержанный, но зримый. И я туда же...

– Бумагой, – ответил я и сел в машину.

– Этим мужеубийцам нельзя доверять, – вздохнул Хазин. – Кстати, об убийцах. Эта мерзкая Аглая с утра обстреляла меня из плевалки, в ухо попала. Я прожигал жиклер, а она бежала в библиотеку.

– И что?

– Она сказала, что у нее есть про адмирала Чичагина интересное.

– Хорошо. Поедем.

Мы поехали в библиотеку. В голове переливалась странная мысль про Снаткину, то есть про ее многочисленные велосипеды – куда она старые приспособливает? Понятно, что сначала в сарай, а потом? Вряд ли продает, копит, скорее всего. Я представил удивление тех, кто купит когда-нибудь снаткинский дом. Забавно...

Хазин управлял машиной и зачитывал новости из «Чагинского вестника».

– ...Близ урочища Овсоедова имел место очередной инцидент со снежным человеком... безобразия... цены в заготпункте сезонно повысили, в четверг случились приключения пенсионерки Сосновской, это интересно... Так, значит... некая пенсионерка Сосновская опять попала в беду. Она пошла за водой, поскользнулась на льду и упала в колодец, нет, неинтересно... Криминальные новости, и те не радуют...

– Сейчас же лето, – я вручил Хазину подлещика.

– Вот и я о чем. – Хазин стал грызть. – С этими пенсионерками конкретная засада...

Мне подлещика не хотелось. Взял «Чагинский вестник». Криминальные новости действительно не радовали. В ходе совместного распития спиртных напитков получил раны, несовместимые с жизнью, шестидесятитрехлетний уроженец села Крынки. Его сожительница, гражданка Б., из ревности нанесла ему восемнадцать ударов ножом.

– Расемон на марше. – Хазин грыз бок подлещика и рулил. – Но в целом весьма антично. Классический сюжет, Паша Воркутэн, думаю, воспоеет.

– Возможно. Механошин обещает завтра банкет.

– Банкет – это лучшее в нашей профессии. Особенно если придет врио... Можно будет расслабиться, надоело, пашем как землепашцы...

Хазин стал читать дальше.

– ...Коллектив КСЦ «Дружба» выражает благодарность администрации за предоставленные грузовики... вот, кстати: подготовка ко Дню города идет полным ходом, творческие коллективы рапортуют... а, вот подробнее: в районе Овсоедова действительно произошла стычка со снежным человеком. Сысоев, агроном колхоза «Заречный», косил траву на Дальних Пожнях, где и подвергся нападению. Как сообщил Сысоев, снежный человек выскочил из прибрежных кустов и совершил несколько непристойных движений в сторону...

– Что? – не понял я.

– «Совершил несколько непристойных движений». Это квинтэссенция... Кстати, в газете мы до сих пор не были.

– Зачем нам в газету?

– Ну мало ли. Похоже, там работают люди с юмором.

Хазин взгляделся в подвал:

– Похоже. Главный редактор... некто Кондырин.

– Кстати, это неплохо. Агроном Сысоев, сасквоч, несколько неприличных движений...

Эта картина стоит у меня перед глазами.

Приехали в библиотеку, Хазин остановился возле входа.

– Сысоеву повезло, – задумчиво произнес Хазин. – Легко отделался, в сущности.

Спорить я не стал.

В библиотеке было душно и по-июньски пустынно, из-за двери директорского кабинета слышалась печальная музыка. Мы поднялись на второй этаж в свой отдел.

– Смотри. – Хазин сфотографировал.

На столе лежала тонкая и жухлая книжка явно девятнадцатого века издания – «Достойные люди губернии», на всякий случай придавленная гирей от весов. Я подошел, убрал гирию на подоконник, стал листать. Хазин разбирался с застрявшим в зубах подлещиком.

В отдел заглянула Аглая.

– Это я нашла, – сказала она. – В хранилище спускалась, искала два часа.

– Спасибо, – поблагодарил я. – Твоя помощь бесценна.

– С вас причитается, – сообщила Аглая.

Аглая села на пачку журналов.

– Я куплю тебе фиников, – сказал Хазин. – Они помогают.

– Я вчера конским щавелем излечилась, – ответила Аглая. – Говорю же, должок за вами.

В отдел заглянул кот Аглаи, увидел хозяйку и тут же подбежал к ней и запрыгнул на колени.

– Он умеет говорить, – объявила Аглая.

– А по цепи он кругами не ходит? – зевнул Хазин. – Дуб тебе не подать?

– Он на самом деле говорящий, – заверила Аглая.

– Пусть чего-нибудь скажет, – предложил я.

– Пусть скажет «вертолет», – предложил Хазин. – Или нет, лучше...

Он взял книгу про достойных людей области, открыл оглавление.

– Лучше «магнетизер». Пусть твой кот скажет «магнетизер Шульце»!

Хазин тут же насторожил камеру.

– Просто так вы сами скажите про своего магнетизера, – Аглая показала фигу. – А он на спор скажет.

– Я куплю тебе не только фиников, – снова сказал Хазин. – Но еще чебурек.

– Ведро мороженого, – заявила Аглая. – Спорим на ведро мороженого!

– Хорошо, – согласился я. – На ведро.

– Витя, она же лопнет! – Хазин потрогал ухо. – Да пусть лопается...

– Скипи, пожалуйста, – Аглая ткнула кота в бок.

Кот открыл пасть и писклявым голоском произнес: «Мегнетизер».

Я как-то неуютно себя почувствовал. Аглая рассмеялась. Хазин громко икнул. Кот неожиданно взбесился и заметался по отделу, опрокидывая книги, и в конце концов не выдержал и выскочил в окно.

– Вы проспорили! – закричала Аглая. – Пропорили! С вас ведро!

Аглая выбежала из отдела «Справочной литературы».

– Возможно, послышалось, – предположил Хазин.

– Возможно...

– Или она чревовещатель, – продолжал Хазин. – Этому несложно выучиться. Обман же...

– Да ладно, Хазин, плюнь. Тебе что, мороженого жалко? Ее бабушка – директор библиотеки.

– В этой библиотеке ничего нет, это бестолковая библиотека.

– А ваша книга тут, между прочим, есть. – Аглая вернулась с синим пятилитровым ведром.

Хазин гадко ухмыльнулся.

– С вас ведро, – сказала Аглая и торжествующе вручила его Хазину.

– И где тут ведрами продают? – спросил Хазин.

– В «Растебяке» мороженный автомат поставили. Я люблю, между прочим, шоколадное.

– Где автомат? – не расслышал я.

– Рядом с Казначейством, на Любимова. Кафе «Растебяка».

Аглая показала в сторону Любимова. Хазин и я посмотрели в окно.

Из библиотеки виднелся угол Кудряшова с Шаховской, диким желтым разливалась вдоль забора акация, и чертополох алым под ней, и серая собака с пыльным носом, лежащая на пыльной крышке. Ирга плотным рядом, и за ней крыша домика с вилами антенны. Тетка с бидоном за водой остановилась и стала выговаривать собаке, та засмушалась и спрятала голову под лапы. Мужик в леспромхозовской робе с рулоном рубероида на плече... я подумал, что этого мужика видел уже много раз, еще в детстве видел, мужик с рубероидом и собака, должны еще пройти к реке мальчишки с удочками, и тетка должна забыть про собаку и переключиться на мальчишек, а потом плюнуть вслед мужику.

Часть настоящего Чагинска, города, который я когда-то любил.

– А не треснешь от ведра-то, деточка? – спросил Хазин.

– Я в библиотеке до вечера буду, – ответила Аглая. – Так что лучше вам сегодня принести, а то обижусь. Так что валяйте-валяйте, дяденьки...

Аглая показала язык и удалилась.

– Какие грубые и невоспитанные дети, – сказал Хазин. – Я надеялся, хоть в провинции сохранилась духовность, но теперь вижу, что ошибался. Зловонное дыхание миллениума теперь и здесь. Остается один путь – в «Растебяку».

Я поглядел в окно. Женщина с бидоном исчезла, мальчишки с удочками не прошли, собака лениво поднялась, потянулась, помотала для собственного утверждения хвостом, гавкнула и скрылась в иргу.

– В «Растебяку», друг мой, в «Растебяку», – повторил Хазин. – На улице Любимова напротив Казначейства. Пойдем, Витя, пробил урочный час.

Я был готов в «Растебяку». Мы спустились на первый этаж. У лестницы нас подстерегала заведующая Нина Сергеевна с виноватой улыбкой.

– Извините, Глаша опять учудила, – заведующая покачала головой. – Я ей столько раз говорила: веди себя по-человечески, веди себя нормально, а она все дурит...

Нина Сергеевна постаралась вырвать из моих рук синее ведро, но я ухватил его покрепче. Несколько секунд Нина Сергеевна все же старалась добыть ведро, но я успешно сопротивлялся. Отступила заведующая после того, как Хазин сфотографировал эту сцену.

– Отец сапоги ей купил, так она в них дырки проделала и какие-то цепи вставила! – с болью поведала Нина Сергеевна. – Вот как с ней?!

– Это все от сомнительных книг, – сказал Хазин. – Смотрите за ребенком, а то он еще сам начнет сочинять, а там и до безнравственности недалеко.

– Так давно сочиняет, – вздохнула Нина Сергеевна и посмотрела на ведро. – В тетрадку записывает, а нам не показывает. И все по ночам... А вы ей не покупайте мороженое, глупости все это на самом-то деле...

– У нас в институте была девочка... тоже стихи сочиняла, – сказал Хазин. – В основном лирику, ну и гражданственное немного. Про свободу, про неравенство...

– Про экологию, – добавил я.

Нина Сергеевна солидарно покивала, видимо, и Аглая экологии не чуралась.

– Мы с этой девочкой вместе учились, – пояснил Хазин. – Ее звали Анжеликой. Крупная такая... Но талантливая.

– И что с ней стало? – спросила Нина Сергеевна.

– Ничего. Жива. Иногда пишет про свои похождения в журналах... То есть я хотел сказать, она много ездит по миру.

Нина Сергеевна сбилась, растерянно посмотрела на меня.

Я не знал, что сказать, нащупал в кармане утреннего клопа. Помолчали. Нина Сергеевна очнулась первой.

– А правда, что у нас не бумажный комбинат собираются строить, а атомную электростанцию? – спросила она.

Хазин многозначительно вздохнул, а я отрицательно покачал головой. Нина Сергеевна понимающе улыбнулась.

– Я читала в газете, что если в городе атомная электростанция, то на пенсию можно на пять лет раньше выходить. Как на Севере. И еще к зарплате коэффициенты...

– Совершенно верно, – подтвердил Хазин. – У меня брат живет возле атомной электростанции, у него все повышенное. И раз в три года бесплатный проезд.

– Очень хорошо! А то у нас с безработицей, сами понимаете...

– Не всех возьмут, – предупредил Хазин. – Электростанция не резиновая, а желающих, наоборот, полгорода. Кадровый вопрос будет обостряться по мере продвижения строительства...

Из кабинета выглянула Аглая, Нина Сергеевна погрозила ей кулаком.

– Котлован копают всюду, – сказал Хазин. – В «Сельхозтехнике» скоро временный офис откроют, первым делом отдел кадров. И вот когда будут набирать персонал, там спросят прямо...

Хазина понесло, я схватил его за руку, вытолкнул из библиотеки, дотащил до машины и вставил за руль. Сам быстренько обежал вокруг и уселся рядом.

– Ты что, Витенька, не видишь?! «Растебьяка» раскинула над нами свои мохнатые крылья. Я был расстрелян из плевалки и скончался к утру...

На крыльце показалась Нина Сергеевна.

– Я нашла для вас кое-что интересное! – громко сказала Нина Сергеевна. – Очень хороший материал!

Хазин газанул, мы покинули библиотеку.

До Казначейства от библиотеки меньше километра. Само здание находилось недалеко от пожарной части, мы с Хазиним сюда пока не заглядывали. Аглая не обманула – напротив Казначейства возвысился нарядный красно-желтый домик, над зеленой крышей развеселыми синими буквами улыбалась вывеска «РАСТЕБЬЯКА». В букву «Б» выглядывал щекастый Колобок.

– Я люблю этот город, – сказал Хазин. – Здесь интересно и познавательно.

Колобка он сфотографировал несколько раз.

– «Растебьяка», – прочитал я. – Что такое «растебьяка»?

– Экономический рост, – пояснил Хазин. – Приток инвестиций. Копают котлован. На почту прокладывают интернет. Открывают кафе, шашлычные, пивные и... растебьячные. Думаю, «растебьяка» – это производное от расстегая и кулебяки. Некоторое синтетическое блюдо, гибрид.

Хазин указал на витрину, где изображался раскрытый пирог, из которого торчала куриная ножка. Аппетитно.

– Однако если «растебьяка» – это гибрид расстегая и кулебяки, то что есть гибрид кулебяки и расстегая?

– Кулераст? – предположил я.

Хазин удержался, но с заметным трудом. Я на всякий случай достал блокнот и записал.

– Думаю, надо осмелиться и войти, – предложил я. – Адмирал Чичагин одобряет решительных.

– Растебьяка выглядит решительно, – Хазин кивнул на витрину. – Хотел бы знать, как выглядит кулераст.

– Все-таки войдем, – сказал я.

И толкнул стеклянную дверь.

Внутри было новенько и блестяще. Мы устроились за столиком у окна с видом на пожарную часть, подбежала расторопная официантка.

– Нам растебьяку, – попросил я. – Горячую и сытную, пожалуйста.

– И два темных, пожалуйста, – попросил Хазин.

– Мне светлое, – уточнил я.

Официантка принесла две кружки эля и один лагер, поставила их на причудливые, в виде толстой кляксы, бирдикли.

– Растебьяка чуть позже, сейчас приготовят.

На бирдиклях был изображен физкультурно ориентированный лысый мужик в майке, в левой руке мужик держал огромную кружку пива, в правой – внушительную гантель.

– Вероятно, кулераст, – заметил Хазин.

– Возможно. – Я попробовал пиво. – Должен признать, что Чагинск изменился. Раньше «Растебьяка» была здесь решительно невозможна.

Пиво хорошее.

– Винд оф чейнч, – философически заметил Хазин. – Через пару лет они созреют и до кулераста. Девушка!

В «Чаге» пиво лучше. Официантка вернулась. Я потер в кармане спинку серебряного клопа, на неизбежную удачу.

– Девушка, нам, пожалуйста, еще кулераста, – попросил Хазин. – Только с луком, пожалуйста.

– Как вы сказали? – растерянно спросила официантка.

– Кулераст. Это старинное русское блюдо. Тельное, расторопша, кулераст. Знаете, мама мыла кулераст...

– И мороженого, – я выставил пластиковое ведерко.

– Мороженого... и чего? Я не очень поняла... Кулерас и растебьяка?

– Отдельно, пожалуйста, – уточнил Хазин. – Каждый из них сам по себе.

– Этого... первого... точно нет, – сказала официантка. – Мороженое есть, пять литров – пятьсот рублей. Деньги мне, а я вам наберу.

Я передал деньги и ведерко официантке. Отхлебнул еще пива. Потер в кармане спинку серебряного клопа.

– Как ты думаешь, банкет завтра нормальный будет? – спросил Хазин. – Или так себе? Мне кажется, для Светлова организуют что-то грандиозное...

– Надеюсь.

– А я уверен. Слушай, мне здесь нравится. Приятное местечко! Чагинск полон сюрпризов! Ожидаешь сосиску в тесте, а тебя подкарауливает растебьяка... Знаешь, тут даже лучше, чем в «Бурлаках», помнишь «Бурлаки»? Пескари в томате ничуть не хуже барабули! Кстати, Аксаков ошибочно выводил этимологию слова «пескарь» к писку, издаваемому рыбкой при сдавливании, однако современные исследователи полагают, что «пескарь» восходит к латинскому *pesca*, означающему «рыба»...

Хазин пил, ел и рассуждал. Что в маленьких городках своя атмосфера и свое очарование, что прав тот, кто чтит умеренность и достаточность, что агронома Сысоева ему искренне жаль, что если в одном месте города есть растебьяка, то в другом должен обязательно присутствовать пусть хотя бы и тайный, но кулераст, иначе нарушается диалектическое единство, метафизическая ткань локуса истончается и в конце концов безнадежно рвется, и тогда неизвестно, какие чудовища вырываются из сумрачных бездн подсознания. Особенно в Чагинске.

Появилась официантка с растебьякой.

– Хорошо бы еще успеть на телевышку, – сказал Хазин. – Погода может испортиться. И вообще... Девушка, как вас зовут?

Растебьяка оказалась как пицца и расстегай одновременно, довольно вкусная штука. Девушка не представилась.

Глава 4

Запретные виноградари

Я включил ноутбук, дождался загрузки системы, вставил дискету Бородулина. Файл «Мой край», солидно, почти мегабайт величиной, посмотрим.

В сущности, локфик не так сложен, как может показаться на первый взгляд, это письмо доступно многим, однако и у него есть устоявшиеся традиции и определенные несложные правила. Прежде всего приветствуется личное отношение. Автор описывает завод «Химстекло» не отстраненно, взглядом постороннего и прохожего, но так, будто лично отдал этому производству пятнадцать полновесных лет жизни и уволился только по причине вынужденного переезда в местность с подходящим для здоровья климатом. Приветствуется академическая серьезность. Автор серьезен и старается оставаться серьезным в любых условиях, повествуя о производственных успехах артели «Вибратор», эвакуированной сюда в сорок втором из Тарусы, локфикер категорически не допускает двусмысленных шуток и рассказывает исключительно о переключателях фаз, использовавшихся в широком спектре бытовой и оборонной техники. Упомянув выдающихся людей и знаменитостей, автор отмечает непременно положительную роль локуса в их личностном становлении и судьбе и в обязательном порядке цитирует письма и мемуары, в которых эти герои с теплотой вспоминают каждую минуту, проведенную в воспеваемой местности. Если же в истории города или поселения имелись спорные моменты – эпидемии, погромы, коллаборационизм, автор не замалчивает их, но указывает на вынужденный и форс-мажорный характер прорухи и на то, что основные массы населения всегда выступали против. Ну, разумеется, контекст. Историю места в обязательном порядке требуется вплести в историю страны. Примерно так.

Я проснулся пораньше в надежде поработать – пора было уже и поработать. Установил на подоконник ноутбук, загрузил шаблон и некоторое время понуро вбивал в него весь нехитрый Чагинск, улицы, школы, переулки, три моста, Ингирь и Нельша, Номжа и Сендега, и Козья Речка, и завод «Музлесдревк», и Вильгельм Брант, основавший Брантовку, которая южнее, а после ссудивший деньги промышленнику Свенсону для организации пилорамного производства. Клуб «Дружба» Зинаиды Захаровны – центр притяжения молодежи, чистейшая вода Ингиря, так необходимая для бумажного завода, самый длинный носочный питон в Европе как символ расцвета культуры, танк «Пересвет» и его вклад в Победу, трудное городское прошлое, абсолютно прекрасное будущее. Я работал, заедая квас чипсами со вкусом сметаны и лука; Чагинск обретал кости.

Я видел юношескую библиотеку, кирпичное двухэтажное здание, некогда принадлежавшее скобяному купцу Кузьбожеву... я секунду помедлил и написал, что в тысяча девятьсот тридцать девятом ее посещал Гайдар, общался с читателями и расписался в книге гостей, возможно, кстати, он ее действительно посещал, он много чего тогда посетил, кто скажет, что нет?

Чагинск набирал мясо.

Здание музыкальной школы. Музыкальная школа известна тем, что ее выпускники завоевывали высокие места на конкурсе Чайковского, нескольким из них прочил широкое будущее сам Муслим Магомаев.

Чагинск наполнялся кровью.

Музей краеведения, бывший Дом провинциального быта. Его основал потомок адмирала Чичагина, фабрикант фарфоровой посуды Брылин. В дальнейшем на основе его мануфактуры было развернуто производство линз противогазов и оптики для прицелов «СВТ», что неслучайно – всем известно, что Чичагины испокон веку стояли на страже обороноспособности и прицелы в танке «Пересвет»...

В дверь номера постучали, я оторвался от компьютера и открыл.

На пороге стоял Хазин. Невыспавшийся, но ему шло, круги под глазами, без очков, не хватает заслуженного фонаря как завершения композиции.

– Мне кажется, Маргарита ко мне клеится, – сообщил Хазин.

Он вошел в номер, сел на стул возле окна и стал быстро есть чипсы из банки.

– Маргарита?

– Наша коридорная. Маргарита Николаевна Наплавкова.

– Ей же лет семьдесят.

– Шестьдесят три, – поправил Хазин. – Она бабушка и ветеран труда, но, видимо, бес в ребро.

– С чего ты решил?

Хазин сжевал последний чипс, вытряс из банки в ладонь крошки и собравшуюся на дне соль съел, запил квасом, после чего сказал:

– Она мне в койку подкинула клопа.

– Живого? – на всякий случай уточнил я.

– Дохлого. Точнее, железного. Еще точнее, серебряного.

Хазин показал клопа, я отметил, что он несколько сплюснулся.

– Вряд ли это Маргарита Николаевна.

– Она, – заверил Хазин. – Это символический акт. Она подкинула мне серебряного клопа, это явная ворожба. Тебе чего-нибудь такого не подкладывали?

– Я не в ее вкусе.

– Мне кажется, она не слишком разборчива, – вздохнул Хазин. – И я не хочу, чтобы она выкачала мою энергию.

Хазин сделал руками движение, будто надувал колесо ручным насосом.

– Знаешь, в таких городках мне всегда не по себе, если честно, – признался Хазин. – Все время чудится, что кто-то хочет тебя сожрать. А тебе так не кажется?

– Это называется реднек-синдром, – ответил я. – Городским всегда мнится, что местные не такие. Неправильные. Спят с сестрами, варят самогон, поклоняются Дембеле. И при любой возможности готовы вырезать у городского лоха почки и вырвать зуб. Обычно это не так, обычно...

– Да знаю, знаю... – Хазин тоскливо оглядел мой номер. – Но что-то... Какие-то предчувствия...

– Сегодня репетиция, – напомнил я. – До нее лучше воздержаться.

– А может, наоборот, – возразил Хазин. – Может, лучше не воздерживаться? Кофе есть?

Я указал на комод.

– Хоть кофе есть.

Хазин поставил на подоконник литровую банку, насыпал кофе, залил водой и кинул кипятивник.

– Железный клоп... или оловянный...

– Может, ты его с мышкой перепутал? – спросил я. – Знаешь, есть такие кошельковые мыши, на деньги?

– Это обычный клоп. Самый что ни на есть.

Кофе быстро вскипел, Хазин перелил его в кружку, стал пить, сплевывая на пол куски плохо перемолотых зерен. Я почувствовал, что рабочее настроение начало исчезать.

– У тебя интересный подоконник, – сказал Хазин. – Я раньше не замечал. Особенно в утреннем свете...

Он тут же достал из кармана жилетки цифровую мыльницу, без спроса убрал мой ноутбук на диван и завис над подоконником, прижавшись лопатками к откосу как всякий настоящий фотограф, Хазин легко принимал самые причудливые фигуры.

Не люблю, когда нависают. Пусть не надо мной нависают, а над подоконником, все равно – когда творится даже самая паршивая литература, в окружающем пространстве не должно присутствовать вертикалей. Пришел Хазин, нажаловался на клопа и Маргариту и стал создавать лишние вертикали, жрать мои чипсы, пить мой кофе, прощай, вдохновение. Инспирация исчезла, и я понял, что сегодня уже не смогу беспристрастно описать в своих хрониках успехи завода «Музлесдревк». Впрочем, я и так проработал без малого полтора часа, что было неплохо. Средний локфик создается в среднем за месяц, разумеется, при ежедневной работе порядка трех-четырёх часов, лучше в два подхода.

Хазин многозначительно сфотографировал щель в подоконнике.

– Маргарита Николаевна Наплавкова хочет выпить мои жизненные соки, – говорил Хазин, с разных углов примеряясь к пейзажу. – Знаешь, мне кажется, в этом сквозит некая тоска, я как Монтессума, продирающийся сквозь безнадежный и бесконечный день...

Когда Хазин с утра умничает, мне хочется подкинуть ему второго клопа, впрочем, может, он уже и пьян.

– ...Знаешь, я заметил – если в таком городе живешь больше двух недель, то обязательно приходит некая Маргарита с вялой мимозой в лапках...

Хазин фотографировал.

– ...Я должен думать об адмирале Чичагине, а меня отвлекают от работы, подбрасывают оловянного клопа... Ты слыхал про оловянную чуму? Это критическое разрушение оловянных деталей, причем, что самое поразительное, заразное. Если подкинуть человеку зараженного клопа, то все, в чем есть олово, начнет разрушаться! Если этот клоп инфицирован и я полечу в самолете...

Хазин замер и добавил:

– А ведь еще и мормышку!

– Мормышку?

– Ну да. Как ты думаешь, Виктор, что значит клоп и мормышка?

Я не знал. Мормышку я не подбрасывал. Неужели действительно Маргарита?

– Не знаю, – сказал я.

Клопа в шутку. Вернее, чтобы проверить... Будит ли воображение. Похоже, что будит.

– А по-моему, тут все прозрачно – она выпьет из меня кровь, как клоп, и возьмет за жабры, как мормышка.

Красиво.

Мормышку мог забыть рыбак, подумал я. Приехал сюда стучать ельцов, потерял или оставил на возвращение, в честь выдающегося клева.

– А ты у себя под матрасом ничего не находил?

– Нет пока, – ответил я.

– Проверь. Знаешь, эти провинциальные культисты могут... – Хазин замер. – Чего только они не могут.

Хазин поскучнел и закончил фотографировать.

– Посмотрю, что получилось?

И, не дожидаясь разрешения, подключил фотоаппарат к моему ноутбуку, загрузил снимки и вывел на экран.

– Классная у тебя машина, – Хазин постучал пальцем по компьютеру. – Как раз для графики, не то что у меня был... Слушай, зачем тебе такой, продай мне, а?

– Посмотрим.

Хазин, определенно, видок, получилось макро-макро, подоконник состоял из двух досок, между которыми протягивалась широкая и глубокая щель. В щели скорбно хранились мертвые комары, мертвые мелкие жуки, прочие засохшие насекомые, я отметил, что щель похожа на

технологический желоб по экватору Звезды Смерти, а некоторые дохлые звери напоминают поверженные имперские файтеры.

– Неплохо, – заметил я.

– Это меня больше всего и настораживает, – сказал Хазин. – Некая, что ли, предначертанность. В любой вшивой гостинице любого вшивого городка можно легко найти вмурованного в стену Прометея. Достаточно отодрать обои. Не странно ли?

– Это лишь доказывает, что мировая культура делится на массовую и элитарную совершенно необоснованно, – заметил я.

– Что-то ты сегодня чересчур афористичен... Впрочем, согласен. Хоть утро отцвело, но день прошел не зря. – Хазин спрятал фотоаппарат. – Пойдем, Витя, я покажу тебе мормышку. Оценишь. Слушай, может, мне пожаловаться старшему менеджеру? Скажу, ваша бесстыжая Маргарита подкинула мормышку и клопа... Клоп, мормышка, Че Гевара. Когда-нибудь я напишу книгу с таким названием, вот увидишь.

– Мне кажется, здесь нет менеджера, – заметил я.

И мы отправились в номер Хазина.

Хазин жил в конце коридора, и в его номере было два окна.

– Мне кажется, ты преувеличиваешь насчет Маргариты Николаевны, – говорил я, пока Хазин открывал замок. – Она просто тщательно делает свою работу.

– Слушай, Вить, давай поменяемся на ночь комнатами, – предложил Хазин. – И тогда ты почувствуешь, кто тщательно работает свою работу. Она бродит по коридору, а потом стоит под дверью с вытянутым лицом...

Хазин толкнул дверь, и мы вошли в номер.

– Я же говорил, – указал Хазин.

На кровати лежал человек. Конечно, это была не Маргарита Николаевна, а какой-то парень лет двадцати с небольшим, впрочем, немного он на Маргариту Николаевну походил – сутулой спиной. Из-под кровати торчала большая спортивная сумка, рядом валялись сапоги. Сафьян, вспомнил я. Из тонкой гладкой и блестящей кожи. Всмятку. Раньше я полагал, что это лишь выражение, но теперь убедился в его точности – сапоги лежали действительно всмятку, слишком мягкие, чтобы держать форму.

А на подоконнике гармонь.

При виде гармони я едва не рассмеялся, но быстро понял, что не очень смешно.

– Это что у него, сабля? – указал Хазин.

– Шашка, – поправил я. – Кажется...

Посторонний человек лежал на кровати в обнимку с шашкой.

– Что он у меня делает в номере? – нервно спросил Хазин. – Кто это?

Хороший вопрос.

Я подошел к кровати и пнул ножку. Человек не проснулся.

– Осторожнее, – посоветовал Хазин. – Может и чикануть...

Я пнул ножку еще раз. Человек вздрогнул и проснулся.

– Ты кто? – спросил Хазин.

– Роман, – ответил человек. – А вы?

– Я Хазин и здесь живу.

Роман сел и огляделся. Шашку положил на сумку.

– Мне этот номер дали, – сказал он, зевая. – Я не знал, что здесь живут...

– Здесь я живу. То есть живу.

– Да ладно, ладно. – Роман выбрался из койки и стал вяло одеваться в свое. – Я же не сам, мне ключи на вахте дали...

– Это происки Маргариты, – шепнул Хазин. – Это она! Я тут две недели живу, а она ко мне подселает и подселает...

– Да-да...

Роман оделся, натянул сапоги, щелкнул пятками.

– Я сейчас уйду... Сегодня что, пятница?

Роман зевнул и посмотрел на нас одурело.

– Тут клопы, между прочим, водятся, – сказал Хазин.

– Клопы... Да везде клопы... Вы бы видели, какие клопы в Кинешме...

Роман показал пальцами. Не думал, что такие бывают, размером с мелкую вишню. Возможно, поэтому Роман спал в обнимку с шашкой.

– Они так тогда Валентину искушали, что она вся чесалась, а она в общем-то привычная.

И Роман вкратце рассказал про поражение некоей Валентины в противостоянии с лютыми кинешемскими клопами; я отметил, что это весьма поучительная история.

– Это очень печальная история, – согласился Хазин. – Мои сочувствия Валентине, я-то знаю, что значит крупный клоп...

– Клопы – не самое худшее, – заметил Роман. – Есть еще такие...

Роман сморщился и сделал пальцами движение, словно растер между пальцами комара.

– Есть такие усычки...

Роман замолчал, продолжая добела сжимать пальцы, словно между них билась та самая усычка. Мне даже почудилось, что так оно и есть.

– Ладно, мне пора, – вздохнул Роман. – У нас скоро встреча.

Роман потянулся, на одно плечо повесил сумку, на другое гармонь, шашку сунул под мышку, улыбнулся.

– Эй, ты кто? – спросил Хазин. – В широком смысле? Мы вот писатели-краеведы, пишем историческое. А ты?

– А мы на выступление приехали, – ответил Роман. – Сегодня же концерт.

– Паша Воркутэн?! – удивился Хазин.

В лицо я Воркутэна не знал, но представлял его несколько иначе. Паша наверняка был кругл и плотен, короткошей, узловат треугольными предплечьями, лыс, ухватист, в кроссовках. К тому же этот вроде Роман. Впрочем, Паша Воркутэн мог быть и Романом.

– Нет, я из квартета, – ответил Роман.

– Какого квартета? – спросил я.

– «Курень Большака». – Роман пошевелил подмышкой, шашка колыхнулась.

«Курень Большака». Не слышал.

– Нас пригласили, – пояснил Роман. – У нас народные песни, в основном казачьи. Некоторые русские, разумеется, реконструированные. Сегодня же концерт.

– Я думал, приедет Воркутэн... – сказал Хазин.

Роман был долговяз, кудряв, по-казачьи чубат, с шашкой под мышкой, не исключено, что в его жизни действительно присутствовала некая Валентина; он не ответил про Воркутэна.

– Сколько времени, мужики? – спросил Роман.

– Полвосьмого, – ответил Хазин.

– Полвосьмого... А как город называется?

Кажется, Роман не шутил.

– Мы вроде вчера в Кинешме выступали... Это не Кинешма?

– А где эта Кинешма? – спросил Хазин. – Она вообще есть?

Он знал, что Кинешма есть, и, собственно, есть не так уж и далеко, но с утра любил пооригинальничать с творческим человеком.

– Не знаю, – легкомысленно ответил Роман. – У нас гастроли, все перепуталось... Это какой город-то?

– Чагинск, – ответил я.

– А, да, Чагинск. Здесь электростанция, кажется... Нас на открытие пригласили.

– А Воркутэн? – спросил Хазин.

Роман опять не ответил, вышел из комнаты, зацепив шашкой косяк двери.

– Видал я таких Романов, – хмыкнул Хазин. – Шмуля он суший, Роман...

– В казачьем ансамбле?

– А что тебя смущает? Ты что, «Тихий Дон» не видел? Хотя... Что-то хочется есть...

Слушай, Витя, хочется есть!

Я был не против поесть, утренний умственный труд вызвал аппетит, к тому же потом поесть вряд ли получится, в двенадцать концерт, народу соберется со всего района, потом по жральням разбегутся, все подметут, а банкет, наверное, ближе к вечеру...

Так что мы покинули гостиницу и отправились в «Чагу».

Но сегодня в «Чаге» было вдруг нехорошо. На наших местах сидели гладкие мужики в хороших костюмах, то ли из НЭКСТРАНа, то ли от врио. Мужики культурно пили наше кологривское пиво, ели неожиданные беляши и равнодушно смотрели на проходящие поезда. Хазин заявил, что пища в отрыве от впечатления для него неприемлема, я согласился, так что мы развернулись в столовую доручастка. Но и там нам не повезло – обеденный зал оказался заполнен рабочими в синих комбинезонах, запахом пельменей, в которые явно переложили лука, и гарью жареной колбасы. На раздаче остались зразы с яйцами и луком, бланшированный толстолобик и капустные салаты, лично мне не хотелось толстолобика в этот день. Не порадовал и «Комфорт», там и вовсе проходил переучет. Хазин связывал это с происками Маргариты и сторяча предлагал торопиться хоть в «Растебьяку», но я подумал, что не стоит ею злоупотреблять.

– Тогда к памятнику, – предложил Хазин. – Неплохо бы его снять. Знаешь, сделаем ретроспективу – до и после, отлично зайдет. В начале верстки поставим, когда памятник недостроен, а в конце – когда его уже откроют. Так сказать, созидательная динамика.

Локфик не терпит новелл, подумал я.

– Хорошо, – сказал я. – Так и сделаем. Это традиционно.

Поехали на Центральную площадь, к памятнику адмиралу Чичагину; с утра голова не работала, город пролетал быстро, припарковались в проулке.

Площадь готовили к концерту. На помосте эстрады обстоятельно монтировали акустическое оборудование: рабочие собирали амфитеатр из трибун, другие рабочие поднимали праздничные флаштки, третьи тянули наискосок гофрированную черную трубу. Я немного подумал, зачем здесь нужна труба, что по ней собираются перекачивать, Хазин же на всякий случай ее сфотографировал.

Памятник адмиралу Чичагину, разумеется, еще не открыли, он так и стоял в черной пленке. Под полиэтиленом угадывалась могучая фигура адмирала, причем, судя по размерам и росту, конная. Перед самим памятником разместили два чугунных корабельных якоря, а между ними натянули толстую цепь, раньше такого не было.

– Он разве на коне? – спросил Хазин.

– Вероятно...

По первоначальным эскизам, представленным Крыковым, памятник планировался вроде пешим. Все-таки адмирал.

– На коня пойдет в два раза больше бронзы, чем на самого адмирала, – сказал я. – И труда больше. К тому же... Нельсон тоже был адмиралом. А изображается очень часто на коне.

– Логично, – согласился Хазин. – Один адмирал хорошо, вместе с лошадей лучше. Тебе не кажется, что он несколько...

Хазин покрутил кулаками. У памятника были на самом деле слишком круглые и широкие плечи.

– Судя по сохранившимся портретам, Чичагин был вполне себе субтилен, – напомнил Хазин. – Примерно как Суворов.

– Суворов легко ломал подковы.
– Верно, – согласился Хазин. – А Нахимов ходил с подозрительной трубой...
Я взгляделся в информационную табличку, прочитал вслух:
– «Открытие памятника адмиралу Антиоху Александровичу Чичагину состоится...»...
прочерк. Они до сих пор не знают, когда открытие...
– На День города, скорее всего, – предположил Хазин. – Это через... не помню...
Хазин скривился.
– Все равно придется тут торчать, – напомнил я. – Во всяком, Хазин, случае, тебе. В книге обязательны снимки открытия памятника. И фотолетопись обязательна.
– Снимки... да, сейчас...
Хазин поднял камеру.
– Фотографировать запрещено, – сказал подросший милиционер.
– Мы от Александра Федоровича, – высокомерно ответил Хазин.
И сделал еще несколько вызывающих снимков памятника в пленке. Милиционер плюнул и отступил, стал прохаживаться вдоль цепи, пиная ее, словно проверяя на прочность.
– Еще открыть не успели, а уже запрещают... – бурчал Хазин.
В конце площади остановился белый автобус с синими полосами, дверцы открылись, и из салона стали выгружаться омоновцы.
– Это для Паши Воркутэна, – задумчиво произнес Хазин.
– Это сам Паша Воркутэн, – предположил я.
– Паша Воркутэн дает благотворительный концерт, – резюмировал Хазин.
Омоновцы в черной форме выстраивались во фронт вдоль эстрады.
– Странный сегодня день, – сказал Хазин, глядя на это. – Знаешь, с утра косяком идет, вот, например... Вот, например: у меня в номере на рукомоинике овальная переводная картинка, рыжая гэдэровская баба с заколкой, знаешь, из старых. Я ее скорябал случайно, смотрю, а под ней розы желтые. И буквально тут же в дверь Маргарита Николаевна стучится... как?
– Достойно, – согласился я. – Совпадение месяца.
– И это только начало.
Хазин поведал еще про три явных совпадения, случившихся с ним с утра, и закруглил сомнения эксцессом с клопом и мормышкой:
– Вот хоть убей, я считаю, что этот клоп и эта мормышка неспроста...
Послышался приветственный свист, я обернулся. Поперек площади деловито шагал Федор с милицейской папкой под мышкой. Было ясно, что он нас заметил, и я тоже помахал ему рукой. Федор молодежно перепрыгнул через гофру, приблизился.
– Чего такие кислые, боляре?! – жизнерадостно осведомился Федор. – Опять вчера по синьке вдарили?
– Мне подарили стального клопа, – ответил Хазин. – Я думаю, это вызов.
Федор удивленно обмахнулся папкой.
– И мормышку, – добавил Хазин. – Ее нельзя сбрасывать со счетов.
– Мормышка... – Федор почесал лоб папкой. – Мормышки – это хорошо. Кстати, Вить, может, нам все-таки отдохнуть? Сгоняем на зеленую, шашлыки-машлыки...
– Может, – согласился я.
– Ладно, посмотрим, – сказал он. – Сегодня у меня запара, может, завтра-послезавтра...
Омоновцы закончили построение в фалангу и теперь перестраивались в каре.
– Чего ментов-то нагнали? – спросил Хазин. – На концерт?
– Врио губернатора приезжает, – ответил Федор. – Вроде бы... Можно подумать, вы не знаете! Это же резонансное мероприятие, праздник, туда-сюда...
– Праздник вроде на День города планировали, – заметил я. – Сегодня репетиция.

– На День города большой праздник, – пообещал Федор. – А сегодня праздник музыки... Омоновцы перестроились и теперь дружно стучали дубинками в щиты.

– Вы пока лучше в другом месте гуляйте, – посоветовал Федор. – Потом приходите, сейчас подготовка... Охрана вот-вот пожалует, я координирую... Ладно, побежал пока...

Федор поспешил к омоновцам.

– Врио... – задумчиво произнес Хазин. – Ему-то зачем... Мэр, врио губернатора, Алексей Степанович – чего они тут собрались?

Хазин то ли действительно предусмотрительно не понимал, то ли делал, как обычно, вид.

– Нет, ясно, что они что-то мутят, – сказал Хазин. – Понятно, что Крыков в неумных делах валяться не станет...

Омоновцы ловко перестроились в треугольник, наподобие тевтонской «свиньи». Хазин фотографировал, продолжая рассуждать.

– Понятно, что врио нужна поддержка, Алексею Степановичу нужна земля, мэру нужны бабки... Праздник-то зачем?

– Праздник всегда зачем, – ответил я.

– Нет, понятно, что под праздник можно и Кинг-Конга списать, но для НЭКСТРАНа это мелкогато...

– Для НЭКСТРАНа мелкогато, для мэра Механошина в самый раз. Народ любит праздники и Пашу Воркутэна.

– Я сам люблю Пашу, – сказал Хазин. – А если уж сам врио прибудет...

Хазин сделал чик-чик левым глазом.

– Согласен, – согласился я.

– Слушай, а может, все-таки пожрать сначала? Можно купить орехов и леща, мне вчера зашло...

Но не получилось ни орехов, ни леща. Из района подтягивался праздничный народ, в магазинчиках вокруг площади собрались очереди. Хазин сказал, что от очередей отвык и до банкета можно и поголодать, лучше погулять.

Стали неспешно гулять. Голодный Хазин веселился, фотографировал и презирал вслух встречных оригиналов.

– Смотри, какой мудачок слева! «Абибас» блестит, кроссы накафотил, наверное, из табуретки с боем вырвался. И бабеч с ним ничегостый, корпус не по размеру, спина как у сплавщика... А вон тот видишь, с вывернутыми ступнями? Похож на гомункулюса...

Это было бездарнее обычного Хазина, видимо, голод, некоторое похмелье и серебряный клоп с утра возогнали хазинский сарказм в критическую степень, так что почти все встречные определялись им сучками, сплавщиками и мутантами. Я не спорил, у меня тоже слегка потрескивала голова.

– Глянь, Вить! Вон на том! Опять такие же катафоты!

Однажды я уезжал отсюда в октябре, целый месяц в здешней школе учился, половину первой четверти. Так Кристина и Федька решили меня провожать, Кристина надела джинсовую куртку и туфли, а Федька – новый спортивный костюм и кроссовки. Как раз такие, со светоотражателями. Мы ждали поезда, мама отправилась в железнодорожный за газировкой, а мы стояли на перроне. А тут как раз бабка Федькина выбралась огурцами солеными торговать. Увидела Федьку – и понесла, зачем парадное надел, зря мать, что ли, туфли ему купила, в ночную корячилась, а он тут таскается со всякими расподряд. Федька оправдывался, а потом снял кроссовки и остался в носках. А кроссовки он в руках держал, и они так же этими катафотами сверкали.

– Смотри, батюшки! – с восторгом воскликнул Хазин.

Возле Дома быта припарковалась синяя машина, из нее сосредоточенно выбирались несколько целеустремленного вида священников.

– Успели на духовную сечу! – Хазин помахал батюшкам. – Хотят пресечь Пашу Воркутэна на ближних подступах!

Батюшки Хазину кивнули и направились в Дом быта.

Хазин вдруг раззадорился и продолжил приставать к прохожим.

– Вострубите в трубы златогласые! – Хазин широко улыбался встречным. – Воздвигнем столп света на пути хаоса тьмы! Хтонизм не пройдет!

Прохожие в большинстве своем соглашались.

– Оградим нашу нравственность от ихней безнравственности! Да пребудет с нами Хьюман Райтс Вотч!

Центр города постепенно заполнялся, народу съехалось много, в основном на грузовиках и «Газелях». Хазин раскочегарился:

– И сказал Чичагин – сомкните ряды! Ибо тьма здесь и нет этой тьме прогляда!

Закончилось все тем, что Хазин попытался выпросить у милиционера мегафон, а тот потребовал, во-первых, прекратить агитацию, во-вторых, переставиться – машина мешает. И мы вернулись к «шестерке», Хазин долго искал место для парковки и ругался на диких провинциалов, которые паркуются как им приспичится, вдоль и поперек, а нормальные люди страдают. В конце концов мы притерлись к ржавой «буханке» из электросетей. Из «буханки» выставился мужик в оранжевой робе, но ругаться не стал, курил и поглядывал на нас с прищуром.

– Мы из Брантовки, – сказал ему Хазин.

Мужик сочувственно вздохнул. Со стороны памятника послышалась музыка, концерт начинался. Я посмотрел на часы. Вроде рано... Хотя я, если честно, не помнил, во сколько вся эта репетиция.

Музыка зазвучала громче, мы стали пробираться к эстраде, осторожно раздвигая собравшихся. По мере приближения к помосткам народ становился плотнее, нам удалось продвигнуться метров на сто, затем встали, слишком густо, когда успели понаехать... Люди сидели на трибунах, толпились вокруг, заполняли выходящие на площадь улочки и переулки. Над сценой колыхалась растяжка Pavel Vorkutin на фоне Уральских гор и заходящего солнца, на самой сцене разминались музыканты: клавишник и гитарист в длинных малиновых сюртуках. Зрители ждали, рядом с Хазиним волновалась крепкая женщина в зеленом платье, было жарко. Хазин неосторожно задел женщину объективом, она возмущенно обернулась.

– У нас поручение, – пояснил Хазин.

Женщина не успела как следует ответить – гитарист на сцене взял высоко, мониторы закрипели, музыка началась. Клавишник постучал по микрофону и объявил:

– Дорогие зрители! Сегодня у вас в гостях известный исполнитель собственных песен Павел Воркутин! Встречаем! Павел Воркутин! Аплодисменты!

Зрители радостно хлопали.

– А батюшек больше не видно, – с сожалением произнес Хазин. – Может, подойдут еще...

– Непременно, – сказал я. – Батюшки в засадном полке, жрут удила.

Соседняя женщина прищурилась на «удила», женщина покачивалась, благоразумно создавая вокруг себя локтями личное пространство. Клавишник заиграл интенсивнее, раз – и на сцену из-за кулис выскочил быстрый невысокий мужчина в синем атласном пиджаке.

– Здравствуй, Чагинск, хорошая погода! – Воркутэн вскинул руки. – С вами Паша Воркутин!

Площадь ответила.

– Начнем с классики, – продолжил Воркутэн, слегка пританцовывая. – Песня, которую любят и ждут! «Судьба людская»!

– «Судьба»! – закричала женщина рядом. – «Судьба»!

Воркутэн запел. Я отметил, что, несмотря на ненавязчивые габариты, Паша обладал бесценной для певца особенностью – умением приковывать внимание, причем не голосом, а

самим собой. Он появился на сцене и мгновенно заполнил ее, а когда запел, слегка привиливая плечами, публика подалась и против нашей воли подтащила нас с Хазиным к эстраде. И некоторое время возможности активно противостоять «Судьбе людской» мы оказались лишены.

Слова с ходу не очень запоминались, но двойной повторяющийся припев был неминуем. Паша пел:

Судьба нелепая игра.
В ней от утра и до утра
Людское щёмится,
Банкуют фраера!

Вся жизнь нелепая игра,
Где от утра и до утра
Бродяги щёмятся,
Банкуют фраера!

Паша Воркутэн резко приложил ко лбу ладонь, клавишник прибрал музыку, Паша же, поприступив взгляд, с необычайной проникновенностью и драматизмом выдохнул в наступившую тишину:

– Банкуют фраера...

Площадь захохотала аплодисментами. Я отметил, что Паша более чем неплох. Публику держит, публике нравится.

– Какое безобразие, – сказал Хазин. – Этот урод, похоже, талантлив...

Я согласился, с отвращением осознав, что строка «людское щёмится, банкуют фраера» засела в голову и назойливо стучится в лоб изнутри. Женщина в зеленом посмотрела на нас неодобрительно, концерт продолжился.

– А теперь премьера! – Паша отпил из бутылки воды и провозгласил: – Теперь премьера, да... Именно сегодня, именно для вас впервые прозвучит моя новая песня «Дневной на Халмер-Ю». «Дневной на Халмер-Ю» – для вас!

Паша вскинул руки, и площадь замолчала. Нервически зазвучали клавишные, Паша Воркутэн повернулся спиной к зрителям и начал ритмически дрыгать левой ногой.

– Ничего себе квадрицепсы раскачал, – заметил Хазин. – Халмер-Ю, это где?

Я не знал, Паша между тем запел, я подумал, что рифмой к «вижу вдали» будет «горят корабли», но оказалось, что «кричат журавли».

– Надо уходить, – сказал Хазин. – Скоро может быть поздно.

Но уйти не получилось. Паша Воркутэн превознес над Центральной площадью силу своих искусств, корпулентная женщина в зеленом рядом с нами стала раскачиваться уже с угрожающей амплитудой, и мы неволей втянулись в нее и тоже раскачивались, круги восторга распространялись окрест, и мы качались в этих кругах, дневной поезд на Халмер-Ю вез меня в дальнюю даль, на край земли, где лишь зима и камни.

Хазин поднял на вытянутой руке камеру и сделал несколько снимков.

– Поезд на Халмер-Ю, вези меня, вези... – пел Паша.

И площадь подпевала и танцевала вместе, и все это длилось и длилось, мы с Хазиным, зажатые горожанами, подтанцовывали с ними. Иногда я оглядывался, пытаюсь отыскать врио, мэра или Алексея Степановича, но не видел никого.

Песня закончилась, публика благодарила Пашу овацией, зрители расступились, и дышать стало легче. Хазин сказал, что ему надо срочно охладиться, внутри что-то у него переставилось от этой музыки, что-то под самыми ребрами, и теперь печет. Хазин ушел, а я остался. Не знаю почему.

Концерт продолжался. Паша вызвал на сцену зрительниц и водил с ними ручейки и хоро- воды, женщина в зеленом попробовала схватить меня за руку и вовлечь в круг, но тут я очнулся и вырвался и решил искать Хазина.

Пробираться сквозь толпу было тяжело, Хазин сидел на пластмассовом стуле возле ларька с мороженым. Я подошел и сел рядом. Продавщица отсутствовала, мороженого в ларе не оказалось, лишь водка в получекушках и крабовые палочки.

– Ледяная, – сказал Хазин. – Все для блага человека.

На подлокотнике кресла стояла пустая бутылочка, видимо, Хазин не стал сопротив- ляться.

Я пить не спешил, грызть палочки пока не хотелось.

– Все равно день пропал, – пояснил Хазин. – Когда с утра Маргарита Николаевна, ждать хорошего не приходится...

Воркутэн держал публику и, похоже, отпускать не собирался.

– Всегда этому удивлялся, – невесело промычал Хазин. – Как Божья искра может при- сутствовать в песне «Дневной на Халмер-Ю». Это ведь ненормально?

– Ненормально, – согласился я. – Но, с другой стороны, в этом может заключаться Его ирония.

– Все равно это ужасно, – поморщился Хазин. – Но и прекрасно. Кстати, а где этот утрен- ний додик?

– Какой?

– Этот, Роман с саблей? Он вроде на концерт приехал.

– Может, в антракте выступит, – предположил я.

– Может. Смотри, сатрапейро приближается!

Через толпу к нам пробирался Федор. Он успел переодеться в гражданское, из кармана рубашки торчала пачка сигарет, а на лице было приветливое выражение.

– Пацаны, к вам дело. – Федор уселся рядом.

– Ну да, – сказал Хазин. – Дело надо делать.

Баблосов будет дохуа,
И улечу я на Гоа,
Такое будет вот, брателлы, фейхоа –

старался на сцене Паша. Публика выражала одобрение.

– Так вот, пацаны, фейхоа у нас такое... тьфу ты... – Федор хихикнул. – Короче, тут через час в «Дружбе» мероприятие.

Федор махнул рукой в сторону ДК.

– Банкет? – уточнил я.

– Вроде как прием. Механошин попросил вам напомнить.

– Да мы и сами...

– А теперь... ваша любимая! – выкрикнул со стороны сцены Паша. – Подпеваем, не стес- няемся, подпеваем! Расчесочка-расчесочка, сгорела наша папиросочка...

– Не забудьте, – повторил Федор. – Там, кстати, тоже концерт будет.

– Еще концерт?! – Хазин ухмыльнулся. – Сводный хор имени Михаила Архангела испол- нит популярные пьесы...

– Короче, я передал, – сказал Федор. – И, Витя, не нажирайтесь слишком сильно, хорошо?

– Да я и сам не буду, – пообещал Хазин. – Я же профессионал, я должен фиксировать жизнь во всех ее разнообразных гитиках. А Витенька все запишет в скрижаль!

Федор зевнул и направился к сцене.

– Про фейхоа, кстати, смешно, – сказал Хазин. – У меня есть похожие стихи, как-нибудь расскажу...

Хазин залез в морозильный ларь, достал упаковку крабовых палочек, оторвал зубами уголок, вытряхнул палочку, стал грызть. Концерт продолжался. Паша Воркутэн давал лирику, пел протяжное и душевное, про возвращение домой после долгих странствий, про тропки, ведущие назад в детство, про первоцвет и весенние протоки.

– Что-то здесь душно, – сказал я. – Может, покатаемся?

– Мы все время зачем-то катаемся... К тому же я выпил – и не сяду больше за руль...

Но это, конечно, было неправдой, за руль Хазин сел.

– Ты прав, Витя, я устал... Надо проветрить голову от всей этой филармонии, я должен быть кристально свеж для скорого журфикса...

Мы забрались в «шестерку» и отправились подальше от Центральной площади. Я предлагал на берег реки и искупаться, Хазин хотел далеко на север, в «горячие ключи и студеные логи Кологрива»; сошлись на третьих песках, однако выбраться подальше не получилось – в пяти километрах от переезда нас остановил патруль. Ругаться с милицией в пьяном виде Хазин не осмелился, мы развернулись и на обратном пути съехали к Алешкину болоту и сидели там почти час. Сначала Хазин молчал, потом не мог заткнуться про зерно и «Калевалу», потом просто фотографировал.

Болото было красиво. Над зелеными кочками поднимались мертвые, похожие на сгоревшие спички деревья, воздух дрожал от солнца и пара, за кипреем качались алые призраки. Хазин пытался поймать их на камеру, но призраки ловко уворачивались от кадра, Хазин злился.

Я вспомнил это болото. Раз Федька наврал, что в глубине Алешкина болота есть остров, на котором раньше стояла избушка золотоискателей. Мы выступили с утра и к обеду углубились километра на четыре. Никакого острова не нашли, но между болотных кочек обнаружили бочажины с застоявшейся водой. В воде обитали мелкие жучки со светящимися спинками, Федька кинулся их ловить, но только все взбаламутил, жучки разбежались...

– Город Чагинск... знаменит своими болотами, – сказал Хазин. – Мне кажется, надо потребовать компенсацию... Смотри, вон еще!

Хазин вскинул камеру и сделал несколько снимков. Он заполнил все карты памяти, но так и не смог поймать ни одного призрака.

– Надо вернуться сюда завтра, – сказал Хазин. – Здесь интересное место. Знаешь, Витенька, я недооценивал этот город, здесь не все так паршиво.

– С утра он тебе не нравился, – напомнил я.

– Человек имеет право на ежедневную ошибку. Если бы тебе подкинули клопа, посмотрел бы я на тебя. Здесь есть что-то... дремучее...

Хазин замолчал.

– Поедем, наверное, в «Дружбу», Витя, – сказал он через минуту. – Если действительно врию приехал, надо его все-таки сфотографировать... И жрать окончательно охота.

Мы вернулись в Чагинск, проехали по улицам... каким-то улицам, а город, особенно в центре, был многолюден. Гуляли жители и приезжие, носились дети с шариками, из динамиков на столбах играла музыка, на перекрестках стояли компании и что-то обсуждали.

Возле КСЦ «Дружба» дежурили милицейские патрули. Нас остановили и проверили документы, у Хазины придрались к паспорту и к уровню трезвости, но возник Федор и велел пропустить.

– Федя, ты наш ангел-телохранитель, – сказал Хазин. – Спасашь нас во второй раз за календарные сутки. Я pošлю тебе набор мармелада.

– На задний двор езжай, – указал Федор. – Там у котельной площадка...

– На двор езжай, в людской для вас накрыто! – продекламировал Хазин.

На болоте он, видимо, не очень проветрился.

– Хазин, держи себя в руках, – сказал Федор. – Это мой тебе добрый совет.

– Федя, ты стал совсем хоумнигер, – ответил Хазин.

Федор усмехнулся и указал, куда нам продвигаться.

Парковка возле клуба была занята машинами, мы аккуратно проехали на задний двор, но площадка у котельной оказалась забита тоже. Хазин с трудом пристроился, заехав передком на угольную гору.

– Поразительно длинный день, – вздохнул Хазин. – А еще далеко не вечер, Витя...

– И что? – спросил я.

– Не люблю такие дни. Когда такие дни...

Хазин замолчал. На входе в зал нас встретила Зинаида Захаровна.

– Ребята, рада вас видеть! – Зинаида Захаровна неожиданно радушно обняла нас, сначала меня, потом Хазина. – Вам туда, стол рядом с колонной, садитесь!

– Врио здесь? – Хазин осмотрел зал.

– Проходите, проходите, актовый зал направо по коридору, – Зинаида Захаровна подтолкнула Хазина в спину.

Зал направо по коридору был заполнен народом. Кресла для зрителей частью убрали, частью расставили вдоль стен, а в зал внесли столы и установили их елочкой, верхушкой к сцене. За первыми столами сидели сильно пожилые мужчины и женщины в орденах и медалях, ветераны труда и тыла, как я понял. За ветеранами располагался стол с культурной частью города, я отметил директора музея Бородулина и заведующую библиотекой Нину Сергеевну, и мужчину в широком галстуке, похожего на типичного директора музыкальной школы, других людей не знал. Рядом с ними располагались педагоги и медики, первые отличались прическами и чересчур оптимистичным настроением, вторые были, наоборот, мрачны и бледнолицы. За медиками тянулось несколько столов с людьми, одетыми в костюмы, – видимо, чиновники, держали себя строго. Пожарные и милиционеры напротив них вели себя вольно, сразу видно, что пожарные и милиционеры.

– А вон и засадный полк! – прошептал Хазин.

Батюшки держались отдельным столом, отдельный же стол был выделен и для начальства, из самого начальства за столом пребывал лишь мэр Механошин.

Мы с Хазиним проследовали к своему месту у колонны и заняли отмеченные визитками кресла. Хазин сразу стал жевать колбасу, я хотел пить, налил морса.

– Врио пока не видно, – сообщил Хазин. – Но он прибудет в нужный момент.

К нам подсели два мужика и тетка, стали потихоньку есть сыр.

Актальный зал культурно-спортивного центра был убран к детскому празднику и толком переменить его не успели. Вдоль стен покачивались бумажные фонари и гирлянды, а поперек сцены лежал тот самый фанерный Гулливер, только раскрашенный и спящий. Видимо, Гулливер предназначался для детского спектакля, но, честно говоря, и здесь он смотрелся неплохо. Правда, его попытались задрапировать занавесками, и получилось не очень – издали казалось, что Гулливер обзавелся юбкой вокруг бедер, отчего его улыбка приобрела отчетливый дву-смысленный оттенок.

– А Механошин уже здесь, – Хазин указал на мэра. – Трепещет, сука.

Александр Федорович на самом деле выглядел взволнованно, то и дело привставал из-за начальственного стола, напряженно оглядывал зал и не всегда замечал, когда ему приветственно кивали.

К нам откуда-то быстро подсел Крыков, налил минералки, разбавил апельсиновым соком и выпил.

– А, Крыков... А ты почему в синих ботинках? – спросил Хазин.

Я поглядел вниз, Крыков действительно был в синих ботинках.

– Он что, нажраться успел? – весело осведомился Крыков.

– Я не нажрался, – ответил Хазин. – Я просто сижу в засаде, я – засадный волк... Надворный советник Засадимский во времена Александра Благословенного организовал некую ложу... у них опознавательным знаком был серебряный клоп...

Хазин показал на ладони клопа.

– Нажрался. Ну-ну, – Крыков похлопал Хазина по плечу. – Веселитесь, ребята.

Крыков удалился. То есть покинул зал. Чем меня удивил, обычно Крыков такие мероприятия любил просиживать до конца.

– А я тебе говорил – Стасик мутит! – шепотом сообщил Хазин. – Ой мутит Стасик...

За начальственным столом между тем случилось оживление, появились двое: высокий мужчина с опухшим лицом и невысокий мужичок с бородой. Мэр Механошин подскочил и стал услужливо двигать стулья.

– В сером костюме – врио, – со звуком в нос пояснил Хазин. – Варяг. И фамилия шведская, подходящая... Синеус, кажется. Или Трувор...

– А бородатый? – спросил я.

– Спелеолог, – ответил Хазин. – Или гляциолог. Я его по телевизору видел, он покорял широты.

Мэр Механошин устроил врио и полярника за главным столом и дал знак Зинаиде Захаровне – можно начинать. Зинаида Захаровна вывела на сцену коллектив в народных костюмах и теперь инструктировала исполнителей.

– Кого ждем? – спросил Хазин. – Праздник должен начаться, иначе невыносимо...

Не дожидаясь, Хазин снова выпил.

В зал вошел Светлов, пожал руки нескольким ветеранам и работникам культуры, похлопал в ладони артистам на сцене, направился к начальственному столу. Он пожал руки врио, мэру и спелеологу, уселся с краю. Зинаида Захаровна взбежала на сцену.

– Давайте начнем наш торжественный вечер! – объявила Зинаида Захаровна. – Вечер дружбы и творчества, который станет доброй традицией!

Зал захлопал. Сосед по столу открыл охоту на шпроту в банке, стараясь добыть ее зубочисткой.

– А она ничего, – Хазин дунул на Зинаиду Захаровну.

Я подумал, что Федор, пожалуй, прав, за Хазиним надо сегодня приглядеть.

– А теперь с приветственным словом выступит наш уважаемый мэр Александр Федорович!

Зинаида Захаровна захлопала в ладоши. Механошин выскочил из-за стола и поспешил на сцену, по пути кивая и пожимая руки знакомым.

– Спасибо, Зинаида Захаровна, – поблагодарил Механошин уже со сцены. – Я рад вас всех приветствовать в этот день!

– А какой, собственно, день? – спросил Хазин у соседнего мужика. – Какой праздник-то?

Сосед съел оливку, пожал плечами. Почему-то никто больше за наш стол не торопился, впрочем, это к лучшему – нам больше достанется.

– Я очень хочу, чтобы сегодняшней день стал особенным днем, – сказал Механошин. – Чтобы с сегодняшнего дня наш город начал жить по-новому, чтобы мы поняли, как дальше... Как все будут дальше.

Зинаида Захаровна захлопала, зал ее поддержал. Механошин продолжал:

– Нам много чего не хватает, и за это нас многие критикуют. И это правильно. Мы сами давно про это говорили – не хватает. Не хватает в том числе и исторической памяти... и с этим надо что-то делать...

Хазин подцепил колбасу, пристроил ее на хлеб, добавил поверх лист салата, тощую квашеную рыбку и сыр и пришил все это двумя пластмассовыми саблями. Я почувствовал голод и пододвинул тарелку с салатом из крабовых палочек.

– Я не сомневаюсь, что наш будущий праздник, наш День города, станет долгожданным днем восстановления этой исторической памяти. Мы должны знать тех, кто стоял у истоков основания нашей славы...

Не знаю почему, но мэр Механошин сделал рукой движение в сторону фанерного Гулливера. Хазин поперхнулся от восторга бутербродом.

– Я так и знал! – прошипел Хазин. – Я так и знал!

– Со стороны городской администрации мы окажем самую пристальную помощь, – пообещал Механошин. – Это важно. С чего начинается экономическое и нравственное возрождение? С первого шага. И мы готовы сделать этот шаг.

Зал захлопал.

– Спасибо! – мэр поклонился. – Еще раз спасибо! Рад вас видеть!

Мэр передал микрофон Зинаиде Захаровне и стал спускаться в зал.

– Нам остается только присоединиться к словам нашего уважаемого мэра, – сказала Зинаида Захаровна. – Все мы знаем – Александр Федорович всегда уделял внимание культуре.

Механошин возвращался за стол, почему-то слегка прихрамывая. Зинаида Захаровна проводила его взглядом, дождалась, пока мэр вернется на свое место, и объявила:

– А теперь перед гостями выступят старые друзья нашего города, давно знакомые настоящим ценителям фольклорного искусства! Ансамбль «Курень Большака»!

Заскрипела народная музыка, на сцену выступила женщина с баяном, вероятно, Большуха, а за ней мужик с колесной лирой, решительно Большак. Большак был обряжен в льняную косоворотку, в мешковатые синие штаны с лампасами, на голове кулацкий картуз; Большуха – в широкую юбку, пеструю кофту и цветастый платок. Большак крутил ручку лиры, выводя тоскливую мелодию, Большуха растянула баян.

– Что такое курень? – спросил Хазин.

Я не очень знал, на всякий случай ответил:

– Это такая изгородь. Забор, короче.

Большуха пустила мелодию.

– Ансамбль «Забор Большака»? – Хазин почесал голову.

– Ой-да!

На сцену с лихостью выскочил наш знакомый Роман. Он молодецки подпрыгнул, совершил в воздухе пируэт и принялся энергично месить сапогами сцену.

– Шмуля! – воскликнул Хазин. – Шмуля с «Забора»!

Плясал Роман хорошо. Зажигательно, как в кино. Подпрыгнул снова, грянул шапку на сцену, выхватил откуда-то – я не заметил откуда – две блестящие шашки.

– Шмуля! – Хазин свистнул. – Шмуля, жги!

Роман вращал шашками над головой, за спиной, вокруг себя, казалось, что он окружен быстрыми серповидными вспышками, шальным стальным ураганом. Публика аплодировала. И я. И Хазин. Пробрало. Когда видишь искусство, пусть самое тупое и бессмысленное, чувствуешь уважение.

Музыка кончилась, Роман удалился. Большак в картузе оперативно сменил лиру на бандуру.

– С балалайкой он выглядит еще боевнее, – сказал Хазин. – Думаю, он и есть Большак.

Большак забренчал по струнам, запел песню, в которой я не мог определить ни одного слова, кроме знакомого «ой-да», наверное, про то, как козаки неоднократно побивали своих недругов в конном и пешем строю. Пел он, притоптывая ногой, Большуха подыгрывала на бубне и художественно топала.

– Без Шмули культура не катит, – сказал Хазин.

Я был согласен, что Романа не хватает. Но публике понравилось, опять свистели и хлопали. Большак под это дело хотел сыграть и третью песню, но Зинаида Захаровна показала глазами и корпусом, что немного пора со сцены.

– Спасибо нашим артистам! А теперь слово предоставляется нашему губернатору! То есть временно исполняющему его обязанности!

Врио поднялся с места и направился к сцене. Он засвидетельствовал почтение батюшкам, милиционерам и работникам культуры, педагогам и ветеранам, пожал руку Зинаиде Захаровне, взял микрофон и замолчал. Повисла пауза, во время которой на сцену высыпались гимнасты: девушка с булавами и молодой человек с цепью. Гимнасты приняли стартовые позы – девушка вытянула булавы, а молодой человек натянул цепь. Зинаида Захаровна подавала им энергичные знаки, но они, сосредоточенные на скором выступлении, ничего не замечали.

Врио увидел гимнастов на сцене, но, видимо, не понял, что они тут делают, и на всякий случай начал речь.

– Спасибо! – сказал врио. – Хочу сказать вам всем спасибо, друзья! Спасибо, что вы пришли на наш праздник! Я от лица областной администрации хочу поделиться с вами некоторыми соображениями – может быть, даже посоветоваться. Отмечу, что развитие туристического кластера является приоритетным для руководства области, и мы все должны обозначить направление этой работы. Не секрет, что в нашей области есть много маленьких городков, у каждого своя история, свои особенности, свое лицо. И мы постараемся, чтобы эта история стала доступной для всех!

Я не удержался и выпил. Юноша на сцене каменел в статической позе, растягивая цепь. Булавы в руках у девушки дрожали.

– Нельзя не сказать и о перспективах, – продолжал врио. – Думаю, ни для кого не секрет, что минувшие десятилетия были не лучшим временем для промышленности. В нашей области практически исчезли целые отрасли: текстильная, машиностроительная, пищевая. Тысячи людей потеряли работу и уверенность в будущем дне. Однако в последние годы наблюдается небольшой, но устойчивый рост. И мы, областное правительство, сделаем все, чтобы этот рост сохранился и приумножился! Не хочу забегать вперед, но признаюсь – есть планы сделать Чагинск модельным городом...

Врио послал знак Механошину, тот привстал из-за стола.

– Чагинск должен стать модельным населенным пунктом, – повторил врио. – Точкой кристаллизации наших совместных усилий. И не исключено, что именно отсюда начнется духовное и экономическое возрождение.

Врио кивнул Светлову, затем Механошину.

– И мы не побоимся взять на себя ответственность! – пообещал врио.

Из-за кулис показалась Зинаида Захаровна с подносом. На подносе стоял хрустальный фужер с водкой.

– Граммов триста, – оценил Хазин. – Если не вода...

– Поэтому хочу произнести тост именно за это – за возрождение и ответственность!

Врио поднял фужер. По залу прокатился дружный стеклянный звон. Присутствующие подняли бокалы и поднялись сами. Я и Хазин тоже. Из-за кулис показался Большак, он растопырил аккордеон и затянул:

– Люю-юубо! Люю-юубо! Лююю-юубо!

Врио начал пить. Девушка с булавами и парень с цепями не знали, что делать, на всякий случай улыбались. Зинаида Захаровна мелко аплодировала. Врио губернатора допил и протянул в сторону фужер. Зинаида Захаровна подставила поднос.

– С нашим атаманом не приходится тужить! – пропел Большак.

Хазин успел выпить два раза. Я один.

– Ура! – крикнул кто-то из зала.

– Ура! – заорал Хазин. – Ура!

По залу пронеслось «ура», гости свистели, хлопали, вскакивали, воздух пришел в движение, бумажные фонари закружились.

– Долгие-ле-е-ета! – заревел Большак. – Долгие лета!

Я почувствовал, что голова начала кружиться, притянул блюдо с заливным, жадный Хазин начал со мной борьбу за судака.

– Долгие лета!

Врию вернулся в зал. Хазин одержал победу.

Зинаида Захаровна никак не объявила следующее выступление, просто махнула рукой. Зазвучала музыка, девушка стала жонглировать булавами, а юноша рвать цепи. Они торопились, булавы летали суетливо, а цепи силач рвал нервно и легко, как записки от старой подруги.

– Хороший банкет, – похвалил Хазин, гоняя по тарелке кусок желе. – Душевно так, мне нравится. Могу поспорить, сейчас будет петь толстая баба. Из языка еще попробуй, вон то, редко где так умеют...

Я не любил язык. Начали разносить горячее. Отбивную с жареной картошкой.

– Жаль, карты забилась. – Хазин жевал язык. – У полярника в лице чрезвычайно художественная тоска. Полярник не хуже сегодняшнего болота...

Я оглянулся. Хазин был прав, полярник тосковал. Медведи, торосы, нарты, пурга и строганина, полярнику снилось белое безмолвие во все стороны, и одиночество, близкое небо, метеориты, запинаящиеся за атмосферу и рассыпающиеся над головой кипящими искрами. Полярник хотел к ним, к солнцу, не опускающемуся за горизонт, к макушке мира, с которой так легко ступить на звездную дорогу.

Атлет разорвал последнюю цепь, поклонился, посадил на плечо девушку с булавами, убежал за сцену. Этого никто не заметил. Новые артисты не выходили, возникла пауза.

– Витенька, предлагаю тебе название для книги. «Атлас глазных болезней»...

Полярник с посторонним лицом сидел рядом с открытой дверью, за его спиной промелькнула Кристина; лучше бы он был спелеологом. Показалось...

– А наш праздник продолжается! Жителей Чагинска и наших гостей пришла поздравить талантливая молодежь! Приветствуем!

Зинаида Захаровна поманила рукой. На сцене появилась Аглая. Хазин потер глаза. Нет, Аглая, внучка библиотекаря.

– Приветствуем победительницу районной олимпиады чтецов и декламаторов «Золотое Слово»! Сегодня с вами Аглая Черпакова!

Приветствовали, впрочем, не очень. Аглая была обряжена в независимое черное платье, длинное, до пола. Горло перемотано бинтом. Аглая выглядела изможденно и выразительно, она махнула рукой в зал и сделала презрительный книксен. Зал жидко похлопал. Заведующая библиотекой Нина Сергеевна вскочила, стала пробираться к сцене, но не успела – Аглая дотянулась до микрофона и стала декламировать. Негромко, с трудом выжимая звуки через перемотанное горло. Я не очень слушал или плохо слышал, но потом услышал.

Ты можешь ли Левиафана
На уде вытянуть на брег?
В самой середине Океана
Он быстрый простирает бег;
Копье, и меч, и молот твой
Считает за тростник гнилой.

Голос звучал хрипло и страшно и очень подходил стиху. Зинаида Захаровна поймала Нину Сергеевну на ближних подступах и держала, чтобы та не рушила искусство. Мне поставили тарелку с отбивной, я стал есть. Надо было поскорей закусить, водка на голодный желудок...

Водка на голодный желудок это хорошо.

– А я, между прочим, имею, что сказать, – сообщил Хазин. – Я еще давно написал стихотворение на актуальную тему...

Неожиданно на соседний стул опустился Роман. Он был без шапки, но казачий наряд снять не успел.

– А вот и Шмуля! – обрадовался Хазин и добавил: – Когда пархатое козачество возстало, в Эйлате стал совсем-совсем переворот...

– Я не Шмуля, – ответил Роман.

– Каждый Рома говорит, что он не Шмуля. Но мы же знаем, что это не так...

Хазин немедленно обнял Романа за плечо и налил ему водки.

– И вообще, Шмуля, ты зачем так поздно без сабли ходишь? – продолжал Хазин. – Ты разве не видишь – на нашем славном журфиксе сплошной Хорст Вессель... В кого ни плюнь, все руссико-нацистико и любят верченые почки...

Некоторые обернулись на Хазина.

– Ваше лютейшество, не обессудьте! – Хазин послал им воздушный поцелуй. – Цузаммен видергебурт, что я могу поделаться...

Хазину поставили тарелку с горячим, он достал из кофра камеру, снял котлету, затем как бы невзначай направил на стол с врио. Из-за колонны шагнул человек в костюме.

– Извините, у вас есть аккредитация? – человек указал на камеру.

– Федя, прекрати сатрапствовать, – сказал Хазин. – Я же тебя узнал. У меня есть аккредитация, сейчас я тебе покажу...

Хазин достал из кармана сто рублей, протянул человеку. Аглая продолжала со сцены хриплым гипнотическим голосом:

Как верьви сплетены в нем жилы.
Отведай ты своей с ним силы!
В нем ребра как литая медь;
Кто может рог его согреть?

– Я попрошу вас сдать на время аппаратуру, – вежливо попросил человек. – Съемки разрешены исключительно аккредитованным журналистам.

– Так я аккредитованный, – заверил Хазин. – Я пишу историю... Тут где-то был сука Крыков...

– Хазин! – попросил я.

– Сдаюсь-сдаюсь, – ответил Хазин. – Мормышка, клоп, сатрап, циклоп...

Отдал фотоаппарат человеку, стал есть.

Сверкают очи раздраженны,
Как уголь, в горниле раскаленный,
Всех сильных он страшит, гоня.
Кто может стать против меня?!

Аглая указала рукой в зал, неожиданно потух свет, на Аглае сошлись два красных луча. Эффектно. Хазин поперхнулся антрекотом. Человек потрясенно прижал фотокамеру к себе.

Опа.

Зажегся свет.

– Поблагодарим Аглаю! – Зинаида Захаровна захлопала в ладоши. – Прекрасное выступление!

Нина Сергеевна, воспользовавшись свободой, поспешила к сцене.

Светлов хлопал с искренней улыбкой.

– Молодец! – заорал Хазин, вскочив со стула. – Молодец!

Хазина повело в сторону, он потянул за собой скатерть и опрокинул кое-что из посуды. Но в целом я успел его поймать. Человек с фотоаппаратом укрылся за колонну.

– Красивые стихи, – сказал Роман. – И прочитала хорошо.

Из-за кулис выскочил человек и вручил Аглае огромного плюшевого дельфина. Аглая растерялась, дельфин был ростом с нее.

– Так тебе и надо, Глафира! – заорал Хазин. – Не будешь людей котами позорить!

Нина Сергеевна схватила Аглаю за руку и после некоторого сопротивления утащила вместе с игрушкой.

– А теперь слово произнесет старейший хирург нашего города! – объявила Зинаида Захаровна.

– Я начинаю любить этот город! – сказал Хазин. – Он вдохновляет! Здесь живет дух Чичагина, здесь читают его стихи! Лечись песцом, лечись лисицей!

На сцену поднялся мужчина в годах. Причем в немалых. Видимо, хирург. Он взял микрофон и неожиданно сильным голосом произнес:

– Я лежал вон там, возле третьей колонны, – старик указал пальцем. – У меня было сквозное и голеностоп был раздроблен...

Хирург постучал себя по ноге.

– На восемь осколков, – добавил он. – Пальцы почернели, собирались ногу ампутировать. А мне в сорок третьем двадцать было, ума никакого, вот и думаю, отрежут ногу, пойду и застрелюсь...

В зале притихли.

– Умеет дед сломать аппетит, – вздохнул Хазин. – Какой насыщенный, однако, палисад...

Хазин насадил на вилку отбивную и стал объедать ее по периметру.

– И вроде как настроился я окончательно помирать, но тут приехала доктор. Девчонка еще, посмотрела на меня и давай ругаться! Велела сразу на стол меня нести, ну, меня и понесли. Сейчас там музыкальный кружок, кажется.

Старик усмехнулся.

– Там и тогда был музыкальный кружок, – сказал он. – Эта докторша режет мне ногу, а я лежу и думаю, как бы в трубу подудеть. Труба там такая на стене висела, как в кино...

– Это туба, – определил Роман.

Хороший рассказ, подумал я. Наверное, Хазин прав, день сегодня необычный.

– ...И вот когда я начал ходить помаленечку, я ей пообещал, что тоже стану врачом. И стал. И мы поженились.

– Спасибо! Спасибо вам за все! – Зинаида Захаровна вручила хирургу цветы и коробку конфет, попробовала отобрать микрофон, но старик оказался цепким.

– Я это к тому, что без памяти никак, – сказал старик. – Тут про это уже говорили, и я с этим согласен. Люди забывают все, что было вчера... Будьте здоровы!

Старик отдал микрофон и вернулся в зал.

– Вить, что-то я устал, – сказал Хазин.

Я с этим был совершенно согласен. Устал. И остальные гости по виду слегка подзакисло, но держались.

– Да еще не начиналось по-настоящему, – сказал Роман.

– Шмуля любит по-настоящему, – ухмыльнулся Хазин. – А вот ты знаешь, что мой прадедушка служил в Ингерманландском полку?

Роман с иронией поглядел на Хазина.

– Ты хочешь сказать, что мои предки не могли служить в Ингерманландском полку?

– Да не, я так... могли и служить...

Роман решил не спорить с Хазиным и выпил.

На сцену поднялся невысокий мужчина в коричневом костюме, в руках ваза и цветы. Мужчина поклонился публике и потянулся к микрофону.

Он стал что-то говорить, но я не слышал.

– ...Рамиль Сергеевич! Это так неожиданно... – смеялась Зинаида Захаровна. – Но все равно приятно...

За плечом полярника в промежутке двери виднелась Кристина.

Она не выросла, подумал я. Раньше она была ростом с меня и Федьку, а теперь мы выше на голову. И не поправилась. То есть тощая такая же, с узкими плечами.

– А сейчас я с гордостью представляю гостя нашего города, – Зинаида Захаровна повела рукой. – Известного певца и композитора, любимца публики и покорителя...

Она игриво хохотнула.

– Покорителя творческих высот! Встречайте!

Свет погас, зажегся, и когда он зажегся, рядом с Зинаидой Захаровной стоял Паша Воркутэн. Зрители яростно захлопали.

– Видергебурт, – сказал Хазин. – Спасенья нет, началось по-настоящему...

– Привет, Чагинск! – Паша вскинул руки. – Рад тебя видеть! Сегодня мы работаем для вас! Сегодня я работаю для вас!

– Он работает для вас! – с сарказмом в голосе произнес Роман. – Приятного аппетита!

– Музыка! – Паша щелкнул пальцами. – Сегодня и только для вас – песня про судьбу!

Паша душевно запел, музыка слегка запоздала, но Паша почти бесшовно подстроился под мелодию. Хазин жевал петрушку и отбивал пальцами по скатерти ритм, Роман, напротив, желчно грустил.

А жизнь прошла, похоже, зря
Не помогают лекаря
И до подметочек
Стоптались прахоря...

– Талант! – Хазин обреченно налил себе водки. – Витя, это пять! Выпьем же за здоровье Карла нашего Густава! Шмуля! Ты уважаешь Карла Густовича?

Про Карла Густава Хазин сказал слишком громко, на него обернулся стол МЧС.

– Это изобретатель водяной помпы, – пояснил Хазин. – Великий немецкий пожарник... МЧС поверили.

– Карл Густав не изобретал помпу, – произнес Шмуля. – Он изобретал принцип межзвездных путешествий... За что был сотрен в бараний рог...

– Вот именно! – повторил Хазин. – За космические путешествия и бараний рог!

За это не выпить было грешно. Мы выпили, хотя вроде больше и не хотели.

– Банкеты чрезвычайно утомительны... – громко рассуждал Хазин. – Если они начинают тебя преследовать, ты невольно думаешь, что это некое поражение...

Я оглянулся. Кристина все еще разговаривала с Федором, лицо у нее было испуганное и заплаканное, как мне показалось. В зале надышали, воздух колыхался. И солнце светило на Кристину сбоку.

Роман тоже оглянулся.

И жизнь закончилась
Стоптались прахоря... —

спел Паша и посмотрел себе на ноги.

– Это же не искусство – Роман с отвращением указал на сцену. – Да этот Паша не чалился ни разу! Шкура дешевая...

– Шмуля, да ты завидуешь! – Хазин постучал Романа по плечу. – Воркутэн имеет-таки успех! А ты хрустишь мослом на разогреве! Шмуля, езжай лучше в Ашкелон, там такое любят...

Роман не ответил, взял рюмку, Хазин налил ему.

– Я же говорил! – захихикал Хазин. – Ты сам осознаешь свою практическую никчемность!

Роман выпил.

– В этом мы, Шмуля, необыкновенно близки! Ты – плохой танцор, я посредственный художник...

– Ты художник?

– Я – художник...

Я опять обернулся к дверям. Федор и Кристина продолжали разговаривать. Кристина размахивала руками и заметно истерила, Федор пытался ее успокоить.

– Я художник, я рисую светом, мой инструмент – камера...

Хазин обнаружил, что камеры под рукой у него нет, растерянно заглянул под стол.

– Ты ее сдал человеку, – напомнил я.

– Меня вынудили сдать мою камеру человеку, – вдруг всхлипнул Хазин. – Но язык мой им не вырвать...

Хазин зачем-то погрозил кулаком полярнику.

– И жало жгучее змеи задвинул в глотку... И проходя моря и земли... глаголом сечь всякую лабазную сволочь... – сообщил Хазин.

Песня про судьбу закончилась, Паше аплодировали.

– А теперь моя главная песня! – серьезно произнес в микрофон Паша. – Я пою для вас, милые женщины! Песня «Королева»!

– А у меня шашку мою украли... – вздохнул Роман. – И шапку украли... За кулисами... Украли шашку...

Он открыл минералку и стал пить, проливая на галифе.

– Это Механошин! – громко зашептал Хазин. – Он давно к твоей бабе присматривался!

Паша запел.

– К какой бабе? – не понял Роман.

– К Сарре!

– У меня не Сара...

Паша Воркутэн между тем выбрал из публики несколько пожилых женщин-ветеранов, заманил на сцену и стал дарить цветы. Я думал, что мне показалось издали, но, взглядевшись, обнаружил, что так и есть – дарил цветы. Большой букет держала Зинаида Захаровна, Паша брал из него гвоздики, вручал, пожимал руки.

– Мне кажется, это красиво, – Хазин указал на сцену. – Комплексный подход...

Цветы кончились, Воркутэн поклонился публике, лихо подхватил Зинаиду Захаровну и принялся с ней танцевать, не забывая, впрочем, петь.

Нам с тобой не гулять по Бродвею,
И от этого я, и от этого я, и от этого я

Чешую...

Многие из зала забыли про угощения и полусладкое, забрались на сцену и теперь танцевали с Пашей. Паша Воркутэн был решительно неотразим.

– Витя, записывай в блокноты... это нужно использовать, – сказал Хазин. – Этот блатняк довольно сложно связать с нашей темой, вряд ли адмирал Чичагин принимал такое...

– Да это не блатняк ни капельки! – перебил Роман. – Это имитация... Жалкий симулякр! Суффикс «ся» никогда не употребляется в подобных коннотациях...

– Шмуля может в слова, – хихикнул Хазин. – Подвинь лучше минералки, композитор...

– А теперь немного повеселимся! – объявил Паша в микрофон. – Веселая танцевальная песня, простая и жизнерадостная!

Расчесочка – моя расчесочка,
Погасла спонту папиросочка,
Ах, жизнь нарезалась в полосочку,
Такая, братцы, лалу-ла...

– Такая, Шмуля, ла-ла-ла-лула, – Хазин похлопал Романа по плечу. – Этот вот лалула сейчас твою бабу в Кинешме...

Хазин выразительно щелкнул языком.

– И теперь это все навсегда. – Хазин обнял Романа.

– Да пошел ты, – ответил Шмуля. – Художник...

– Я – художник, а это Витя, мой друг-писатель, – сообщил Хазин. – «Пчелиный хлеб» читал? Или ты только про пидоров читаешь?

– «Пчелиный хлеб»... я читал, – ответил Роман. – Пчелиный хлеб – это... прополис. Прополис с древнегреческого – это «За город». «Загород», короче... Ты понимаешь, мы собирались поехать за город, а там возникли сложности...

– Пчелиный хлеб – это перга, – зачем-то поправил я.

– Витенька, так твой роман называется «Пергад»... а нет, «Пердак»... – гадко хихикнул Хазин.

Я не ответил.

Паша между тем триумфально закончил выступление. Зал рукоплескал. Я оглянулся. Начальственный стол поредел. Исчез врио, исчез мэр Механошин, на правом краю сидел полярник, на левом Алексей Степанович, он что-то рассказывал полярнику через закуски и салат. Паша кланялся со сцены.

– Витя, ты прав, – сказал Роман. – Ты совершенно прав, везде сплошная перга...

Мы разговорились со Шмулей о перге и литературе, Шмуля много читал, а вот сейчас, за столом, зачитал стихи. Про детство, солнечные пляжи и ручейников в сумрачных водах, там еще птичка была...

– И я хочу стихи! – неожиданно воскликнул Хазин. – Я давно сочинил!

Он выскочил из-за стола.

– Ты куда, дурак, сейчас в программе пантомима...

Кажется, это сказал Шмуля.

Хазин быстро пробрался между столами к сцене и запрыгнул на нее. Из-за кулис решительно выступил молодой человек в костюме, но почему-то остановился. Зинаиды Захаровны на сцене не стояло, и Хазин завладел микрофоном.

– Хазик! Зажигай! – воскликнул Роман.

Я оглянулся. За начальственным столом уже снова сидели и врио, и мэр Механошин, на сцену они не смотрели, что-то обсуждали.

– Здравствуйте, – неожиданно трезвым и твердым голосом произнес Хазин. – Я рад приветствовать вас в этот день!

Зал вежливо похлопал. Хазин не унимался.

– Я представляю здесь ложу поэтической герильи «Перга и лопата», – сообщил он. – И от имени нашего тайного общества я имею честь осуществить... эстетическую обструкцию! Сейчас я прочитаю мини-поэму в двенадцати скажениях, посвященную...

Хазин набрал воздуха:

– Посвященную гибели станции «Мир»!

Из зала раздались одиночные аплодисменты, я посмотрел – хлопал в ладоши Алексей Степанович Светлов. Врио и мэр смотрели на него оторопело.

Хазин набрал воздуха и начал читать, размахивая правой рукой:

Две тысячи первый год,
Станции «Мир» пиз...ц,
А может, и миру пиз...ц,
А я еще не отец...

На этих строках Роман засмеялся так, что прикусил язык. Хазин читал, размахивая руками:

А мне еще не повезло,
А может наоборот,
И мир кружится назло,
И каждый час – оборот,
И каждый миг – километр.
Наматываются витки,
И смотрят с испугом вверх
Снизу материка.

Много. Много сегодня культуры. Перебор культуры. Звонящий день.

Стол МЧС переглянулся со столом милиции, и все вместе они вопросительно посмотрели на стол начальства. Врио губернатора задумчиво ел грушу. Хазин продолжал читать. Рядом со мной шепеляво засмеялся Шмуля.

– А я тоже хотел про станцию «Мир» сочинить, – признался он. – Песню... А этот урод опередил...

Упала в лужу звезда,
Сорвавшись от дней забот,
Скоро миру пизд...ц,
Две тысячи первый год!

В зале установилась тишина. Все перестали есть и пить. Алексей Степанович Светлов интеллигентно, но выразительно захлопал в ладоши. Вслед за ним захлопал и врио, а потом и мэр Механошин. И весь зал, включая стол МЧС. Я бы сказал, что некоторые хлопали искренне. То есть стихи, кажется, понравились.

– И еще хочу сказать, – сказал Хазин. – Озвучить, так сказать, тему, давно витавшую в воздухе. Надо взглянуть правде в глаза! Надо не побояться и переименовать! Переименовать!

Мэр растерянно поглядел на врио. Врио пил минералку.

– Вот и Алексей Степанович высказывался всецело за...

Хазин поклонился Алексею Степановичу, тот помахал Хазину вилкой. Привставшие было сотрудники милиции в недоумении опустили обратно. Печальный гляциолог ел бутерброд.

– Переименовать районную газету «Чагинский вестник» в «Сучий крестник»!

Стало тихо.

– Витя, – прошептали мне в ухо. – Мне кажется, вы перегибаете.

Федор. Он стоял за моей спиной и напряженно улыбался.

– Да это он сам придумал, – сказал я. – Я-то...

– Это эстетическая обструкция, – пояснил Роман. – Протест против пошлости и лизоблюдства.

Федор поглядел на Шмулю с подозрением.

– А что такого-то? – спросил я. – Это же искусство...

– Витя, не надо искусства, – попросил Федор. – Не надо, а?

– Давайте проголосуем демократически! – продолжал со сцены Хазин. – Кто за поступившее предложение?

– Витя! – сказал Федор.

– Я за! – Роман поднял руку.

Я поднялся из-за стола и поспешил к сцене.

Хазин явно собирался прочитать еще одно стихотворение, но я уже добрался до сцены и вытолкал его за кулисы. Хазин сопротивлялся, я незаметно щелкнул его по печени и прижал к стене.

– Народу понравилось! – попытлся вырваться Хазин. – Я имел успех! Давай еще...

– У нас не поэтический вечер, – напомнил я. – Сейчас по списку пантомима.

– Я с детства люблю пантомиму! – упорствовал Хазин. – Я занимался в студии...

Я вжал Хазина в стену покрепче. Показались девушки с гитарами. К нам приблизилась возмущенная Зинаида Захаровна, она хотела сказать гневное, но Хазин опять вырвался. Я промедлил, Хазин же сгрел Зинаиду Захаровну в охапку и сочно поцеловал в губы.

– Евдокия Пандемониум... – выдохнул Хазин. – Обоссаться...

Зинаида Захаровна вцепилась Хазину оплеуху. Я сграбастал его за шиворот и с трудом стащил в зал.

Врио и мэр снова что-то обсуждали, на нас они не смотрели. А Алексей Степанович смотрел и улыбался.

– У нас свобода творчества, – разглагольствовал по пути Хазин. – Я хочу выступать...

Зинаида Захаровна поправляла костюм. Блестки на костюме девушек с гитарами вспыхивали искрами.

– Почему пантомима с гитарами?! – возмущался Хазин. – Пантомима вершится в безмолвии...

Хазин сопротивлялся. Ветераны труда и сцены, работники медицины и образования, сельские и городские люди смотрели на нас с неодобрением.

Возле начальственного стола Хазин сумел меня задержать и спросил у полярника:

– Зачем вы съели своих собак?

Полярник отрицательно помотал головой. Зинаида Захаровна постучала в микрофон и как ни в чем не бывало объявила:

– Друзья! Наш вечер продолжается! И у нас снова праздник вокала! Сейчас девушки из ансамбля «Дилижанс» исполнят австралийскую народную песню.

– Я тоже знаю одну австрийскую народную песню! – Хазин попытался схватиться за стол МЧС.

Я схватил Хазина покрепче и усадил на стул возле колонны. Сам сел рядом. За нашим столом никого больше не было, разбежались, нас дождался только Роман.

– Твои стихи – говно, – с мстительным удовольствием сообщил он.

Хазин не ответил, взял бутылку, разлил по рюмкам.

Заиграл ансамбль «Дилижанс».

– Австрийская народная песня... – вздохнул Хазин. – Ансамбль «Декаданс»... Кафка и Гашек сняли монашек...

– А Роберт Музиль в бане бузил, – вставил Роман.

Я поглядел на Романа с уважением. Нет, на трезвую голову я не ценитель дешевых каламбуров, но в пьяном состоянии не каждый умеет. К тому же культура...

– А может, и в грязелечебнице! – пискляво грассируя, добавил Хазин.

Девушки запели. Хорошо, отметил я. Секция гитары и проникновенного пения ансамбля «Дилижанс» оказалась на высоте. Хороший концерт, не ожидал...

Хазин неожиданно заплакал. Странный день, сейчас я начал понимать это особенно остро. Странный день, и я в нем начал немного теряться.

Зачем-то снова посмотрел на дверь.

Полярник удалился, а Кристина стояла у подоконника в фойе. В каком-то дурацком платье. Она не любила платья, я помнил ее в платье один раз, в первую встречу. Я шел ловить тритонов, а она сидела на остановке и ожесточенно причесывала куклу. Мне было восемь, я ненавидел кукол и любил танки, но почему-то остановился. Не знаю, остановился, наверное, из-за злобного выражения лица девчонки. Такая могла любить танки. Я сел рядом. Спросил, как ее зовут, а она сказала, что Кристина. Мне имя показалось необычайно глупым, похожим на крысу, я посмеялся, а она меня ударила в нос. Потом мы пошли вместе ловить тритонов. Я хотел их в трехлитровую банку посадить, а Кристина велела их выпустить. Я выпустил. Мы подружились.

Сейчас она стояла у окна одна. Не знаю, мне вдруг стало Кристину очень жаль. На третьем куплете австралийской народной песни я решил с ней поговорить. Я встал и направился к выходу из зала.

– Витя! – позвал Хазин. – Ты куда уходишь?! Тут самое интересное начинается! Кто может рог его согреть?

– Тебе, Хазик, надо работать над ритмикой, – поучал Роман. – А ты мне про какого-то клопа...

Я вышел в фойе. Но Кристины там уже не было, Федора тоже. Туда-сюда бродили редкие гости и некоторые артисты, на дальнем подоконнике сидела злая Аглая в пуховике. Точно, в пуховике, рядом на подоконнике синел плюшевый дельфин. Мимо прошла Большуха с баяном и палкой колбасы. Сквозь стеклянную дверь я снова увидел Кристину, она стояла на крыльце и курила. Раньше она не курила. Я решил подойти. Лучше, наверное, подойти. Может, ей помощь нужна или поговорить...

– Виктор!

Я обернулся. Аглая.

Говорила с трудом, похоже, выступление на сцене усугубило... ангина, скорее всего. И глаза выпучились.

– Я хотела у вас спросить... Вы что-нибудь сейчас сочиняете?

– Немного, – ответил я. – Мой друг Хазин сочиняет поэму, она называется «Атлас...»... Что-то про «Атлас».

– Нет, не Хазин, а вы. Вы конкретно.

Аглая указала пальцем на меня.

– Я же говорю, Хазин сочиняет.

– Ваш этот Хазин – паршивый поэт, – проскрипела Аглая.

– Спорный вопрос...

– Но поэт, – добавила Аглая. – Паршивый поэт.

И уставилась на меня наглыми глазами. Красное пятно в левом глазу расплылось, с пять копеек стало.

– Намекаешь, что я вроде не писатель? – тупо спросил я.

Мне тут же сделалось стыдно, будто действительно хотел доказать этой сопливой хамке с кривыми зубами, что я писатель.

– Вы – алкоголик, – сказала Аглая. – И пишете говнокиниги про разные говногорода.

Я не нашелся, что ответить, и сказал:

– А ты малолетняя дура.

Подбежала Нина Сергеевна.

– Аглая! – зашипела Нина Сергеевна. – У тебя температура! Я тебя убью сейчас! Быстро домой! Ты у меня не выйдешь! Я тебя к тетке отправлю!

Не дожидаясь ответа, Нина Сергеевна схватила Аглаю за руку и поволокла к выходу. Аглая хотела мне сказать еще какую-то гадость, но не успела. Дельфина она забыла на подоконнике.

– С нами наш новый гость! – послышался из зала голос Зинаиды Захаровны. – Исполнительница классических песен и баллад...

Душно стало, я прихватил дельфина под мышку и поспешил на воздух.

Кристины на крыльце не было. Возле угла КСЦ курил Большак. Из КСЦ лилась музыка, романс «В лунном сиянье», исполняемый классическим гитарным строем, с архаичными вокальными завываниями и дребезжанием голоса.

Я сел на скамейку под куст ирги, посадил рядом с собой дельфина.

Тепло. По аллеям возле «Дружбы» гуляла пыль. Хорошо бы пива холодного, подумалось. В «Чагу», смотреть за поездами.

Мимо прошагал мужик с корзиной, мне показалось, что я его раньше видел, наверное, он когда-то работал в «Музлесдревке». Зачем ему корзина в июне...

– Сколько времени? – спросил я.

Колосовики.

– Пять часов, – не оборачиваясь, ответил мужик.

– Ты куда с корзиной? – спросил я.

Мужик не ответил.

Из «Дружбы» вывалился Хазин, за ним Роман, оба покачивались. Из кармана у Шмули торчала бутылка шампанского, Хазин был настроен решительно. Они заметили меня и неуверенно приблизились.

– Витя, ты чего сорвался? – спросил Хазин. – Там сейчас фокусы...

– Душно, – ответил я. – Голова закружилась...

– Понятно.

– Хазин, тебя велели выслать из города, – сказал я.

– И ты, Ихтиандр... – Хазин потрепал дельфина за нос. – Правду никто не любит, Ихтиандр...

– Это Левиафан, – поправил Роман. – Девочка про него стихи рассказывала, он что-то там стирает...

– Простирай мои труселя, – предложил Хазин.

После чего и Шмуля, и Хазин бухнулись на скамейку по сторонам от дельфина.

– Витя, ты зачем у ребенка рыбку отобрал? – спросил Хазин.

Я не понял, что можно на это ответить.

Мимо бодрой походкой проследовал тот самый столетний хирург, я подумал, что неплохо бы с ним поговорить. Расспросить про госпиталь во время войны. Про город во время войны расспросить...

– Мне кажется, это потомок адмирала Чичагина, – заметил Хазин. – Очень похож на памятник.

– Ты разве памятник видел?

– Я думаю, тут полно потомков адмирала, – сказал Хазин. – Его превосходительство знал толк в прыжках на батуте...

Шмуля открыл с хлопком шампанское, разлил по пластиковым стаканчикам.

– За адмирала Чичагина! – провозгласил Шмуля.

Мы выпили.

– Адмирал Чичагин стал прообразом капитана Немо, – изрек Хазин.

И занюхал шампанское плюшевым дельфином.

– Я читал про капитана Немо, – заметил Роман. – Он изобрел торпеду...

И выпил еще шампанского. Подошел человек, вернул Хазину камеру. Хазин сразу стал проверять карту памяти, Шмуля привалился к мягкому дельфиньему боку и уснул. День продолжался.

Постепенно из Дома культуры выходили и другие люди, несколько угорелые от выпивки и искусства, смеялись, курили и распределялись по остальным скамейкам. Мы сидели и смотрели. Я не знал, что дальше делать. Продолжать этот день никаких сил не оставалось, я бы вернулся в гостиницу и лег спать, но чувствовал, что не дойду. Такси тут не вызвать, надо ждать, когда Хазин протрезвеет хотя бы вполовину.

– Шампанское будоражит ум, – сказал Хазин. – А вот и пупсик!

Из клуба вышел мэр Механошин, увидел нас, помахал рукой.

– Мы тут! – помахал Хазин в ответ.

Мэр направился к нам.

– Присаживайтесь, Александр Федорович! – Хазин подвинулся по скамейке. – Это наши друзья – Шмуля и Ихтиандр.

Механошин не стал садиться.

– А мы вот тут думаем про адмирала Чичагина, – сказал Хазин. – Мы в музее выяснили, что у него осталась масса потомков. В том числе и в Чагинске. Вы случайно не его потомок?

– Я? Нет, мой дед из Сибири приехал...

– Жаль. А мы хотели как раз подкинуть идею. Пригласить на День города потомков адмирала Чичагина.

Хазин сжал шею дельфина, отчего его глаза испуганно растянулись.

– Знаете, преемственность поколений, все дела... Вот представьте: праправнук адмирала Чичагина вручает нынешнему мэру ключи от города!

Я отобрал шампанское у Романа, допил. Надо домой. В гостиницу то есть. Поспать. Поспать и поработать. Хазин навел камеру на мэра, сфотографировал.

– Хорошая мысль, – согласился Механошин. – Надо обсудить на следующем совещании. А я вот что вам сказать хочу... Вы пока не разбегайтесь, ребята, хорошо?

Хочу домой.

– Зачем? – не понял я. – Зачем не разбегаться?

– У нас сегодня еще одно мероприятие, – пояснил Механошин. – Скромные посиделки, шашлык, рыбка копченая. Для своих, само собой. Вас ждут. Приезжайте.

– Обязательно, – ответил Хазин. – Мы очень признательны... Шмуля!

Хазин постучал Романа в шею, тот не проснулся.

– Шмуля, вечером еще банкет, а ты нажрался!

Роман не ответил.

– Тогда примерно через час в грязелечебнице.

Механошин пожал руки мне, Хазину, спящему Роману, после чего удалился.

– Через час в грязелечебнице... – произнес Хазин. – Звучит, как начало романа. Витя, не хочешь рыскнуть?

– Нет, – сказал я.

– Почему?

– Устал. Я много раз рисковал в грязелечебницах, ты же знаешь...

– Витенька! – Хазин заговорил скрипучим голосом дельфина. – Нам надо пойти на праздник.

– Да зачем? – не понимал я.

– Ты что, не понимаешь?! Там все местные бугры соберутся.

– И что? Они уже здесь собирались...

– Как что?! Это же связи, Витенька! Бугристые связи!

Связи. Я не хотел заводить никаких связей в Чагинске. Книгу я мог написать и без всяких связей, у меня все для этого есть...

– Это предложение, от которого нельзя уклониться, – сказал Хазин.

Он поднялся со скамейки и потер лоб, стараясь вспомнить, где оставил машину.

– Туда нельзя ходить, – не открывая глаза, сказал Роман.

– Ты дурак и ничего не понимаешь, – поморщился Хазин. – И я не собираюсь с тобой спорить... Вить, где мы машину-то оставили?

– Возле котельной, – напомнил я. – На куче.

– Я пойду, поищу на куче, а вы никуда не убегайте. Ихтиандро, идем со мной. И в грязелечебницу!

Хазин взял под мышку дельфина и отправился искать машину.

– Не надо нам туда, – повторил Роман. – Пойдем...

Роман попытался подняться со скамейки, не получилось.

– Виктор, надо уходить...

Роман попробовал снова встать.

– Туда нельзя...

– Ладно, – согласился я. – Нам надо уходить. Я, признаться, не хочу... ни в какую лечебницу.

Я поднялся, поймал равновесие, выдернул со скамейки Романа.

– Шмуля, держись, – сказал я. – До гостиницы три километра, мы дойдем.

– А Хазик? Ему нельзя управлять транспортными средствами...

Я показал предусмотрительно вытасканные из кармана Хазина ключи от машины. Роман захихикал. Мы направились в сторону гостиницы, кажется. Не очень шагать легко было, Романа то и дело изрядно разматывало, так что иногда приходилось держаться за забор. Пространство испортилось, вот мы были возле Дома культуры и тут же оказались возле синего забора – синий забор вокруг городского парка, ограда из тонких железных прутьев.

– Стой, – сказал я Шмуле. – Здесь короткая дорога есть...

Я остановил Шмулю, привалил его к забору, затем растянул два прута и попытался пролезть. Но не получилось, я смог просунуть внутрь голову, застрял, вырвался, прищемив уши. Шмуля держался за забор обеими руками, удобный забор, как раньше. Я старался раздвинуть прутья шире, но они не поддавались, кажется, их заменили, раньше они были из мягкого железа, сейчас, похоже, стальные. Шмуля попробовал протиснуться сквозь прутья, но застрял еще бесславней меня, половиной туловища.

– Я застрял, – вздохнул Роман. – Надо было в Кинешме оставаться...

Я попытался добыть его из забора, но он попался основательно, или я неправильно держал.

Скрипнули тормоза, я оглянулся. Возле обочины стояла «шестерка» Хазина. Не думал, что он сможет вести в таком состоянии.

– «Забор Большака», – из окна выставился Хазин и стал фотографировать Романа в затруднении. – Так и знал, что этим закончится. Витя, ты его втолкни лучше, а он потом снизу подлезет...

– А кто управляет? – спросил Роман.

Я ухватился за Шмулю покрепче, дернул посильнее, мы упали.

– Я сегодня немного в хлам и не стану даже за рубль... – пояснил Хазин. – Так что за драйвера у нас сегодня сатрапейро Теодоро. Он умеет заводить без ключей и ездить без рук!

Из машины выглянул Федор.

– Вить, помочь тебе? – спросил он.

– Не...

Я поднял Романа с земли.

– Шмулю не забывай, – сказал Хазин. – Его нельзя бросать одного, он потеряется.

– Меня можно бросать, – возразил Роман. – Я не потеряюсь...

Я открыл заднюю дверь «шестерки» и поместил в салон Романа.

– Тут мои вещи! – восхищенно воскликнул он. – Лежат!

Я забрался в машину с другой стороны. Роман устроился с колесной лирой в обнимку, на сиденье рядом блестела шашка.

– Вперед, Пёдор! – крикнул Хазин. – Вперед!

Между Хазиным и Федором сидел плюшевый дельфин. Мы поехали. Вниз по Вокзальной, через лужу, через шпалы, мимо музыкальной школы, мимо, в автомобильный мост.

– Федя у нас шабесгоем, – сообщил Хазин. – Добро пожаловать в кибуц! Подайте мне саблю!

На мосту меня слегка затошнило, наверное, от высоты. А Хазин потянулся к шашке.

– «Шабля и шибболет»! – провозгласил Хазин. – Вступайте в наше тайное патриотическое общество!

– Саблю не трогай, – посоветовал Федор.

– Как скажешь, Феофан. Зачем нам на банкете сабля?

– Зачем нам этот банкет? – спросил Шмуля. – Зачем нам еще один банкет?

И нечеловечески загудел колесной лирой, в этот момент мы стали съезжать с моста.

– Федор, Шмуля спрашивает: зачем нам банкет в грязелечебнице? – поинтересовался Хазин. – Вроде все съели... Или там и банкет и грязелечение?

Федор не ответил. Мы почему-то свернули с асфальта и теперь пробирались по проселку, справа блестела незнакомая вода, тут не должно быть никакой воды...

– Мы это где? – спросил я.

– АРЗ, – ответил Федор.

– Это же АРЗ! – заорал Хазин. – Я так и знал!

Он постучал Федора по плечу, и мы едва не соскочили с дороги.

– Грязелечебница имени адмирала Чичагина ждет нас! – не унимался Хазин.

– Разве в Чагинске есть грязелечебница? – спросил я. – Я не знал...

– Ее открыли, – сказал Федор. – Реставрировать собираются.

– Ее открыли для нас! – сказал Хазин. – Для тебя, для меня, для Зинаиды Захаровны! О, эти целебные грязи... Теодор, а ты в курсе, что наш Витенька большой спец по грязелечебницам? Он уже пятнадцать грязелечебниц раскрутил...

Хазин посвистел.

– До космических уровней! Возможно, он единственный триггер грязелечебниц в Центральном федеральном округе. Куда он ни приезжает, там немедленно открывается солидная грязелечебница и марциальный бувет...

– Заткнись, – попросил я.

– Зачем мы туда? – не понимал Роман. – Прием у губернатора уже был...

– У врио, – поправил Федор. – А там будет...
– Дансинг! – воскликнул Хазин.
– Барбекю и напитки, – сказал Федор.
– ... Потом банкет у мэра, – продолжал Роман. – Иногда еще банкет бывает у главврача...
– И в гильдии зоотехников! – перебил Хазин. – Но это под утро, ближе к рассвету. Но зато песни какие душевные...

– У зоотехников пока приема нет, – усмехнулся Федор. – Но, может, проведут.
– Лучше у библиотекарей! Люблю, чтобы культурно!
– Зачем четыре банкета друг за другом? – Роман потряс головой. – Я не понимаю...
– Шмуля, «Табель о рангах» перечитай, – посоветовал Хазин. – Нельзя нарушать куртуазность поведения, правда, карабинойро?

Федор закурил в окно.

– Давайте споем в дороге, – предложил Хазин. – Я знаю одну чудесную песню...
– «Чесоточка»! – перебил Роман. – Споем «Чесоточку»!

Но спеть не успели, Федор свернул в сосновую рощу, и мы приехали. Грязелечебница не выглядела отреставрированной. Хотя я никогда не видел старых грязелечебниц севера России, но эта походила на несколько обычных длинных барачков, покрашенных белой краской. Чуть на отшибе стояла котельная, а между котельной и корпусами – деревянная с виду башня, похожая на водонапорную.

– Прямо как в Солигаличе, – сказал Шмуля.
– Это грязевая башня, – пояснил Хазин. – Тут зреет грязь.
– Вылезайте, – сказал Федор. – Там все готово. Вылезайте!
– Я тут полежу, – попытался отбрыкаться Роман. – Мне нехорошо...
– Там тебе полегчает, – пообещал Федор. – Витя, проследи!

Я выбрался из машины. И Хазин. Роман с трудом вышел. Под мышкой лира, под другой шашка.

– Нам в столовую, – махнул я рукой.

Я оглянулся. Федор пренебрежительно парковал «шестерку» у грязевой башни, расстояние не держал, тыкался бампером в кирпичный фундамент, правым бортом ломал кусты сирени.

– Федя, не надо ломать! – крикнул Хазин.
– Прямо идите!

Мы шли прямо под тоскливые музыки Шмули по направлению к столовой.

– В детстве так жить мечтал, – болтал Хазин. – Чтобы до утра с бандурой и шашкой... у главного энергетика... Зачем я на исторический поступал, надо было на бандуриста... Гуди, гудок!

– Гудок – это немного другое, – возразил Роман.
– Это не бандура, это лира, – поправил я. – Колесная лира...
– Лира с ручкой, хочу такую. Продам талант, заплачут разведенки... Крутись, ручка, пляши, жучка... Рыбу забыли!

Хазин сбегал за дельфином, мы подождали.

– Эта сволочь всю машину мне раскурочила... я ему счет... Гуди, гудец...
– Рома еще шашкой крутить умеет, – напомнил я.
– Этот Рома никакой не Рома, а сущий Шмуля, – сообщил Хазин громким шепотом в глаз дельфина. – Шму-ууля... Я ашкеназа за семь километров чую... За семь сорок... Короче, только пуля козака во степи сотрет...

– Я не Шмуля, – сказал Рома. – Я Рома. Ро-ма...

Мы приближались к столовой, шли по тропинке. Роман крутил мелодию, Хазин пинал шишки, я запнулся за корни. Приземистый корпус белел среди сосен, вокруг расставлены

столы и мангалы, вкусно пахло жареным мясом и маринованным луком, в воздухе висел дым. Сосновый бор вокруг. Или кедровый.

– А мы вовремя, – сказал Хазин. – Я давно мечтал поучаствовать в барбекю. Это отдельная культура...

– А я нет, – возразил Роман.

– А мы с Витенькой да, мы с утра по-человечески не жравши, у врио одни фляки синие... А нам надо писать книгу. Шмуля, а если вот мы сейчас на тропинке встретим Пашу Воркутэна, а он тебе в морду плюнет, ты что делать будешь?

Роман растерялся.

– Я же говорю – Шмуля ты и есть, – подтвердил Хазин. – Настоящий козак Воркутэна бы как Тузик грелку, а ты калькулируешь...

Роман задумался.

Из-за корпуса столовой выехал синий пикап Светлова. Алексей Степанович легко припарковался между соснами, вышел из машины, снял пиджак, забросил в салон и, разминая пальцы, направился к нам.

– Начальство в гости... – сказал Хазин. – Такая лалула...

– Это он, – пробормотал Шмуля.

– Кто – он? – спросил Хазин.

– Этот... длинный, из НЭКСТРАНа...

– Как ты смеешь так говорить про нашего благодетеля?! – возмутился Хазин. – Не длинный, но протяженный!

– Я сам себе благодетель... – ответил Роман. – Я сам протяжен...

Силы у Романа иссякли, он больше не смог крутить колесико лиры, музыка стихла. Светлов приблизился.

– Привет-привет! – Алексей Степанович бодро пожал руки мне и Хазину.

Роман, похоже, хотел от рукопожатия увернуться, но энергичный Алексей Степанович пожал руку и ему.

– А это кто? Вилли?

– Это Ихтиандр, сын погребели, – сказал Хазин.

– Очень приятно, – Светлов пожал дельфину плавник. – Вы выбрали столик?

– Нет, – ответил я.

– Я думаю, вон там неплохо, – Светлов показал пальцем и пошагал к столику под сосной, недалеко от крыльца.

Мы плелись за ним. Роман, кажется, опьянел сильнее и запинался за корни.

– Как дела у вас? – спросил Светлов. – Продвигается работа?

– Работаем, – ответил Хазин. – Сегодня интересный день, много материала собрали. Я сфотографировал весь город, ну, кроме банкета, там запретили почему-то, у нас тут есть один друг, знаете, из опричников, этакий малюта...

Хазин ответил как трезвый. Как всякий опытный пьяница, он умел быстро трезветь и пьянеть в зависимости от неотложности обстоятельств.

– Да, сегодня много материала, – согласился Светлов. – Я распоряжусь, чтобы больше не запрещали.

– Спасибо, Алексей Степанович, вы просто Решилие!

Роман качнулся, я упустил, и Роман немного упал на Светлова. Тот поймал его и удержал на ногах.

– А я тебя все-таки знаю... – прошептал Шмуля. – Я тебя помню...

– Я тебя тоже, – улыбнулся Светлов. – Присаживайтесь.

Он передал мне Шмулю.

Мы устроились, я прислонил Романа к сосне спинкой стула, сам сел рядом, чтобы если что. Хазин по другую сторону. Светлов расположился напротив. Дельфин куда-то делся.

– Я слышал, вы КАЭС собираетесь реанимировать, – сказал Хазин. – Это правда?

Стол в грязелечебнице был сервирован проще: овощи, водка, лимонад, хлеб вкусный; я попробовал черный.

– Есть такие планы. – Алексей Степанович взял хлеб, понюхал. – Сейчас считаем. Возможно, будем строить заново, так дешевле.

– Я был на КАЭС, – зевнул Хазин. – Там отличная натура. А где новую хотите?

– Хазик, нельзя так грубо лизоблюдствовать... – заявил Шмуля. – Тебя не возьмут... никуда не возьмут...

Из окна столовой выглянул мэр Механошин и тут же спрятался. Через секунду к нам подбежала официантка и сменила на столе водку.

– Отличная идея! – Хазин тут же схватил бутылку, свернул крышку и разлил по стопкам. – За успех нашего предприятия!

– За адмирала Чичагина, – сказал я.

– Я понял, кто был их отец... – Роман потянулся к водке. – Понял...

– Шмуде больше не наливать. – Хазин отодвинул от Романа стопку.

А Алексей Степанович, кажется, был не против выпить. Мы чокнулись и выпили, водка оказалась удивительно хороша.

– Неплохо, – сказал Хазин.

– Да, неплохо, – согласился Светлов. – Кстати, мне понравилось. Я о стихах про станцию «Мир». Это забавно.

Светлов поощрительно похлопал Хазина по плечу.

– Это на самом деле не про станцию «Мир», – стал разьяснять Хазин. – Вы же понимаете, Алексей Степанович, это про другое...

– Да, разумеется, понятно, что про другое. Но ведь и про станцию тоже...

– Да, это понятно...

В окно выглянули мэр Механошин и Зинаида Захаровна рядом с ним. Улыбнулись.

– Мне говорили, что тут чудесно готовят мясо, – сказал Светлов. – Слышите, какой необычный запах?

– Пахнет изумительно, – согласился Хазин. – Мэр обещал, что мясо будет фантастическое.

Запах был действительно фантастический, остро-сладкий, перечный. И гостей пока немного. Хорошо.

– Я люблю начало лета, – Светлов с удовольствием огляделся. – Первые недели, сирень цветет, акация, запахи... Лучшее время.

– Как дела с котлованом? – спросил я.

– Неплохо, – сказал Алексей Степанович. – Котлован по графику. А как День города?

– Праздником Крыков занимается... – ответил я. – Его здесь нет, но он придет. А мы...

– Тут для приличных людей, – заметил Хазин. – А Крыков...

Хазин икнул.

– Неприличный человек. Он нас неоднократно кидал, Алексей Степанович...

– Хазин! – попросил я.

Хазин замолчал, стал есть огурец.

– А книга ваша как? – спросил Светлов.

– Спасибо, вполне продвигается, – ответил я. – Сейчас мы как раз описываем... вот грязелечебницу. Здесь самая высокая грязевая башня в Восточной Европе... Известная грязевая башня в Светлогорске ниже на полтора метра...

Я указал пальцем в сторону Светлогорска.

– Нет, я про настоящую книгу. Вы над чем-то работаете?

Я не успел ответить, возникла Зинаида Захаровна.

– Добрый вечер! – Зинаида Захаровна осветилась приветственной улыбкой. – Что-нибудь требуется?

– Когда шашлык будет? – спросил Хазин сварливо.

– Скоро! – заверила Зинаида Захаровна. – Наш повар готовит изумительное мясо! В маринаде из гранатового сока! Сейчас как раз пробную партию делаем, проверяем решетки... Скоро все будет готово, начнем отдыхать!

Подкатил черный «ваген» врио. Сам врио из него не объявился, вылезли усталый полярник и Паша Воркутэн. Полярник имел привычно отсутствующий вид, Воркутэн переоделся в тренировочный костюм и хищно поглядывал вокруг. Зинаида Захаровна устремила к ним.

– А где же сам исполняющий? – спросил Хазин. – Мы так ждали...

– Ему позвонили, – ответил Светлов. – Сами понимаете, заботы. Область довольно запущена, работы по колено.

Полярник и Паша Воркутэн разместились за соседним столиком. Присутствие Паши привело к пробуждению Романа, он открыл глаза и стал поглядывать.

– Шмуля рэвнует, – сообщил Хазин. – Будет бойня сучек...

Зинаида Захаровна вернулась к нашему столу и сообщила:

– Наш повар – заслуженный работник культуры Российской Федерации.

– Будет бойня работников культуры! – хихикнул Хазин.

– Большое спасибо, – поблагодарил Алексей Степанович. – Передайте ему поклон.

– Обязательно! – Зинаида Захаровна стала поправлять приборы на столе. – Он будет очень рад...

За соседний стол уселись люди в пиджаках, я видел их еще в Доме культуры и почему-то подумал, что они – потомки адмирала Чичагина: Виктория, Надежда и Оскар. Оскар нервничал, возил вилок по краю тарелки и озирался, мне показалось, что Оскар хочет в туалет, но стесняется спросить, где он.

Из столовой выступил мэр Механошин, он задержался на крыльце, осмотрелся и пошагал к нам.

– Здесь раньше били горячие ключи, – сообщил Светлов. – Они сейчас заилены, но мы хотим их со временем открыть. Знаете, наш холдинг при каждом предприятии открывает свою здравницу...

– Прекрасная идея! – Зинаида Захаровна уронила вилку. – Об этом мы давно говорили, как хорошо, что теперь... Так все получилось... Отдыхайте!

Зинаида Захаровна сместилась, ее место занял Механошин.

– Добрый вечер! – с энтузиазмом произнес он.

После чего поздоровался со всеми за руку, даже со Шмулей. Я все сильнее ощущал нарастающий сюрреализм ситуации, но как во сне не мог вырваться из цепких лап абсурда, куда тут вырвешься.

– Отдыхаем, Александр Федорович, – ответил Светлов. – Прекрасная погода!

– Да, погода прекрасная. Скоро будет готово мясо! У нас опытный повар...

– Он заслуженный работник культуры, – перебил Хазин.

– Заслуженный работник сепультуры, – булькнул Шмуля.

Светлов рассмеялся и посмотрел на Романа с интересом. Мэр вежливо похихикал.

– Роман, а вы кем работаете? – спросил Светлов.

– Я артист...

– Он незаслуженный работник культуры, – хихикнул Хазин.

Все-таки пьян, подумал я.

– Отдыхайте, пожалуйста, – сказал мэр. – Если что – я рядом. И Зинаида Захаровна...

Зинаида Захаровна приложила руку к сердцу.

– Иду встречать гостей, – сообщил мэр. – Извините.

Удалились.

Подъехало несколько машин, из них выходили люди. Зинаида Захаровна и Механошин встречали их, провожали между деревьями и рассаживали за столы. Директор музея Бородулин, люди из электросетей, лучшие и начальники, Большак и Большуха, управители доручастка и «Гортопа», другие, я видел их недавно в клубе, медиков и педагогов, они размещались за столами, день заходил на свой второй... или третий вираж, день продолжался и продолжался, Паша Воркутэн курил длинную папироску. Все эти люди вели себя слегка стеснительно и поглядывали в сторону нашего стола, на Светлова. Мясом пахло все сильнее.

– Хорошая грязелечебница, – признался Хазин. – Здесь... сосны...

– Реликтовая роща, – пояснил Светлов. – Таких мало сохранилось, люди почему-то старались их уничтожить... Высаживали на их месте скучные леса...

Федора все нет, вдруг подумал я. Несет службу в окрестностях или на кухне, забрал с мангала шампур и жуёт, сидя спиной к углям, ну его.

Гости окончательно разобрались по столам, я еще надеялся, что обойдется, но не случилось, когда все устроились, Механошин взял слово.

– Я рад вас снова сегодня видеть, – сказал Механошин. – Мы собрались сегодня, чтобы еще раз... чтобы еще раз подтвердить... Еще два года назад здесь ничего не было. Грязелечебница не работала двадцать лет, все корпуса прохудились, все разворовано. Но пришло новое руководство, которое взяло на себя ответственность. Мы, городская администрация, рука об руку с областной администрацией и представителями бизнеса сделаем все, чтобы возродить в нашем районе рекреационную компоненту. Я надеюсь, нет, я уверен, что через несколько лет наша лечебница станет бальнеологическим курортом!

Зинаида Захаровна захлопала в ладоши. Некоторые тоже захлопали, Шмуля особенно громко.

– И поэтому я хочу поднять тост... – Механошин повернулся в сторону Светлова. – Поднять тост за то, чего сейчас нашей стране очень не хватает.

Между реликтовыми соснами прокатился стеклянный звон, Хазин быстро разлил. Механошин высоко поднял фужер.

– За национально ориентированный бизнес! – закончил Механошин.

Светлов вежливо поднял рюмку. Мы выпили. Нет, эта водка была значительно лучше предыдущих. Механошин опрокинул фужер и устало опустил на стул.

– А теперь – угощение! – объявила Зинаида Захаровна.

– Наконец жрака! – Хазин хлопнул в ладоши.

Светлов вежливо улыбнулся.

Официанты внесли подносы с зеленью, лавашем и шашлыком, на каждый стол по два подноса и тарелки с соусами. За наш стол Зинаида Захаровна поднос с мясом принесла сама.

Хазин тут же схватил шампур, откусил, закрыл глаза от удовольствия.

– Приятного аппетита! – улыбнулась Зинаида Захаровна.

Мясо пахло достойно, но я знал, что в мясе и в вине запаху доверять нельзя, а вот то, как Хазин откусил, выглядело многообещающе – кусок не растянулся, но и не подался слишком легко, и выступивший сок был прозрачен.

– Хорошо, – сказал Хазин. – Это очень хорошо...

Я решил не ждать, пока остальные устроятся, схватил шампур. Шашлык, маринованный в гранатовом соке. Лаваш из тандыра, откуда они нашли тут тандыр, запотевшая бутылка...

– Мне плохо, – сказал вдруг Роман. – Меня тошнит... сейчас...

На лице Зинаиды Захаровны обозначилась тревога. Я отложил шампур.

– Я говорил – не брать этого балеруна, – заметил Хазин. – Он нам весь стол заблюет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.